

История княжества Псковского. Том I митрополит Евгений (Болховитинов)

[Том 2](#) * [Том 3](#) * [Том 4](#)

I. О начальном поселении Славян в Изборском Княжестве

Славяне, в пятом столетии по Рождестве Христовом появившиеся на Юге Европы, потом некоторыми племенами своими обратившиеся от Задунайских стран к полуночным, заняли оные до берегов Балтийского моря. Одно из сих племен, известное в Летописях под именем Кривичей¹, простерлось далее к Востоку и разделились на три части. Первая осталась близ Двины на реке Полёте, От коей и назвалась Полочанами. Вторая уклонилась к юго-востоку по Днепру и основала город Смоленск. Третья обратилась к Северу к ныне называемому Псковскому Озеру, и построила город Изборск. Может быть к сему же племени отнести должно и четвертую часть, которая прошла далее к северо-востоку, и поселившись около Ильменя озера, удержала на себе коренное древнее звание Славян. По крайней мере так можно думать потому, что Литовцы долго всю Россию называли Землею, Кривечей а на Латышском языке Кревами и ныне называются Русские.

Судя по пространству мест, занятых сим Кривеческим племенем от Полоцка до Смоленска, и до озер Чудского и Ильменя, должно заключать, что оно было многочисленное, а по завоеваниям вскоре затем последовавшим и сильнейшее других единоплеменников своих. При первоначальном их поселении на всем сим пространстве множество найденных ими озер, изобилующих рыбою и водяными птицами, а лесов зверями и дичью, долженствовало служить им безнуждным и легчайшим пропитанием; а избытками они могли меняться с соседями: но силою покорили они и их самих в непродолжительном времени. Полочане около 200 лет имели данниками у себя всю Литву и Чудь Лифляндскую и Курляндскую, а город их под именем Пелтискум славен был торговлею и у Северных народов. Смоляне от Великих Лук и Торопца владели обширными странами на Востоке и Юге, может быть даже до Мерян Ростовских. Олег, в 882 году шедши на Киев, застал Смоленск независимым и богатым уже городом. Ильменские Славяне по всей северной полосе простерли свои завоевания до Белого моря и до Сибирского пояса гор. Одни Изборские Кривичи были слабее соплеменников своих, и место себе заняли такое, с которого долго не могли распространить владений своих. Издревле обсеявшие обширные озера, Чудское и Псковское, называвшееся Пейпус и Пелба, Лифляндские и Естляндские Чуди кажется с самого начала не позволили им и

приблизиться к оному. По сему то избрали они в 15 верстах от озера Псковского высокую гору для построения на ней города своего Изборска, так названного ими либо от избрания, либо от Скандинавского слова Исаборг, как думал Миллер, значащего город на реке Исе, далекой однако же от нынешнего Изборска в Опоческом уезда <...> сбора туда народа (ибо в некоторых Летописях назван он Сборцы и Сбореск) или но наименованию какого-нибудь прежнего своего города, в память отечества, как и часто делали сие поселенцы Славянские. Ибо города под названием Изборска были и в Литве и Вольни, через которые проходили Славяне на Север. Как бы то ни было, но возвышение места, с коего видно во все стороны на дальнее расстояние, чистые и обильные истекающие из Изборской горы ключи, донныне именующиеся Славенскими, и проток от них реки, тогда еще может быть не заросшей и способной бывшей к плаванию до озера, могли их убедить избрать себе первое поселение пока на сем месте, и оттуда расширяться селами и волостями по окрестностям. Владения их к западу с начала не могли простираться далее нынешнего города Печер, за коим и донныне граничат еще Лифляндские и Естляндские Чуди; к Югу не далее нынешних городов Острова, или по крайней мере Опочки, за коими прочие земли ближе были к Полотским и Смоленским Кривичам; к Востоку до нынешнего Новоржева и части Порховского уезда; а к Северу не далее города Гдова. Но из сих городов Опочка и Гдов построенных уже в 15 столетии: а Новоржевский уезд почти до самых Святых Гор долго принадлежал к Новгороду. Посему то стеснению почти под их покровительством и защитою, а весьма часто и под правлением. Новгородцам же области своей Изборяне и Псковичи держались наипаче союза с Новгородцами и долго были с своей стороны нужны они были Во-первых для перевода торгов с пограничными им Чудями, во-вторых для заслонения себя от их набегов.

II. О правлении изборских славян

Какое издревле было правление Изборских Кривичей, о том нет достоверных известий в Летописях. Отрывок так называемой Иоакимовой Новгородской Летописи, Татищевым в первой части своей Истории помещенный, повествует о Князьях Изборских, задолго якобы до пришествия Трувора здесь княживших. Он производит их от какого-то Северного Князя Вандала, который, якобы сынам своим Избору и Владимиру построил города по их именам, назвав Изборск и Владимир, А подробная летопись от начала России до Полтавской баталии (изд. 1798 года в С. П. Б.) говорит, что якобы “Славенск, сын „Гостомыслов, отшел от отца своего в Чудь, и там постави град на месте нарицаемом Сходница, и нарече граду имя Славенск, и княжи в нем три лета и умре, сын же его Изборск премени тому граду Славенску имя, и нарече во имя свое Изборск: а сей Князь Изборск змием уяден умре.” Но все эти сказания, как поздние и в древних Летописях не обретающиеся, сомнительны. Гораздо вероятнее можно полагать, что Изборские Кривичи первоначально управлялись своими избранными Старшинами и общим советом, наподобие Республики, как обыкновенно было вообще у Славянских племен, по описанию Византийских Историков, и у Северных народов по описанию Тацита и других. По крайней мере согласно с сим свидетельствует и Псковская, хотя не древняя Летопись. От начала Русския Земли, говорит она, град Псков ни коим же Князем владом бе, но на своей воле живяху в нем сущии людие. Вместо Законов письменных, конечно управлялись они, как говорит Нестор о всех Славянах, обычаями своими и законом отец своих и преданиями. В нравах он полагает Кривичей сходными с Радимичами, Вятичами и Северянами. А сии народы, по его же описанию, жили в лесахъ, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословие в них пред отцы и снохами, и браци не бывают в них, но игрища меж сел. Схождаху на игрища, на плясания и на вся бесовские песни, и ту умыкаху жены себе, с неюже кто совещаешя; имяху же и по две и по три жены. И аще кто умираше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику, и возложати на кладу мертвеца и сожигаху, и по сем собравше кости, влагаху в сосуд мал, и постпавляху на столпе на путех.

Около половины 9 века один из-за Балтийского моря сильный Варяжский или Нормандский народ начал нападать на приморские Чудские племена, потом на Кривичей и на Ильменских Славян, за ними

поселившихся, наконец на Весей и Мерян, от Белого озера до Ростова обитавших, и в 859 году обложил всех их данью. Несколько лет, исполняли они уничижительную сию повинность; а наконец, соединясь между собою союзом, отреклись от подданства Варягам: но не умевши сами у себя уставить общего правосудного Правления, восстали племя на племя, и произвели междоусобие. Наконец, для прекращения оногo все согласились в 862 году призвать к себе на Княжение из Варягов же Русских Князей. По сему приглашению пришли к ним Рюрик, Синеус И Трувор, три брата Князя с племенем своим. Из них первый принял Княжение у Славян на Ильмени, второй у Весей на Бело-Озере а третий у Кривичей в Изборске. Псковская же Летопись по Ермитажному списку, полагает Трувора седшим, вместо Изборска в Словенске, может быть разумея под сим так названные Славенские Ключи при Изборской горе. Впрочем как бы то ни было, Трувор был Князем Изборских только Кривичей, и власть его кажется не простиралась на Полотских и Смоленских, которые по отдалению своему от моря не могли утесняемы быть и Варягами; а потому и в союз с утесненными о избрании Русских Князей вступать не имели нужды. Притом, по сказанию Нестора, Рюрик по смерти Трувора и Синеуса соединивший все три Северные Княжества под единоедержавие свое, уже в 864 году заставил и Полотских Кривичей принять от него Удельного Князя; а Смоленск покорен уже Олегом в 882 году. Что касается до Чудей, бывших в согласии с Ильменскими Славянами и Кривичами Изборскими на избрание Русских Князей, то под именем сих Чудей, может быть разумеать должно только племя Естляндцев, от берегов Финского Залива простиравшихся по реке Нарове к западным берегам озера Чудского и Псковского до Изборской, и от Ингрии до пределов Новгородской области. Из сих Чудей западные могли быть присоединены к Труворову Княжеству а посему то кажется с тех пор удерживаемы были в подданстве и преемниками его. Владимир Великий брал уже дань и со всей Лифляндской Чуди. После него они отпали было: но в 1030 году Великий Князь Ярослав Владимирович опять покорил их и построил на судоходной реке Амовже, или Ембахе, впадающей в Чудское озеро, Город Юрьев, ныне называемый Дерпт куда уставил он привозить и все дани Лифляндекие и Естляндские.

III. О начале города Пскова устройении и населении оного

Под 903 годом Нестор по случаю брака Великого Князя Игоря упоминает уже о городе Пскове, говоря: приведоша ему (Игорю) жену от Пскова именем Ольгу. Но сие сказал он для означения места родины иной, кажется по современной уже ему знаменитости Пскова. Ибо Ольга приведена из Выбутской Веси, отстоящей в 12 верстах вверх по реке Великой от города, а не из Пскова, основанного уже ею после крещения ее и возвращения из Царьграда. Степенная Книга подробно повествует, каким случаем Игорь в переезде свой через реку Великую под селом Выбутским заметил и узнал сию свою невесту, дававшую на предложения его благоразумные ответы².

Название города Пскова построенного при устье реки Псковы, впадающей в реку Великую, а вытекающей из озера Псковицы, в Несторовой Летописи по Кенигсберскому списку и в некоторых других Псков, а по Лаврентьевскому списку и по Новгородскому называется Плесков. Во Псковской Летописи в древнейших годах именуется также Плесков, но в последующих до конца только Псков. От сего различия наименований родились разные толки о происхождении оного. Татищев производит Плесков якобы от плеса или плескания воды. Но имя сие при Пскове ничего замечательного не означает. Другие думают, что Ольга в путешествии своем в Канстантинополь, заметив почему-нибудь Болгарский город Плискову за Дунаем бывшую и с прочими Болгарскими городами состоявшую после во владении сына ее Святослава, нарекла сим именем и свой город³. Но жизнеописатель Ольгин производит название Пскова от реки Псковы, которая кажется так названа от пещаного озера и песков, из коих она вытекает и которые окружают со всех сторон город Псков.

Близость сего места к озеру Псковскому, соединяющимся с Чудским, и удобство водяного сообщения по впадающей в оное реке Великой со всеми южными Псковскими землями, были без сомнения важным убеждением мудрой Ольги к построению Пскова на оном. Псковичи, получая водяным путем по реке сей произведения своих Пригородов и Волостей, могли прямо сплавать все товары сквозь озеро в одну сторону к Чудским берегам и по реке Амовже, ныне называемой Ембаху, до Дерпта к Естляндии и Лифляндии, а в другую до Финского залива по реке Наров к Северным народам. Даже и Новгородцы, производившие знатные торги с

Лифляндцами и Естляндцами на всех бывших у них в разных местах ярмарках, на кои съезжались и Северные народы, свозили также для сплавки во Псков свои товары содержали здесь свои подворья и магазины. Ибо пока еще они не имели в полном своем владении берегов Финского залива, и пока не завели своего судоходства ..... и прямо не познакомились с торговыми северными городами, то Русская северная торговля большей частью проходила Лифляндским и Естляндским путем во всю Европу.

По основании Пскова, Изборск перестал уже быть Столицею своей Области, Однако же из уважения к древности его и для пограничной от Лифляндских Чудей в нем Крепости, даже до 15 столетия имел он иногда своих Князей, или Княжеских Наместников, избираемых Псковскою Вечею, и бывших там на страже от нашествия соседей. Кроме того сей город не имел уже никакой другой знаменитости. Он даже не однократно неприятелями был сжигаем и разоряем, а самими Изборянами переносим на разные ближние места и часто перестраиваем, как ниже означено в сокращенной Псковской Летописи⁴. Нынешние каменные стены его строены уже в 14 столетии.

Город Псков сначала построен был деревянный, по изобилию окружавших его в древности лесов, как об них упомянуто и в житии блаженной Ольги; а потом уже постепенно перестраивался плитным камнем, которого здесь по Великой реке и по полям чрезвычайное множество. Первым местом поселения Псковичей, кажется была гора при устье реки Псковы, впадающей в Великую, способная для Крепости, которая с начала там устроена также деревянная. Уже Князь Домант в последней половине 13 столетия начал строить нижнюю часть ее из плитного камня, которая с тех пор и называлась просто Домантовой стеной или Крепостью, а верхняя на самой горе, окружающая Троицкий Кафедральный Собор, для отличия от оной в последующие времена именовалась Детинцем, как и Сфийская в Новгороде⁵. Но сия верхняя Крепость сто лет после Доманта оставалась все еще деревянной и начата каменная уже с 1393 года, после того во Псковской Летописи особливо северная ее часть к устью Псковы именованная Кромом и Кремом, может быть по примеру Московского Кремля, или по укромности от нижней Крепости. В сем Крому были и кладовые с погребами, в коих граждане укрывали от неприятелей лучшее свое имение и общественные запасы. По преданию полагают, что в нижней Домантовой стене был и двор сего Князя, но где неизвестно. Преемники его перенесли оный на площадь к Великоорецкому мосту; а сия стена или двор Домантов весь занят был

Церквами и Церковными зданиями, между коими осталась донныне только Димитриевская Церковь, древняя Тиунская или Судейская Палата, и первоначальный Архиерейский дом, строенный Новгородским Архиепископом Макарием в 1535 году для приездов своих, где ныне Консистория, в прошлом столетии новым фасадом переправленная. Каждая линия стены верхней Крепости во Псковской Летописи именована Пряслон; а возвышенные зубцы или гребень на стене против Алтаря Соборного Персями, на коих сперва висели и колокола Соборные. Обе Крепости простираются в длину по берегу реки Великой около 200, а в ширину около 60 сажень. Ибо теснота горы, или мыса между двумя реками не позволяла расширять их. Все прочее за стенами сими называлось еще в 1263 году Посадом и Застеньем; а в 14 столетии упоминаются уже населенными и Запсковье и Завеличье. От нижней стены Домантовой проведена в верх по правому берегу Великой реки вторая стена плитная на 325 сажень, которая с берега под прямым углом поворачивая на гору, окружала так называемый Средний город на 500 сажень обратно к реке Псков за Петропаловским Собором, против Церкви Мученика Евстратия. Она строена в начале 14 столетия на месте уже деревянной, которая была теснее сей новой, как можно заключать из названия бывшей Преображенской Церкви именованной у Старого Костра на углу первого от площади левого переулка к Труперховским воротам. В 1433 году была и сия каменная разобрана и потом сделана новая. Третья стена, вероятно вместе же со второю в начале 14 столетия основана была на левом берегу Псковы реки деревянная на 300 сажень, а с начала 15 века была уже каменная и смыкала конец второй стены с Домантовой Крепостью. Четвертая по правому берегу Великой реки в верх от угла средней стены до Покровской Церкви и от оной кругом всего Посада (после называвшегося Большим Городом) ко Пскове реке до Гремячей горы на 1400 сажень, построена была около половины 14 столетия деревянная дубовая, а с 1373 года начата от Псковы каменная, но кончена к Великой реке опять деревом. В 1465 и 1501 годах она вновь построена была деревом: а в 1535 году сомкнут конец ее по Пскове реке с углом средней стены на 250 сажень. В 1465 году также вновь построена пятая деревянная стена около всего Запсковья, начиная от Гремячей горы и около Варлаамиевской Церкви по берегу Великой реки до угла Детинца над устьем Псковы, всего на 850 саженьях. Обе сии последние стены с 1482 по 1508 год построены каменные. Конец Запсковской стены сомкнут был с углом Детинца через все устье Псковы реки сперва в 1537 году деревянною, а в 1631 году каменной стеной со многими на воде воротами,

которые заграждались решетками для невпуска судов. Сия перегородка называлась Греблею и по ней был ходячий мост для входа в Детинец сквозь малые ворота, сделанные еще в 1462 году, которые как и мост сей назывались Смердьями; потому что они лежали к слободе Смердями населенной по правому берегу Великой реки на Запсковье. Такая же перегородка через Пскову реку в 1562 году каменная построена была и против Гремячей горы. Сия часть города, по сказанию Польского Историка Гейденштейна, со внутренней части была окопана валом по взятии уже в 1563 году Полоцка Царем Иваном Васильевичем, и укреплена бойницами с привалами из дерна. Он же укрепил и другие части стен построением многих высоких башен деревянных для стрельбы с них через стены вдаль пушками. Завеличье не ограждено было ничем и при нашествии неприятелей, яко передовое предместье часто самими Псковичами, а если они не успевали, то неприятелями было выжигаемо.

Крайняя большая около города стена в 1632 году окопана еще рвом и валом; а при Государе Петре Великом во время войны со Шведами в 1701 году защищена Бастионами и Болверками. Из всех сих стен уцелели только верхняя около Детинца, нижняя Домантова и крайняя около большого города и Запсковья; а прочие внутренние все уже сломаны и срыты.

Вся окружность верхней Крепости или Детинца с Домантовой нижней стеной простиралась на пять сот сажень; второй стены, обнимавшей средний город, на 1325; третьей стены, обходившей, на 1950, а Запсковье на 850 сажень. Всего же вообще города по крайним стенам окружности слишком на 2800 сажень; следовательно площадь всего города горизонтально содержала около 490,000 квадратных сажень, не считая предместий за крайними стенами и Завеличья за рекой Великой. По всем стенам множество было глухих и с воротами круглых и четверугольных башен высоких, которые в Летописях иногда называются Бойницами и Кострами. Их при нашествии Батория осаждающие Поляки, по сказанию их писателей, сочли до 70. По верху стен вокруг города и сквозь башни везде были переходы, а под многими местами в стенах длинные погреба и шайники, или тайные против неприятеля из города выходы, засыпанные землею для скрывать. Построение и частые починки сих стен и башен означены во всеобщей Летописи при конце сей книги. Но многих башен и проездов древние названия уже забыты, а из упоминаемых в Летописях места многих неизвестны. Ибо до нас не дошло не одной древней описи Пскова. Самая старейшая осталась только по Указу Государя Петра I в 1701 году деланная как Пскову, так и другим Уездным городам

Псковским. В ней однако же сохранены многие древние названия урочищ, стен, ворот, башен и зданий.

Союз Пскова с Новгородом и долговременная зависимость от него, сверх единоплеменства, были причиной сходства обоих сих городов не только в образе Правления, Законах и обыкновениях, но и в разделении на пять частей, или концов города. Первоначальные концы Пскова назывались 1) Торговский, среди города от Домантовой стены на площади, 2) Боловинский к нынешней Новгородской дороге, или к Петровским воротам; сей конец после назывался и Петровским, 3) Опоческий к старой Опоческой дороге, или к Златоустовским воротам, 4) Городецкий к Мишаринской горе и 5) Остролавицкий к Великим воротам или к Покровской Церкви в углу, после называвшейся Полонским и Полоницким. С заселением Запсковья и с присоединением оною стеною к городу, названо и оно шестым концом Запсковским, а потом и само разделено на три конца Запсковских 1) Смердей от Крепости вниз по правому берегу реки Великой, 2) Богоявленский к Богоявленской, 3) Комодемьянский к Космодемьянской Церкви. Но Завеличье всегда называлось своим именем, а не концом, и не считалось в городе.

Из древнейших Псковских зданий ничего не уцелело, кроме каменных городских стен и Церквей, кладеных из известковой плиты; и те многократными пожарами по тесноте зданий весьма часто были повреждаемы; в последовавшие времена починены и перестроены, как означено во всеобщей Летописи, присовокупленной к сей книге. Сама кладка сих плитных стен во Пскове была непрочна, как видно по развалинам особенно городских стен; потому что большей частью делана без всяких связей, или по крайней мере только с деревянными; выравниваема была только снаружи, а внутри наполняема насыпным булыжником и щебнем с известковой заливкой. Обвалившиеся стены прикладываемы были только новым слоем снаружи к старому; и потому вскоре отпадали, увлекая за собою старую кладку. Кирпичная кладка вовсе не была здесь в употреблении, хотя Псковские каменщики еще в 15 столетии сим искусством известны были и в Москве; а по завоевании Казани в 1555 г. строили и Казанскую каменную Крепость. Одна только Церковь С. Димитрия, построенная во Пскове из плиты вместе с кирпичем и существовавшая 380 лет в Домантовой стене, как редкость, для памяти замечена во Псковской Летописи: но и та в 1523 году перестроена из сплошной из сплошной плиты. Другая Церковь кладенная также из плиты по половине с кирпичем около 1240 года осталась донныне в Иоанно-Предтеченском Монастыре. Видимые в ней кирпичи не похожи на

Псковскую глину, но на Голландскую белую, и кажется деланы не во Пскове. Ибо и вид их четвероугольный не похож на другие древние открываемые из развалин. Вообще же все древние Церкви здесь строены в Готическом вкусе без размеру, без железных связей, и только с деревянными внутри закладенными бревнами, а в весьма редких, и то позднейших уже, есть железные. Теснота их внутренности доказывает малые приходы: а множество служит памятником набожности прежних Псковичей. Из гражданских древнейших зданий каменного ничего не осталось и заметно, что для домов здесь больше было в употреблении деревянное, нежели каменное строение, по сырости плитного камня и по не искусству древней кладки малоспособное для жилья. Даже и строенные из камня лет за сто дома не имеют никакого порядочного вида. При сем замечательно, что во всех частях города не только под стенами и Церквями, но и под гражданскими зданиями во многих местах находят подземные каменные из плиты большие погреба со сводами, деланные вероятно на случай пожаров и неприятельских нашествий для скрывания имущества. По открываемым мостовым, по большей части деревянным, видно, что древние улицы были тесны, кривы, пересечены многими переулками и неровны. Многих городских урочищ и улиц названия, упоминаемые в Летописях, вышли уже из употребления и из памяти; а потому и назначить их невозможно. По новому же городскому плану, утвержденному Имперетрицей Екатериной II даны им названия новые. Но и сей план донныне еще не исполнен. А древнего плана города не дошло до нас, кроме только грубого живописного начертания или вида на Иконе, находящейся в Покровской Церкви на проломе, написанной не прежде шестнадцатого столетия после Баториевой уже осады. Таковые же, но в гораздо большем размере начертания Пскова, или лучше сказать Псковских только Церквей и Монастырей и окрестностей находятся на Иконах во Владычной часовне и в Святых вратах Псковопечерского Монастыря. Многократные опустошения Пскова пожарами (из коих больших только, иногда почти весь город истреблявших, замечено в Псковской Летописи до 35) и моровыми язвами, с иностранными товарами из Лифляндии и Естляндии сюда заносившимися, (коих также считается до 30, иногда сряду по несколько лет продолжавшихся) вероятно переменили часть расположение города. Впрочем местоположение вообще сего пленяло и иностранцев. Гилденштейн описывая Баториеву осаду оною в 1581 г. говорит, что местоположение его самое приятнейшее по стечению двух рек и по открытым на все стороны полям, на коих видны частые окатистые холмы, опушенные можжевеловыми деревьями, которые

по дороге от Воронича до Пскова кажутся как будто нарочно насаженными садами. А по окрестностям города рассеянных было более сорока Монастырей каменных и между ими на крутой горе Снетогорский с высокою башнею и стенами наподобие Замка.

Числа древних жителей города Пскова нигде в Летописях не означается. Но что город сей был многолюден, то можно заключить из некоторых обстоятельств, упоминаемых в Истории, а именно: он мог выдерживать сильные осады и выводить из себя в поле достаточные отряды войска. Во время покорения его Великим Князем Василием Ивановичем 1510 года 700 дворов погорело в одной части большого города называемой Полонищем, от Покровской в углу Церкви и с другой стороны от Воскресенской, простиравшейся только до Великих ворот. Во время морового поветрия 1552 года на одних кладбищах, во Пскове называвшихся Буями, погребено мнртовых 25000 человек, не считая при Церквях и в других местах. Во время осады Баториевой 1581 года в городе, кроме Жителей помещелось 15, а по сказанию иностранных Историков, 50 тысяч войска. Если по счету 1500 дворов значившихся 1510 г. в среднем городе, имеющем между Домантовой крепостью и большим городом квадратного пространства около 97,347 сажень, заключать по той же соразмерности к квадратному пространству внутри всех стен города; составляющему около 490,000 сажень, то во всем городе могло помещаться около 7,656 дворов, кроме Завеличья и Посадов за стенами. А полагая по среднему числу народонаселения четыре человека мужского на каждый двор, число жителей Псковских в стенах городских могло простираться более 30,000 мужского и по крайней мере столько же женского пола. Но от бывшего в 1592 г. мора и столь мало их осталось, что Царь велел перевести туда мещан из других городов.

IV. О Земском разделении и устройении Псковского княжества

Число древних селений и жителей всей Изборской, после названной Псковской Области, также неизвестно, как и земское разделение и распоряжение оных. Уездные города или Пригороды Псковские упоминаются уже в поздние времена, хотя вероятно были с самого начала расселения Кривичей, под названием Городищ или сходственных мест. Летописец Нестор под годом 947 говорит, что Ольга, супруга Великого Князя Игоря, будучи уже во вдовстве, при малолетстве сына своего Святослава, еще до обращения в Христианскую веру, объезжая Новгородскую Область (в коей тогда включалась и Изборская) оставила по рекам Мсте и Луге Погосты, оброчи и дани. Памятником ее тогдашнего путешествия и по Изборской области, здесь оставались ее сани, которые во времена Нестора, спустя лет 150, Псковичи сохраняли еще у себя в целости. Об учреждении Погостов, оброков и даней Изборских хотя Нестор и не упоминает; но, может быть потому, что Княгиня сия тогда освободила отечество свое от двух последних; однако же вероятно не оставила сделать и в нем назначения Погостов, чтоль нужных для земского благоустроенного начальства. По крайней мере название оных донныне оставшееся по всей Псковской, как и по Новгородской Губернии, доказывает, что и здесь оные были учреждены. В Ольгино время название сие, вероятно от Греков и Римлян заимствованное, значило тоже, что у них Πάγος и Pagus, то есть Замок или Крепость на возвышении, с округою подведомственных ей Волостей или сел. А в одном месте Псковской Летописи (1431 года) округа названа Обрубом, либо по окружной огороже, либо по окружному ведомству повинностей называвшихся порубом. У Северных народов такие волостные округа разделялись по рекам для лучшего разграничения и для удобнейшего сообщения (что и Ольга сделала) и назывались Губами. От них название Губы вошло потом и в Российские Земские разделения северных Областей для означения округов, и продолжалось во Псковской области почти до половины 18-го столетия. Название же погостов, по введении Христианства, осталось только при Церквах с кладбищами, к коим в приход приписано несколько окрестных волостей, сел и деревень. В последовавшие времена Губы подчинены были Засадам, в коих по несколько бывало Губ, а Засады разделены по Уездам; иногда же Уезды особливо невеликие, разделялись прямо на Губы, как, например, Дубковский Уезд состоял только из пяти

Губ, без разделения на Засады. Рыбные ловли, или лучше сказать рыболовные пристани и по знатнейшим рекам, разделялись на Исады, т.е. может быть, как бы изсады или высадки; а Исады на Четы, и Четы на Четверти: а две Четы числились в одном неводе. Уездные города с Крепостями вообще назывались Пригороды Псковские. У Новгородцев область их вся разделялась на Пятины по числу концов Новгорода, и Пятина каждая на Половины. Но у Псковичей сперва не было такого разделения, вероятно по необширности их владений. А уже в 15 столетии разделили и они все свои пригороды по пяти концам города Пскова в подведомство, о чем ниже будет сказано. Но в конце XVI столетия упоминается уже разделение Псковской Области на две половины⁶. Судя по весьма многим в разных местах всей Псковской Области оставшимся древним городищам, окопанным валами и рвами, по большей части на горах, холмах и возвышенных местах, должно заключать, что в первоначальные времена гораздо больше было Псковских городов, или по крайней мере Крепостей, нежели сколько упоминается оных в Летописях. При некоторых из них донныне остались селения, посады и безуездные городки, а иные совершенно пусты и даже названия их неведомы. Из семи нынешних Уездных городов три, и именно Великие Луки, Холм и Порхов строены Новгородцами, а Торопец вероятно еще Смоленскими Кривичами; ибо близ оного есть городище на реке Торопе, окопанное валом, которое и в Писцовых Книгах именовано Кривити. Прочие три собственно Псковские города остались только Остров, Опочка и Ржев на новом уже месте. Первый из сих по ближайшей смежности с Изборской и Псковской округою кажется был древнейший из пограничных: но и он во Псковской Летописи начинает упоминаться только с 1341 года; а Опочка под тем же годом названа только селом, пограничным к Латыгоре, или Латышам Лифляндским. С исхода 14 столетия, когда умножились сильные нападения со стороны Лифляндцев, Естляндцев и Литовских Великих Князей, утвердивших Столицу свою в Полоцке, то Псковичи провели целый ряд Крепостей и городов своих от всех сих соседей, а именно: со стороны Литвы по реке Великой три Крепости, Коложу (бывшую в 10 верстах от Опочки) Велье и Воронечь. Первую из сих Литовцы в 1406 году совершенно разорили; но вместо оной Псковичи с 1412 года основали на той же реке в Опочке; а Велье и Воронечь, разоренные также в 1408 году они паки возобновили. В 1464 году ближе к Литовской границе за Опочкой основали они город Красной на реке Сине; а в 1476 году Вышегород на реке Ладе. С 16 столетия они завоевали уже многие и Литовские пограничные местечки, и в 1535 году заложили в их границе

свою Крепость Ивангород, ныне называемый Себеж на озере Себеже, а неподалеку от оногo бывший старый Ржев, который однако же сперва Новгородцы, потом Литовцы у них отняли. Сей последний город в следующем 1536 г. переведен был на другое ближнее же место к границе и построен под именем Заволочья. Со стороны Лифляндцев Крепостями им служили древний Изборск, перестроенный в 1330 году каменными стенами, и потом Печоры, огражденные также каменною стеною. С 1520 года на Желатском острове в Чудском озере западная половина острова заселена была Псковичами, а восточная Лифляндскими Чухнами. Самое озеро Чудское вдоль по половине делилось между двумя Областями. Со стороны Естляндцев Псковичами основаны в 1424 г. на восточном берегу озера Чудского Крепость Гдов; в 1461 году на том же берегу еще ближе ко Пскову другая названная на Озолице, а в 1462 году там же и третья под именем Кобылы или Кобылинской. В тоже время неприязненность Новгородцев заставила Псковичей от Заволочья к Порхову провести также ряд крепостей и городов, каковы были Дворец или Дворца, Врев, Дубков Выбор, Котельной и Владимирец, кои все строены в 15 столетии. Не все однако же сии города имели приписанные к себе Уезды, и в 1468 году считалось старых Уездных только 10 и два городища, Кобылье и Вышгород, кои Псковичи разделили на концы города своего, приписав к каждому в подведомство по два: а новые к ним делили по жребю.

V. О Образе правления Псковского княжества

Какое было древнейшее Правление Изборских Кривичей, о том сказано уже выше: а со времени Княжеского между ими начальства от Трувора до Олега должно было быть больше военное и Монархическое, основанное на решениях и повелениях Князей, или их Наместников, нежели гражданское, хотя могли еще оставаться в силе и народные обычаи, законы отцев и предания, по выражению Несторову. Но когда Олег в 881 году оставив Новгородское Княжество, в коем включалось и Изборское, перенес Престол свой в Киев, а с Северных своих владений довольствовался только брать ежегодную дань на жалование Варяжским своим войскам; то в Новгородском Княжестве, а по нем и в Изборском (после Псковском) опять осталось общенародное правление, продолжавшееся около 600 лет, не смотря на то, что в обоих сих Княжествах между тем начальствовали и Велико-Княжеские Наместники, а иногда свои Удельные Князья, которых избирать самим право дал Великий Князь Ярослав Владимирович. Все гражданские дела и даже отношения к соседям рассматривались и решались общими народными приговорами на Вече, под именем коей разумелось, как и у Римлян *forum*, народное собрание и совещание на открытой площади, на которую созывали звоном колокола, именованного по сему Вечевым. По собрании объявляли им причину созыва и о предложенном деле требовали всеобщего мнения. Здесь народ определял войну и мир, дружественные и торговые договоры с соседями; наряжал посланников и выслушивал их ответы по возвращении; назначал сбор войска, податей и других городовых и земских повинностей; делал приговоры временные и всегдашние, устанавливал Законы, производил суд и расправу по важнейшим общественным доносам и жалобам; избирал своих Посадников, Тысяцких, Воевод и прочих Чиновников и самих Князей; и в случае народного неудовольствия на них, наказывал отрешением, разграблением домов, побоями и даже смертью первых, а изгнанием последних. В 1458 году Псковичи в страх преступникам повесили на площади при Вечи палицу, кою наказывали и убивали виновных. Никто из Чиновников, ни самый Князь не мог остановить и отменить приговора Вечи, ни даже мешаться в народные совещания Господина Пскова, как говаривали Псковичи, по сказанию Летописи. Бывали такие же Вечи и в Уездных городах, или Пригородах Псковских, под влиянием однако же главной Псковской. Но сия могущественная во всем городе и во всей

Области Псковская Веча, при случаях соединения Пскова под одно с Новгородом правление, принуждена бывала сама принимать от Новгородской Вечи, которая иногда присылала Псковичам своих Посадников и Князей, наряжала своих поверенных для разбора гражданских и пограничных споров и распрей, и привлекала к ответам и суду Псковичей даже в Новгороде. Кроме того и при сторонних, самими Псковичами избранных Князьях, Новгородцы по старому обыкновению иногда в военные и гражданские дела их.

Но поелику Вечевые собрания и приговоры были временными и по важнейшим только случаям, то для всегдашнего исправления частных обществененых должностей Веча избирала Городовых и Областных Начальников. Каждый конец города Пскова, как в Новгороде, имел свое Кончанское Правление из Кончанских Бояр с Конецким Старостой, так как и каждая улица своего Старосту или Квартального Надзирателя. В Грамотах жалованных Псковопечерскому Монастырю даже и в 16 веке упоминаются еще Кончанские или Конецкие Старосты. Первыми во Пскове и во всей Области Начальниками почитались Князья, иногда определяемые от Новгородских Князей, а иногда самими Псковичами избранные. Их приводили к присяге Пскову и сажали на Княжеский Престол по большей части в Троицком Кафедральном Соборе, а иногда и на Вече. С половины 12 столетия, когда многие из Областных Князей начали титуловаться Великими Князьями, то сей же титул присвоили себе и Псковские, или по крайней мере Псковичи так их величали. Но сии Князья по древнему Северных народов Закону или обыкновению, как описывает и Тацит Германских, были больше предводителями войск и наблюдателями Полицейского порядка: а правительственной и судебной власти ни во Пскове, ни в Области сперва не имели. Долго уже спустя Псковичи уступили им право, своих Наместников с Тиунами или Судьями определять в двух только, потом в семи, а в 1467 году и в прочих своих 12 Пригородах, не исключив однако ж сих Пригородов и из своего подведомства и подчинив их Концам города по Земским делам. До того времени Веча определяло своих Наместников, Управителей и Судей. Но Князья присланные во Псков от Московских Великих Князей начали мешаться во все городские суды, дела и доходы, и конечно сие-то самое насилие принудило Псковичей уступить им упомянутое право, хотя и без того могли они быть довольны по записным издревле Вечевым Грамотам назначенными им в жалование разными во Пскове и в Области землями, оброками и судными пошлинами, для сбора коих и прежде они везде содержали своих Приказчиков. Во Пскове был для них на общественном

содержании особый двор у площади, где ныне так называемый двор Пушечный к стене над рекою Великой, и при нем в углу двора к площади же особая Княжая Церковь, коей следы и донныне видны. Придворными их Чиновниками были так называвшиеся Детские или Детески из детей лучших граждан, после переименованные Дворянами.

По Князе второе начальство в Гражданстве занимали Посадники Степенные, так названные вероятно потому, что при избрании на Вече возводили и сажали их на возвышенное место со степенями, с коего они и суд производили. Сие можно заключить из двух случаев, упоминаемых во Псковской Летописи, в коей под годом 1462 сказано, что Псковичи будучи недовольны своим Князем Владимиром Андреевичем, на Вече сопхнули его со степени и выгнали: а под 1510 годом замечено, что присланный во Псков от Великого Князя Московского Дьяк Третьяк Далматов на Вече объявив Псковичам Указ Велико-Княжеский, сел на Степени. Посадники Вечею избирались иногда по одному, иногда по два вместе на год, на два и более с ежегодным однако же утверждением. По отставке во всю жизнь назывались опии для отличия от прочих Старыми Посадниками, а иногда и опять избираемы были в Степенные. Старых преимущественно назначали в посольства, в начальство над отрядами войск и в другие временные общественные должности. Дети их считались выше Бояр. Степенные Посадники в небытность исправляли и всю Княжескую должность, предводительствовали войском на войне, а дома наблюдали за городовою стражею и благочинием общественным. При Князях же они были только гражданскими Начальниками и посредниками, так сказать, между ними и народом. Князья без их согласия ничего в общественных порядках переменять и над ними самими власти никакой иметь не могли. Но при сем замечательно, что с 1132 г. до начала 14 столетия ни в Новгородской, ни во Псковской Летописях не упоминается ни о Посадниках ни о Тысяцких Псковских, а предводителя войск в походах просто назывались только Воеводами и Боярами. Из чего можно заключать, что либо Новгородцы, большею частью в промежутке сем властвовавшие над Псковом, либо сама Псковская Веча и Князья Псковские не хотели избирать сих Чиновников. Но с 14 века они уже часто и почти сряду упоминаются, может быть и потому, что с сего только века начинается подробная Псковская Летопись, а прежние происшествия сокращенно в нее заимствованы только из Несторовой и Новгородской.

Совет Посадников составляли Бояре и Житые или по Псковскому выговору называвшиеся Житейские Люди, разделявшие по Концам города. В число первых вступали богатые и знатные люди, а наипаче

владельцы пахотных крестьян, или, по крайней мере, земель ими обрабатываемых. Ибо до 17 века во Псковском Княжестве как и нигде в России личных крестьян не было, кроме пленных и кабальных по контракту холопов. Но в чин Бояр не сами вступали, а по выбору народному. Под именем Житейских людей разумевались также зажиточные или богатые люди, либо старожилы Псковские, из коих производились и в Бояре. Пока были Бояре в советниках, назывались также Степенными, а по смене Старыми. Из них выбирались на случай войны Воеводы и посланники к соседям, а чаще в посольствах они составляли свиту Посадников. Все части, или концы города с управлявшими в них Старостами, и все Наместники, Управители, Сотские и Тиуны или Судьи в Пригородах и Волостях сперва были также в ведении Степенных Посадников и Бояр. Для рассылки от Вечи и Чиновников был особый Чин Приставов называвшихся Подвойскими. На Вече при Посадниках, упоминаются еще особые Судьи и Дьяки, или письмоводители: а в походах, разъездах и посольствах Дружину или свиту их составляли Дети Посадничьи и Боярские, под именем коих разумелись все Чиновники под их особенным начальством и около их исобы служившие.

По Степном Посаднике главный Чиновник военный назывался Тысяцкий; потому что войска тогда разделялись на тысячи. Его также избирали Вечею на время, и всегда только одного, а по отставки или отслужении во всю жизнь для отличия от прочих граждан именовался он Старым Тысяцким. Под его начальством состояли избранные из всех Концов Воеводы, Дружина из лучших граждан и Дети Боярские, Сотские и проч. По некоторым Грамотам видно, что у Тысяцкого был особый свой суд и судьи, вероятно по военным делам и преступлениям. Во Псковской Летописи однажды только упоминается Чин Тысяцкого; а почти всегда и при Князях и без Князей ходили на войну вождями сами Посадники Степенные и Старые, и часто упоминается вместе по несколько их в одном походе, может быть для разных отрядов.

Был еще во Пскове при Вече Чин Ларника, коего должность состояла в хранении ларя, или ковчега со всеми древними Псковскими Грамотами и Вечевыми записями и приговорами. Они имели какую-то силу в народе. Ибо под годом 1485 во Псковской Летописи сказано, что „Игумен Евфимий, иже парежде был Ларником во Пскове, в той власти много зла народу учини и убеже и пострижесе...”, у Новгородцев были еще некоторые другие Чины, о коих Псковская Летопись не упоминает во Пскове.

Вместо жалованья, все вышеупомянутые Чиновники имели особо

отведенные им общественные земли, пожни и рыбные ловли, в Грамотах отличающиеся названием Посадничьих, Наместничьих, Боярских, Тиунских, Старостинских; даже и Подъячим давали поместья в оклад, а за отличные услуги жалованы были и в род такие же угодья; а иным отдавались оные из оброков. Царь Феодор Иванович пожаловал Князя Ивана Петровича Шуйского всеми дворовыми Псковскими доходами в обеих половинах с Пригородами и с тамгою и с кабаками; а доходов сих с вышей и сох было 18,000 р. да торговых, судных, пашенных и банных 12,000 р.⁷

Кроме начальствующих и Чиновников народ весь во Пскове и в Области его, как и в Новгородской, разделялся статьи: первая называлась Гости или Купцы, которые разделялись на сотни, и имели по рядам своих Старост и Сотских. Гостями преимущественно назывались приезжие или уезжавшие за границу Купцы; вторая статья Люди или Людины, просто так именовавшиеся и разумелись свободные Мещане и Посадские; они могли происходить и в Чиновники; третья земледельцы, иначе во Псковской Летописи называемые Земцы, обрабатывавшие поля по волостям и деревням; четвертая Смерди общественные и частные, состоявшие из самых низких рабочих и кабальных холопов⁸. Первые две статьи народа были свободные, ничем лично не обязанные; третья с обрабатывания земли давала пятую долю или пятину произведений помещикам, и потому слово Пятина доньше сохранилось во всех Псковских оброчных платежах; а последняя обязана была записью для Пскова, Князя и Бояр производить всякие работы и платить ежегодную им дань. Что касается до всеобщих Государственных повинностей, то в случае нужды никто из оных исключаем не был или добровольною складкою, или налогом по расчислению. С 16 столетия на земледельцев и волостян возложено много и особых еще повинностей работами, как-то содержать и кормить Государевых коней, косить на них сено, содержать ямские подводы, обстраивать Наместничьи, Волостелиные и ямские дворы, снабжать их дровами, и сверх того подвержены они вообще и градским и волостным раскладкам, а заезжавших к ним все Начальники и посыльные получали себе особые от них кормы и посыльные пошлины. Но пошлин купеческих с капитала, привозы и отвозу товаров не было до покорения Пскова.

Правление по Уездам имело также своих окружных Начальников под зависимою от Псковской Вечи и от Псковских Посадников. По знатнейшим Пригородам, какими были Изборск, Остров, Опочка и Гдов, в Летописях упоминаются иногда и свои местные Посадники, а в других Наместники, в Крепостях Воеводы, в Засадах Сотские и Головы; в Губах

Губные Старосты, а в волостях Волостели, Старосты, Приказчики и сельские Тиуны, а судебные места назывались Земскими избами. В древнейшие времена и по Уездам, как на Псковской Вече, народ в сходках и съездах своих имел полную власть осуждать даже на смертную казнь. А с 15 столетия право сие ограничено не только в Уездах, но и в самом Пскове. Народ хотя мог назначать и требовать злодеям смерти: но должен был ожидать разрешения от Псковской Вечи, и сама Веча наконец обязана была требовать на смертный приговор согласия от Великокняжеских во Пскове Наместников. В 1477 году, когда Опочане без позволения Псковского Начальства убили одного коневого вора; то Псковичи оштрафовали их 100 рублями; а в 1485 году, когда сами они в бунте казнили несколько своих граждан, то вытерпели гнев Великого Князя.

VI. Об уставах, законах, обыкновениях и нравах псковских

По чину Ларника бывшего при Вече видно, что Псковичи свято сохраняли у себя собрание своих Уставов, Грамот и приговоров. Но из них почти ничего до нас не дошло, кроме упоминания в Летописях, и вероятно все они забраны Московскими Великими Князьями при совершенном покорении Пскова. Самым первым Уложением для гражданских судов могла служить им сперва Русская Правда, Новгородцам данная от Великого Князя Ярослава Владимировича в 1016 году и его же Уставные Грамоты: а по Церковным судам в Летописях упоминается за основание Греческий Номоканон или Кормчая Книга и Грамоты Константинопольских Патриархов, Всероссийских Митрополитов и Новгородских Архиепископов. Из первого некоторые статьи находятся в Летописях и разных Сборниках, а из последних помещены и между правилами Стоглавого Собора, бывшего в Москве 1551 года. В одной Синодальной Летописи под № 348 Историограф Н. М. Карамзин нашел общую для Псковского Духовенства и Гражданства Уставную Грамоту, или может быть, только отрывок, либо прибавление к пространнейшей Грамоте о судах. Сия Грамота вероятно писана еще до подчинения Пскова Московским Великим Князьям: ибо в ней не упоминается ни о них, ни о Наместниках их, а только о Князе, Посаднике и Судьях. В сем найденном отрывке узаконено 1) Духовных людей ни Князю, ни Посаднику, ни Судьям не судить, а судить Владычному Наместнику; а в суде мирянина с Духовным судить общим судом; 2) Когда кто присваивает себе какую скотину и назовет ее доморощенной, то произвести о сем следствие; 3) Кто пред Начальником ударит на суде своего истца, тот должен заплатить ему рубль, а Князю пошлину; 4) За барана платить хозяину 6 денег, за овцу 10 денег, а Судье пошлины три деньги и старая Правда; за гуся и гусыню хозяину 2 деньги, а судье три; за утку и селезня, за курицу и петуха 2 деньги и проч. 5) Кто в пьянстве чем поменяется, или что купит и проспавшись раскается, то разменяется; 6) Княжим людям не держать корчмы ни во Пскове, ни на Пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продавать; 7) Кто доказывать кого будет в зажигательстве, то дозволяется отдать на вольную присягу; 8) Кто у кого бороду вырвет и свидетелем не доказан, такому целовать Крест и биться на поединке; а если свидетель докажет, то взыскать за бороду и бой два рубля, а свидетелю быть одному; 9) Купивши корову, телят не требовать, а

больную назад возвратить; 10) Женщине с женщиной в тяжбе биться на поединке самой, а за себя бойца не нанимать ни которой; 11) Кто искать будет за бой с 5-ти или 10 человек, или сколько не будет, то взыскивать как за один бой один рубль и пошлину одну Князю⁹. В сей Грамоте заметно уже отступление от Ярославовой Русской Правды в числе пеней: а Закон о поединке женщин нигде не бывалый. Но Великий Князь Московский Василий Иванович после покорения Пскова в 1510 году дал Псковичам свою Уставную Грамоту, которая также не дошла до нас.

О Псковских старинных обыкновениях и нравах, наравне с Законами и Уставами у каждого народа соблюдаемых, мало известий оставили нам Летописцы; потому что сии предметы в их время всем известны были и не требовали описаний. Гораздо более могли о сем писать иностранцы, бывавшие проездом, или жившие во Пскове. Но из них не старше 15 столетия имеем мы описателей, и то кратких. Недавно сделалось известным несколько подробнейшее сказание о Псковичах одного Немца, Самуила Кихеля, в путешественных его записках с 1585 по 1589 год, напечатанных в Немецком периодическом издании под названием Архив для Географии, Истории и науки Государственной и военной 1820 г. в 86 номере¹⁰. Он говорит, что Псковичи в рассуждении приезжих иностранцев имели строгую осторожность, расспрашивали их о причине приезда и к одним только торговым из них людям больше имнли доверенности, а опасались наипаче приезжавших из любопытства и шпионов. В город ни Немцев, ни других народов они не впускали даже и тогда, когда принимали от них грузы и товары, и все переговоры с ними производили на мосту, с Завеличья в город ведущего, против Немецкого двора и там только позволяли им прогуливаться. Если же кто из них хотел ехать в Москву, то пропускали и через город, но с ведома и дозволения Наместника Великокняжеского. Город Псков описывает Кихель первым по Москве величиною и даже более укрепленным, нежели Москва; а Новгород тогда был уже в разорении. „Градския здания, кроме городских каменных стен и Церквей, говорит он, все деревянные, покрытые тесом, не исключая и дворов Боярских, богатейших Граждан и даже Дворца Великого Князя. Ибо, де, они думают, что каменные дома для жилья нездоровы; а от сего при пожарных случаях нет там никакого спасения. Для погребения мертвых находятся за городом кладбища и беднейших кладут в общую большую яму, выкопанную на четверть часа езды от города под кровлею и по наполнении засыпав оную, выкапывают возле новую. При Церквах же и в Церквах погребают только богатых за вклады. В обращении они угрюмы и грубы; ни пред кем не снимаю шапок; одежду

носят опрятную, из хорошего сукна, покроем длинную, на подобие Армянской, и между мужчинами и женщинами с малой разницей; обувь у мужчин и женщин подбивается железом. Женщины, когда выходят на улицу, то лицо закрывают и одни только глаза их видны; а те считаются бесстыдными, кои сего не наблюдают. В самых домах своих женский пол имеет отдельное от мужчин жилище. Все вообще трудолюбивы, довольствуются малым, едят и пьют просто без приправ; яблок и груш у них нет, но за то всякая зелень и овощи, а особливо много огурцов, коих за столом они могут съесть от 6 до 8; пьют много вина и без оногo лучший пир ничего не значит. Но также переносят алчбу и жажду более, нежели какой другой народ может. Против неприятелей мужественны; но сопротивляются более в городах и Крепостях, нежели в чистом поле, и потому хотя Польский Король Стефан шестьюдесятью тысячами войска осаждал их город, но безуспешно. Товары, ими отпускаемые за границу, суть рухлядные меха куниц, соболей, рысей, лисиц и волков, также кожи воловьи, бараньи, лосиные, лен, пенька, сало: а к ним Остзейцы привозят сукна, шелковые материи и всякие мелочные изделия. Торг, прежде производившийся через Нарву, в сие время обратился чрез Псков., Таковы были по Кихелеву описанию Псковичи в 16 столетии. Надлежит еще к сему примолвить, что Барон Герберштейн, бывший во Пскове лет за 70 до Кихеля, заметил уже во Псковичах отмену от предков их. Вместо учтивых и вежливых нравов у Псковичей, говорит он, после уничтожения их свободы и поселения в их город Московских переведенцев, ввелись у них и развращенные Московские обычаи. Ибо, де, прежде в договорах своих Псковичи бывали так искренни, чистосердечны и просты, что не употребляли на обман покупателя никакого многословия и одним словом сказывали правду. Однако же не во всем еще последуют Москвичам, и, например, волосы носят не по Русскому обычаю, а по Польскому разделенные на две стороны. Твердость их в обдуманнх намерениях известна была наипаче Лифляндским соседям, всегдашним их неприятелям. Лифляндский Магистр Шпангейм, в 1417 году ведший с ними договоры о мирном постановлении, уведомлял тогда Прусского Великого Магистра, что сей народ, как скоро что задумает, то его совратить от сего никак не можно и за то называл их странными и упрямыми.

VII. О гербе и печатях псковских

Город Псков издревле имел Гербом своим на общественных печатях и монетах бегущего в чистом поле зверя барса, не известно, по множеству ли здесь бывших зверей сего рода, или для знамения воинственного народного духа, или по преданию от общих предков их Кривичей. Ибо в Собрании Государственных Грамот и договоров, иждивением Канцлера Графа Н.П. Румянцева, тот же Герб виден и на Новгородских и Смоленских древних Печатях. На Псковских при Грамотах до 18 столетия около барса по краям в окружности двух линий изображалась надпись: Печать Государства Псковскаго, а с 18 столетия, по учреждении во Пскове Провинции: Печать Государства Псковскаго¹¹. В Новгороде каждый Конец города имел свою особенную печать¹². Может статья тоже было и во Пскове: но до нас не дошли сии печати: а из дошедших все были величиною в грошевик и вытискивались только на черном воске. В Архиве Псковского Губернаторского Правления отыскалось несколько и новейших разных таковых печатей со Псковским Гербом и с различными надписями, а именно, 1) серебряная с окружною надписью: Печать Псковской Провинции подушного сбора; 2) медная с окружною надписью: Печать П.П. Полку Полковаго Штатнаго двора; 3) медная малая с окружною надписью: Губернскаго Города Пскова; 4) стеклянная с изображением в середине уже двуглавого орла, около коего между двумя линиями подпись: П. Дворцовых Псковских В. В первых трех из сих печатей над бегущим барсом изображена Императорская корона и под ней из облака простертая на барса рука. Еще там же нашлась и одна Губная печать без герба, с одною только строчною надписью: Псковской Губы Пахомовской. Все сии печати ныне сохраняются в Ризнице Псковского Кафедрального Собора. Древнее изображение бегущего барса, с прибавлением над ним из облака руки, осталось и доньше во Псковском гербе на голубом поле.

При сем достойно особенного замечания, что в Московском Государственном Архиве Иностранных дел есть ещё две круглые серебряные Печати вислые с ушками для цепочек или шнуров; обе разного чекана, но одинакового клейма, величиною в полтинник. Изображение на них выпукlostью представляет бегущего в чистом поле барса, а по краям между двух круговых линий надпись: Печать Государства Псковскаго; другая сторона гладкая и у одной Печати довольно истертая, вероятно от долговременного ношения. Гравированный отпечаток обеих их можно

видеть в предисловии второй части Собрания Государственных Грамот и договоров хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. Издан. Канцлером Графом Н. П. Румянцевым. О сих вислых печатях Псковских ничего в Летописях не упоминается. Но у Нестора в договоре Игоре с Греками 945 года упомянуто, что Русские, приезжавшие в Константинополь, ношаху послы печати золотыя, а гости сребренныя. Владимир Великий в 1006 году дал таковыя печати и Болгарским купцам. А Татищев замечает, что Тысяцкие носили на шее гривну на цепочке. Можете быть, не меньше имели права носить тоже отличие и Посадники. По сему если принять и сии печати за гривны, отличительные для Чиновников, или просто за печати гостей, то вероятно, что с 1510 года по уничтожении Великим Князем Василием Ивановичем во Псков Посадников, и прочих гражданских Чинов, сняты с них и сии печати и отосланы в Москву¹³. Новгородские Посадники и Тысяцкие имели еще и свои собственные печати с именами и без имен для прикладывания к Грамотам¹⁴. Может быть тоже было и у Псковских: но они до нас не дошли.

VIII. О воинской силе псковской

Всеобщими Промыслами Псковичей были два: война и торговля. Первою стяжали они землю для поселения своего, а вторую продовольствие и богатство. Но по самому положению своей Области они должныствовали быть народом больше военным, нежели торговым. С самого пришествия своего в сей край надлежало им бороться с дикими Лифляндскими и Естляндскими Чудями; с половины 12 столетия еще с Литовцами, приближавшимся к их пределам, и с 13 столетия основавшими уже столицу свою в Полоцке. В начале 13 столетия подселились к ним от устья Двины Немецкие Рыцари, а в Естляндии Датчане; с 14 столетия сделались им неприязненными и братья их Новгородцы; а с 16 и Шведы, занявшие Естляндию. Псковская Летопись преисполнена известий о взаимных с соседями сими войнах, и редкий год проходил без нападений на Псковичей с какой-нибудь стороны, а иногда и в одном году терпели они по несколько нашествий и опустошений. Но достойно замечания, что хотя Лифляндские и Литовекие Летописи хвалятся неоднократным завоеванием Пскова, однако же Летопись Псковская с самого основания города сего признает одно только в 1240 году взятие оною Лифляндцами, и то изменою и предательством от своих же. Самую сильную осаду в 1581 году от Польского Короля Стефана Батория, продолжавшуюся неотступно более 6 месяцев, а другую в 1615 году от Шведского Короля Густава Адольфа, в продолжении двух с половиною месяцев, Псковичи без всякой сторонней помощи выдержали мужественно и не уступили города своего, тогда как вся почти Область их и многие Новгородские города были уже завоеваны. Такое усилие против врагов конечно было для них трудно. Войска их в древние времена состояли из поголовного почти вооружения всех способных носить оружие. Самовооружение и пропитание в походах у каждого было свое собственное, а не общественное. Надлежало иногда в одно время защищаться на разных пределах Области, по суше и воде гнаться за неприятелем до их собственных владений, оставлять какой-нибудь запас охранного войска и дома, не упускать обрабатывания полей и других хозяйственных промыслов; и за всем сим Псковичи часто успевали собирать достаточное число военных людей для отдаленных даже в неприятельские земли походов и для вспомоществования своим союзникам. С половины 15 века войска их уже были не поголовные, но, как видно из Псковской Летописи, разделялись на охочих и рубленых¹⁵, или выборных людей. Под годом 1496 упоминается, что по требованию

Великого Князя Московского для похода на Шведов и Лифляндцев Псковичи поставили с 10 сох по одному вооруженному всаднику; а в 1500 году для войны против Литовского Короля Александра они порубились с десяти сох дать одного коня, на общее с Новгородцами и Великолучанами пешее войско, а с 40 рублей или нарубок коня и своего человека в доспехах т. е. с полным военным вооружением. Из сего распоряжения можно заключать, что тогда доставало у сего способа набора ратников для составления войска, и таковые наборы у них продолжались до 16 века, или до первой подушной переписи. А выборное таким образом войско называлось Посохю, разделялось на сотни под начальством сотенных Голов и на полки под руководством Воевод. Татищев говорит, что в конце 17 столетия Псков, сверх двух Стрелецких Полков, у себя содержал еще для гарнизона городской Крепости два своих собственных Полка, и сам определял в оные Полковников и Прочих Чиновников.

IX. О торговле псковской

По Военном промысле у Псковичей второй составляла торговля. Правда, торги произведениями их собственной Области, судя по не обширности оной не могли быть велики. Но пока во оной находилось много лесов, то звериный промысел доставлял им в пушные товары, дорого ценившиеся по всей Европе; а лесное пчеловодство по бортям, мед и воск; особливо последний в великом количестве выходивший за границы. Ибо мед гораздо лучший привозили в Россию иностранцы. Долго и даже до 18 столетия отпускали они по реке Нарове и корабельные леса, с коих одной пошлины в последние времена собиралось до 15,000 рублей. По очистке лесов земледелие и скотоводство усилено. Лен их и доньше почитается наилучшим из Российского. Земля, по большей части иловатая и иловатопесчаная, удобренная известковым повсюду камнем, всегда производила хлеб за своим продовольствием с излишком для отпуска в Лифляндию и Естляндию. На реке Рухе заведены были в 1364 г. соляные варницы: но по невыгодности оставлены, и солью Псков довольствовался от Ганзейских купцов, а частью от Новгородцев. По разным местам Псковской Области видна железная руда: но нет следов железных заводов. Предание утверждает, будто бы древние Псковичи добывали свое железо из железистого песка, находящегося на так называемой Железной Горке, в двух верстах от Пскова. Но он не стоит обработывания. На реке Сереребрянке много блестящего колчедана, по коему и река получила свое название. В конце прошлого столетия открыт еще около Изборска очень хороший алебастровый камен. Но если когда-нибудь богател Псковское Купечество, то больше от переводных через свои руки товаров из чужих Областей. Для Новгородцев и Лифляндцев Псковичи были почти маклерами. Первые из обширных своих владений привозили к ним все в Поволжских, Северодвинских, Печерских и Азиатских странах добываемое; последние доставляли им металлы, серу, соль и многие ремесленные изделия Европейские. Тем не меньше торговля их всегда была в зависимости как от первых, так и от других. Новгородцы не уступали Псковичам даже гораздо ближайших к ним, нежели к Новгороду, Областей и городов, каковы были, например, Порхов, Холм и Великие Луки, для того что пролегающие по сим Областям реки Ловат и Шелон текут в Ильмень озер и способны к сплавлению туда окрестных произведений. Село Дубровна со стороны Порхова было границею между Псковской и Новгородской Областью; а к Северу всю полосу от реки

Шелоны и Плюсы до моря Новгородцы включали в Вотскую свою Пятину. В последовавшие же времена они завладели и Гдовом, стороенным Псковичами. А со стороны Холма они владели по Пусторжеву и наконец самой Пусторжевой, за коею в Опочке уже была Псковская граница. Правда, по рекам Плюсе и Нарове могли и Псковичи сплавливать свои произведения но, только до Нарвы, а в Нарве были преимущественно складки Новгородских товаров, подвозимых судами по реке Луге, на коей построили Новгородцы для перепутья свои города Лугу и Ямбург, а еще ближе к морю третий город Копорье. В восточно-северной же торговле Новгородской по Финскому заливу Псковичи почти совсем не имели участия, и довозили свои товары только до Новгорода, где имели свой складочный двор на торговой стороне города. Одни Новгородцы отпускали свои суда к Финляндским пристаням, куда приплывали к ним Готландские и Любские купцы, доходившие иногда до Ладоги и до самого Новгорода; а с половины 12 столетия имевшие уже и свой гостиный двор с Церковью в Новгороде. С первых лет того же столетия сами Новгородцы начали корабли свои отправлять прямо на остров Готланд в славный торговый город Висби, где взаимно занимали они целую улицу, имели гостиный двор, магазины, маклеров и Церковь своего исповедания. Из Новгородской Летописи видно, что они тогда же плавали и до Дании. По сему Псковичам оставалось участие в их торговле только с одними почти Естляндцами и Лифляндцами через Чудское озеро в Дерпт и оттуда в Пернов и Ревель и через Печерскую границу и Себеж с Литовцами. Но и сию промышленность трудно было защищать от притеснений Литовских, от частых набегов Естляндских и Финляндских, Чудей и от неверности их в договорах . В сем случае Новгородцы могли тотчас отворачивать свой выпуск в другую сторону: а Псковичи оставались в бездействии. С начала 13 века появившиеся на устье западной Двины Немецкие Рыцари, вскоре покорившие всю Лифляндию и Естляндию, выгнавшие оттуда всех Россиян, с 1222 года запретившие Лифляндцам платить Новгороду и Пскову дани, с 1223 года занявшие там торговый Русский город Юрьев и населившие оный своими единоземцами, с переименованием его Дерптом, положили первое затруднение Псковской торговле по Лифляндии; а в 1228 году уступивши Датскому Королю Валдемару II Ревельский, Везенбергский и Нарвский Уезды, тем самым допустили и другую не меньше затруднительную преграду Псковским купцам к морю. Тщетно Псковичи совокупно с Новгородцами старались от Рыцарей возратить Юрьев, а из Естляндии выгнать Датские войска. Новгородцам меньше было в том нужды, нежели Псковичам; а потому и содействие первых

было слабо. В сей крайности последние разорвали, наконец, с ними свой союз и оного искали уже с Рыцарями, с коими в 1228 году заключили даже против Новгородцев и Литовцев оборонительный взаимный договор, давши с обеих сторон по восьми мужей в залог. Но сей военный договор не послужил к оживлению Псковской торговли. Рыцари уже не уважали оной в отделении от Новгородской, и хотя в Дерпте за рекою предоставили Псковским Купцам для поселения место, называвшееся с тех пор Русскою Слободою и Русским Концом: но в следующем же 1229 году заключили особый торговый договор со Смоленскими, Полотскими и Витепскими Князьями по Двине, чем самым отвлекли почти весь подвоз южных произведений ко Пскову. Таким образом Псковичи обманувшись в своей надежде, примирились опять с Новгородом: но с тем вместе рушился их военный союз с Лифляндцами, о чем ниже сказано будет подробнее.

При всех сих обстоятельствах торговля Псковская постепенно упала, и уже в конце 13 столетия оживилась несколько со времени принятия Новгорода и Пскова в союз Северных Ганзейских торговых городов, из коих Данцигские и Любские купцы основали купеческую свою контору и во Пскове, завели Маклеров и построили большой складочный двор на Завеличье на левом берегу реки повыше Иоанно – Предтеченского Монастыря. Но завидовавшее сему Лифляндцы тем более умножили свои нападения на Псков и Область его. А в конце 15 столетия после порабощения Новгорода, когда капиталы Новгородцев начали оскудевать, то Псковичи уже преимуществовали пред ними торговлю; а особливо когда Великий Князь Иван Васильевич за непокорные обидные слова о нем выговоренные Начальствующими в Ревеле, требовав выдачи ему, виновных и получив отказ, в 1495 году велел в Новгороде схватить всех Немецких купцов и товары их отобрать в Казну; то все Ганзейские купцы прекративши свою торговлю с Новгородом, действовали только через Псковскую свою Контору из Риги, Ревеля, Дерпта и наконец из Нарвы: а в Новгороде гостинный двор их с тех пор надолго запустел.

Х. О монете псковской

В торговле наилучшим средством есть монета и надежнее металлическая. Но ни Новгородцы, ни Псковичи до 15 столетия не имели собственной, хотя прочие Русские Княжества еще в 14 начали уже бить свою. Нет сомнения, что задолго до того Славянам всем известно было употребление Греческих, Римских и других Европейских денег до сношениям с сими народами. У Нестора упоминается, что Радимичи еще в 9 столетии Хазарам, а потом Олегу платили дань Шелегами. Но при торгах с чужестранцами они употребляли более мену своих земских произведений на их вещи. Драгоценнейшими из северных товаров почитались пушные меха, весьма уважавшиеся по всей Европе. Гелмолд, Летописатель 12 века, говорит, что страсть к сим мехам заразила как смертоносным ядом Европейцев и всякий де желал нетерпеливо куньей, или собольей шубы, как высочайшего блаженства. Посему то куны у Славенорусов сделались самою дорогою оценкой всех товаров. Бывали, говорит Герберштейн, у Русских такие собольи меха, за которые чужестранцы платили по 20 и 30 тысяч червонцев. Другие на столь дорогие меха, как-то веверичьи или беличьи и проч. служили уже дробной монетой. Вообще же они оценивали свои товары Греческою Литрою, называвшеюся у Русских гривною серебра или золота, то есть фунтом сих металлов по Греческому и Киевскому весу в 72, а по Новгородскому в 96 золотников; а равноценное оному количеству куньих или собольих (разумевшихся у них под именем черной куницы) мехов называли гривною кун¹⁶. Но поелику ни меха не могли быть все равноценны между собою, ни высокий ход их цены во внутренней торговле не мог быть особливо в дробях удобен, то как для постоянной цены гривны кун, так и для дробного расчета уставлены были клейменные лоскуты шкур под именем ногат, резаней, лобков, мордок и ушек. Все сии монеты иногда вообще назывались именем кун, но была и особенная монета куна¹⁷. Употребление сих клейменных лоскутов началось издавна и по времени они переменялись. Ибо в Уставе Новгородского Князя Святослава Ольговича 1137 года упоминаются новые куны, выдаваемые Домажиричем.. Нейштет, 16 века писатель Лифляндской Хроники, говорит, что у Лифляндцев в 12 веке ходили монетою бельи ушки с серебряными гвоздиками в них. А Монах Рубруквис, проезжавший через Россию к Татарскому Хану в половине 13 века, описывает вместо монеты ходившие и тогда у нас клейменные красками кожаные лоскутки. Но для

дробного деления и серебряных гривен были в ходу рубли и полтины из брускового литого серебра¹⁸. Наконец в 1409 году, как сказано во Псковской Летописи, Псковичи оставили торги кунами (клейменными) и ввели иностранные пенязи или пфеннинги. Для мелочной между собою монеты продолжали ещё употреблять куньи мордки. Около того же времени и Новгородцы пустили у себя в обращение вместо кун клейменных артуги Немецкие и Литовские гроши; а для мелочного размена оставили только бельи лобки. Но в 1420 году начали чеканить свою серебряную мелкую монету; а им следуя и Псковичи в 1424 году тоже у себя определили на Вече; торговлю же мордками отменили, и с тех пор уже не гривнами, но одними рублями и полтинами считали деньги не только свои, но иностранные. Таким образом когда в 1473 году невеста Великого Князя Ивана Васильевича, Греческая Княжна София проезжала через Псков, то во Псковской Летописи сказано, что Псковичи поднесли ей в подарок 50 рублей пенязями т.е. Немецкими пфеннингами.

Новгородская и Псковская серебряная монета величиною была одинаковая в нынешний серебряный гривенник. Клеймо их в разные времена было различное. Те и другие дошли до наших времен, а потому с точностью могут быть описаны. Псковской древней серебряной монеты доньше известно только пять клейм. На первых трех с одной стороны грудное изображение Князя в большой на голове Княжеской Короне; в правой руке у него меч приклоненный к плечу; а левая приложена к груди. Герберштейн не рассмотревши сего, правда грубого изображения, назвал оное бычачьею головою. Но удивительно, что и наш Татищев, по нем Миллер и за ним другие, конечно не выдавшие сих монет, туже ошибку повторяли. Монеты сии может всякий любопытствующий видеть и о справедливости увериться в Минц-кабинете Московского Общества Истории и Древностей Российских, в Кунст-камере С. Петербургской Академш Наук и в Ризнице Псковского Кафедрального Троицкого Собора. Различие их есть следующее: в первой около головы Князя 8 точек; у левого уха буква Л. вероятно имя мастера; на обороте строчная пропись: Деньга Псковская; края обеих сторон окружены точками. Во второй монете около головы Князя нет уже точек, кроме одной у правого уха, а у левого буква «М»; на обороте бегущий барс с двумя рогами или длинными ушами на голове и с длинным хвостом в верх поднятым; вокруг его уже по краям подпись Деньга Псковская. В третьей монете около головы Князя три точки, а на обороте просто строчная подпись: Псковская. С 1510 года Великий Князь Василий Иванович, покоривши Псков, переименовал клеймо Псковской монеты, повелев чеканить её сперва просто, на одной стороне

вместо Псковского герба Московский, т. е. всадника скачущего на коне со взмахнутым в правой руке мечем, а на обороте строчную надпись: Деньга Псковская; потом при сем же клейме с окружною подписью около всадника : Государь всея Руси; наконец около всадника с окружною подписью: Божию Милостию Государь всея Руси; и на обороте строчная пропись Деньга Псковская Заманина (имя мастера). На некоторых приметна под конскими ногами буква Ж. А в 1663 году Царь Алексей Михайлович запретил уже во Пскове бить монету и штемпели отобрал в Москву. Впрочем из сравнения денежных общественных подарков, дававшихся от Новгородцев и Псковичей Великим Князьям, Послам, знаменитым гостям и в окупе неприятелям, замечательно, что Псковичи были гораздо беднее Новгородцев и в деньгах, как и в произведениях своей Области.

XI. О разных поколениях псковских князей, и о важнейших происшествиях при них

В торговле, всегда требующей свободы и независимости имуществ, Псковичам полезно было Республиканское Правление: но бывшие вместе военным народом, они для распоряжения войск и для походов на внешних неприятелей весьма чувствовали нужду в постоянном единоначалии, высшем нежели временные, и по большей части только годовые избираемые и сменяемые ими Посадники и Тысяцкие. По сему-то принимали они к себе Князей. Первые из них назначаемы бывали Великими Князьями. Таков был и первый их Князь Трувор, данный им Рюриком. По смерти Трувора 124 года Псков состоял под управлением Новгородских Князей из рода Великих Князей Киевских. Потом Великий Князь Владимир Святославич при разделении Российских Княжений детям своим дал Пскову особого Князя Судислава; а по нем Ярослав Владимирович назначил им сына своего Вячеслава; после коего Псков опять считался под управлением Новгородских Князей. Но поелику Князь Ярослав Владимирович при переходе из Новгорода на Великое княжение Киевское дал Новгородцам право самим себе избирать Князей; то право сие присвоили и Псковичи. По сему-то, когда первые выгнали от себя Князя Всеволода Мстиславича, то последние в 1157 году приняли его к себе, а по кончине его предоставили у себя Княжение брату его Сялтополку Мстиславичу. После его Псков около 60 лет зависел опять от Новгородских Князей, и иногда от них принимал себе особых, иногда же призывал к себе из рода Смоленских и Полоцких: но по большей части Псковичи быв ими всеми недовольны, сами же изгоняли их. А с 1226 года отказавшись от всех, 8 лет управлялись своими Посадниками. О всем сем первом периоде Псковского Княжества История мало нам оставила достопамятных известий и почти все происшествия тех времен связаны были с Историей Княжества Новгородского.

Важнейший период Псковской Истории начинается с 13 столетия, когда Немецкие Рыцари заняли Лифляндию. До пришествия их к устью Двины народ Лифляндский издавна платил дань Псковичам, как свидетельствует Летописатель Арнольд, Любекский Аббат, живший в начале 13 века и дополнявший Славенскую Хронику Гелмолдову с 1171 до 1209 г. и также Станислав Сарницкий, Польский дееписатель XVI века; а Матфей Страубич (in descriptione Livonix) говорит, что когда первый Лифляндский Епископ Мейнгорд основывал (в 1186 г.) город Ригу и

ближние Замки, то наперед испросил дозволение у Владимира Мстиславича, Князя Псковского. Но сии новопоселенцы, начавшие обращать Лифляндцев не только в свою Католическую веру, но и в подданство, стали отчуждать их от подданства Пскову. Выше упомянутый Арнольд пишет, что третий Епископ Лифляндский, Алберт (бывший с 1199 г.), запретил уже им платить дань Псковскому Князю, за что де Князь часто нападал и на Лифляндскую Землю и на город Ригу. Рыцари старались разными способами снискивать дружбу Владимирову и наконец переманив его к себе, дали ему в удел близ Риги Идумейскую Область, а между тем время от времени усиливаясь притечением к себе многих Немцев, начали распространять свои владения. Скорые их успехи в покорении соседственных Пскову Чудских племен, приближение завоеваниями уже ко Псковским границам, набеги даже и на Псковские и Новгородские земли, а наконец в 1223 году завладение и Русским городом Юрьевым, приводили в страх Псковичей. Тщетно старались они превозмочь их союзом с Литовцами и призыванием Новгородцев на помощь. Успехи не скольких походов, предпринятых совокупно с сими союзниками в Лифляндию и Естляндию, были не долговременны, а наконец когда Новгородцы согласились даже уступить Юрьев Рыцарям, то Псковичи обманувшись в надежде на своих союзников, разорвали с ними дружбу и сами в 1228 году заключили оборонительный договор с Рыцарями, обязавшись им помогать против Литвы, а от них требуя обороны от Новгорода. Ярослав Князь Новгородский, почитая сие за измену Новгороду и наипаче оскорбясь тем, что Псковичи выслали даже из города его приверженцев, объявил им войну и с войском дошел уже до Дубровны, однако же услышав, что в защиту Пскову идут Рыцари Лифляндские, остановился. Между тем Псковичи для переговоров выслали поверенных, которые объяснили, что не Псков изменил Новгороду, а сей оставил его без защиты. Такие упреки произвели то, что Новгородские войска не послушались уже Ярослава и отказавшись продолжать свой поход, пошли обратно. Впрочем сим не кончилось взаимное несогласие, и Псковичи в 1232 году приняли даже к себе недоброхотов Ярославских; За то Ярослав остановил пропуск к ним своих товаров и наипаче соли, которою они пользовались большею частью из Области Новгородской; а сие действительнее всего заставило их смириться. Они выгнали от себя его неприятелей и приняли даже на Княжение Юрия Мстиславича, шурина Ярослава. Но с другой стороны Лифляндские Рыцари, старавшиеся расстроить союз Псковичей с Новгородцами, подняли с 1233 года войну и продолжали оную три года. Вожатыми им при сем походе служили два

бывших, изгнанных Псковских же Князей, Борис Игоревич и Ярослав Владимирович и вышеупомянутые недоброхоты Ярослава Новгородского, к ним перебежавшие. Они тайно провели отряд Лифляндского войска под Изборск и внезапно взяли оный. Псковичи услышав, поспешили на освобождение сей Крепости, обступили ее со всех сторон и взяв там Князя Ярослава Владимировича с Новгородскими беглецами и несколькими Лифляндскими Чиновникам, отправили в Новгород к Князю, Ярославу Всеволодовичу, который оковав их, сослал на заточение в Переславль. Но Лифляндцы в отмщение зашедши с другой стороны, напали на Новгородские волости из-за реки Наровы и взяли город Тесов, в коем полонили Боярина Кирилу Свининича и отведши его в свой город Медвежью Голову (Одемпе), взаимно содержали его там в оковах с 15 августа до великого поста. Ярослав Всеволодович узнав о сем, собрал свои и Псковские войска, пошел вместе с шурином своим Юрием, Псковским Князем, под город Юрьев (Дерпт); но не доходя до оногo, остановился. Лифляндцы вышед из Юрьева и Медвежьей Головы (Одемпе) напали на передовые их отряды и сбив, гнались за ними до главного войска: но оно двинулось, разбило их самих и погнало до реки Амовжи, (Ембаха) к самому Юрьеву. Многие бежавшие обломаясь на льду, потонули; а еще больше Лифляндцев и Немцев побито и пленено; прочие почти на половину раненые ушли и за перлись в городе. Ярославы войска пустились потом по сторонам, разоряли, жгли и полонили окружные Юрьевские волости и принудили неприятеля просить о перемирии, которое и заключено с ними на три года. Псковичи свято сохраняли мир сей, и когда в 1237 году Рыцари, воевавшее с Литвою, попросили у них помощи, то сии отправили к ним 200 лучших своих ратников с Воеводою Ястребом. Однако же поход их как и самих Рыцарей, после первых успехов, наконец был неудачен. Ибо Литовцы сделав засаду свою в лесах, выманили неприятелей из крепких мест на чистое поле, и окружив разбили всех и побили знатнейших Воевод, а войска всего едва десятая часть возвратилась домой. Лифляндцы впрочем не были благодарны Псковичам за сию хотя и неудачную услугу, и при истечении перемирия Дерптский Епископ Герман тотчас начал оказывать неприязненные действия на границах Псковской и Новгородской. Псковичи с своей стороны в 1240 году начали готовиться к войне. Епископ призвал себе на помощь Лифляндского Орденмейстера Германа де Балка и Датского Воеводу, занимавшего берега Естляндские. В сем походе с ними были и два Датских Королевича Абель и Канут; а всего войска их было до 100,000, как пишет Кельх. Ушедший опять в Лифляндию из заточения своего бывший Псковский Князь Ярослав

Владимирович взялся быть им вожатым. Они подошли сперва к Изборску, осадили и взяли сию Крепость, побили там до 600 Псковичей и с ними Псковского Воеводу Гаврилу Ворусовича; потом двинулись прямо ко Пскову. Встретившие их за городом Псковичи были разбиты, а убежавшие заперлись с гражданами в стенах. Семь дней Лифляндцы осаждали город и ничего больше не успели, кроме что сожгли за стенами Посад. Но Ярослав имел во Пскове приверженца к себе одного знаменитого гражданина Твердила, или Твердисила Ивановича, который тайно, отворил Лифляндцам одни ворота и неожиданно впустил их в град. Граждане увидев среди себя неприятелей, не смели уже противиться; а Псковский Князь Юрий немедленно выехал в Новгород и за ним поспешили многие из лучших Псковичей с семьями своими¹⁹. Орденмейстер учредил тогда во Пскове свое Правление, оставил там своих Наместников и Тиунов, а в числе первых определил изменника Твердила; взял к себе в залог детей знатнейших граждан и потом пошел далее разорять Новгородские волости по Шелонской Пятине; наложил везде дани, построил в Копоре свою Крепость, взял город Тесов и грабил Новгородских купцов даже за 30 верст от Новгорода. Около двух лет Лифляндцы владели всеми сими завоеваниями своими. К несчастью тогда Новгородцы расстроены были раздорами между собою и с Князем своим Александром Ярославичем Невским, который от них даже выехал; и потому не только не могли они защитить Псковичей, но и себя оборонить от нападений; а южные Княжества Российские все в то время страдали от нашествия Татар, которые доходили уже за 100 верст и до Новгорода. Ужас и опасность со всех сторон заставили Новгородцев смириться, и просить защиты от Князя Александра Ярославича, который возвратившись в Новгород и узнав обстоятельно о завоеваниях Лифляндцев немедленно собрал Новгородские, Ладожские, Карельские и низовые войска, пошел с братом своим Андреем поспешно чрез Копорье ко Пскову, побил всех Немцев, властвовавших уже в Водской Пятине Новгородской, занял все пути и проходы, и вошедши нечаянно во Псков, захватил всю Рыцарскую стражу и Лифляндскую Чудь, сковал Наместников Рыцарских и отослал их в Новгород. Лифляндские Летописи говорят, что он тогда 70 человек Рыцарей и многих других Немцев со всею их городовою стражею изрубил, не пощадив и 6 человек сдавшихся ему. Сие происходило в Марте 1242 года, когда еще Псковское и Чудское озера покрыты были льдом; а, потому легко было предвидеть, что Лифляндцы, услышав о перевороте во Пскове, поспешили кратчайшим путем к сему городу. Александр отправил сторожевой полк по льду на Чудское озеро и поставил его близ урочища

Вороньего Камня. Лифляндский Орденмейстер действительно не замедлил явиться с сильным корпусом войск Лифляндских, и встретив упомянутый полк, устремился на оный треугольною колонною и разорвал его. Но Александр подоспел оному на помощь, и 5 Апреля произошло на льду кровопролитнейшее сражение, кончившееся совершенным разбитием Лифляндцев. До 400 или 500 пало Рыцарей в бою, а 50 захваченных в плен ведены были но льду босые до Пскова. Чудские войска все обратились в бегство их гнали целый день до самого Сабилитского берега, и на пространстве семи верст побитые лежали кучами, а многие проломаясь на льду потонули. Новгородцы и Псковичи готовились уже выступить на Лифляндский берег: однако ж, поскольку Орденмейстер, утрашаясь опустошения, прислал просить мира, обращаясь не только, не вступаться в Лугские и Вотские волости, но и уступить некоторые Латышские земли; то Александр доволен был сею покорностью неприятелей и с торжеством возвратился во Псков. Духовенство встретило избавителя своего с Крестным ходом, а народ с восклицаниями. Победитель, при сем случае подтверждая Псковичам, помнить оказанное им бдагодееание, примолвил выразительные слова, записанные во Псковской Летописи: Сеже вам глаголю, сказал он, аще кто из наследник моих и племенник прибежит в печали, или тако жить придет в Плесков, и не примете его, или не почтете его и наречетесь вторая Жидова. Псковичи действительно не забыли сего завещания и когда Александров брат Андрей Ярославич в 1252 году согнан был Татарами с Великого Княжения Владимирского, то дали ему они у себя убежище и для большей безопасности отпустили к Лифляндским Рыцарям, а по другим Летописям, якобы в Швецию, и Князем у себя во Пскове оставили другого его брата Ярослава Ярославича Тверского, через три года от них перешедшего в Новгород. В его княжение 1253 года Псков опять вытерпел сильную осаду и разорение окрестностей от Лифляндцев. Все Посады около стен города ими вызжены и Псковичи не в состоянии быв отразить их, ожидали только помощи от Новгородцев, которые вскоре пришедши, действительно избавили их и совокупясь пошли вместе на самих Лифляндцев за реку Нарову, где взаимно произвели разорение и опустошение. После того заключили мир.

По отъезде Ярослава Псковичи в 1258 году приняли к себе Александрова сына, Новгородского Князя Василия, который бежал к ним от Татар, пришедших с отцом его переписывать Новгородский народ. Но за сие принятие строго Александром были наказаны и некоторым друзьям Васильевым нос и уши были обрезаны; другие лишены зрения, а иным отсечены руки. Сам Василий сослан был отцом на заточение в низовые по

Волге стороны. Из сего можно заключить, что преступления его были более, нежели один побег. По смерти Александровой с 1263 года Псковичи приняли к себе на княжение племянника его Святослава Ярославича, сына княжившего у них Ярослава Ярославича; а по нем с 1260 года избрали вышедшего к ним из Литвы Князя Доманта, который женился на внучке Александра Невского, дочери сына его Димитрия Александровича. После Доманта предоставили они княжение сыну его Давиду. После него с 1327 года приняли они к себе на княжение убежавшего от Татар Тверского Великого Князя Александра Михайловича, внука Ярослава Ярославича, и по нем с 1339 года сына его Всеволода Александровича. Таким образом Псковское Княжение оставалось около 100 лет в роде Александровом. Сверх того и многие из его же потомков Князя находили себе во Пскове убежище и защиту от гонений, как-то Великий Князь Димитрий Александрович Тверской, тесть Доманта, жил целый 1293 и потом еще 1302 год во Пскове; равно и брат его Константин Михайлович нашел тут же себе безопасное пребывание; также и Великий Князь Юрий Данилович целый 1322 год пребывал у Псковичей. Но княжевшие во Пскове потомки Александровы, по разным причинам кратковременно пребывали у них и более у Литовских своих сродников; а потому и Псков часто имел только Наместников от них, а иногда от Новгородских Князей из Александрова же рода; во внутренних же Гражданских делах управлялся своими Посадниками. Один только Домант неотлучно княжил у них 33 года и оказал им важнейшие услуги беспрестанным почти защищением их наипаче от Лифляндцев, которые сверх многократных малых набегов на Псковские земли, трижды весьма великими ополчениями нападали на самый Псков: но всякий раз были побеждаемы и прогоняемы Домантом. Сверх сего Псков обязан Доманту построением первой каменной Крепости и весьма многими полезными учреждениями. В его правление Псковичи около 1290 года вместе с Новгородцами приняты в Ганзейский торговый союз Северных Немецких городов, о чем сказано уже выше. Во все продолжение княжения потомков Александровых во Пскове родственные их союзы с Литовскими Князьями также полезны были для Пскова, по крайней мере спокойствием от Литовцев; между тем как Новгородцы, терзаемые внутренними раздорами и утесняемые Великими Князьями Владимирскими и Московскими, а потом и Литовскими, с исхода XIII столетия начали уже терять права особенного своего княжения и состояли большей частью под управлением самих Великих Князей Владимирских и их Наместников; а со времени княжения Великого Князя Иоанна Даниловича Калиты, и именно с 1334 г. вовсе уже не имели Князей

Русских и тщетно усиливались защитить свою вольность то принятием к себе Литовских Князей, то самоуправным противоборством Моковским Великим Князьям.

В 1341 году выехал из Пскова в Новгород последний рода Александрова Князь Всеволод Александрович. Псковичи, на то время терпевшие нападения от Естляндцев, послали к нему просить для Начальства себе хотя Наместника. Но когда и он и Новгородцы по какому – то неудовольству в том им отказали, то они не надеясь уже на их защиту, обратились к Олгерду, Великому Князю Литовскому, имевшему уже некоторые владения и в Новгородской Области, и у него испросили сперва вспомогательное войско, а потом приняли к себе на княжение сына его Андрея. Однако же, поелику сей Князь проживал более в Полоцке и чаще управлял посредством Наместников своих; то завистливые Новгородцы, не желая потерять прежних прав своих и влияния над Псковом, опять начали вмешиваться в их внутренние дела, и даже присылали к ним своих Наместников и Посадников без их просьбы. Псковичи терпели пока сии насилия: но когда в 1347 году Шведский Король Магнус напал на северные Новгородские Крепости и завладев Ореховцем, выгнал оттуда Литовских Олгердовых Наместников, а Новгородцы сами собою не в состоянии быв защищаться, просили у Псковичей помощи, то сии договором истребовали от них 1) дабы они впредь считали Псков не иначе, как меньшим своим братом, а не подвластным 2) чтобы Посадников своих к ним не присылали и Псковичей не судили 3) и по Духовным делам чтобы Архиепископские Наместники были не из Новгородцев, но из Псковичей же, и в Новгород Духовных под суд не привлекали. Правда договор сей после не всегда в точности соблюдался. Ибо Новгородцы около самого Пскова долго еще удерживали за собою некоторые земли и для оных имели во Пскове особого своего Тиуна и печать. При том и Псков имел частую нужду в помощи Новгородцев; а от Литовских Князей мало получали оной. В самое то время, когда Псковичи ходили на помощь Новгородцам, Лифляндцы зашедши от реки Наровы, опустошили Псковские селения, подошли под самый Псков, выжгли Завеличье и вышли к Изборску, оставив следы разорения повсюду; а Князь их Андрей Олгердович не заботясь о том, жил в Полотске. Для сего-то в следующем 1349 году они отказали и ему от княжения у себя и семь лет управлялись своими Посадниками; а за тем начали принимать к себе разных пришлых Князей, между коими опять у них был и Андрей Олгердович. Но все они мало делали им пользы, и они принуждены были прибегать с просьбами о защите то к Новгородцам, то к Великому Князю Московскому. Наконец,

когда по свержении Татарского ига Великий Князь Московский начал приходить в силу и распространять власть свою на все Удельные Российские Княжества, а Князь Андрей отрекся в 1399 году за себя и за сына своего от княжения Псковского; то они начали просить себе Князей уже у Московского Великого Князя, предаваясь ему в главное покровительство; а потому он начал именовать Псков своею Отчиною и с сего времени начался третий важнейший период их Псковского Княжения.

Первым Князем от Великого Князя Московского Василия Димитриевича с 1399 года определен был во Псков зять его, Иван Всеволодович Холмский. Но не известно, какие неудовольствия со стороны Псковичей, или сего данного им Князя были причиною, что он не пробыл у них и полугода, и на место его прислан другой Даниил Александрович Ростовский с званием уже Наместника Великокняжеского. Сие титуло их Князя означало ближайшую зависимость их от самого Великого Князя и предвещало уже ограничение прав их. Но неприятельские со всех сторон нападения от Лифляндцев, от Литовского Великого Князя Витовта и от Смоленского Юрия, со стороны же Новгородцев совершенное почти оставление без помощи, не позволяли еще им на сие обратить свое внимание. Притом в шестилетнее сего Наместника правление, Великий Князь одолжил их присылкой на помощь Московского войска с братом своим Петром Димитриевичем. Но после обезопасения себя от внешних врагов, они вспомнили свою Республиканскую вольность, вздумали обвинить Князя в усилившейся 1407 года у них моровой язве и выгнали его, а у Великого Князя требовали себе уже не Наместника, но Владетельного Князя. Великий Князь Василий Димитриевич сделал им сие снисхождение и прислал им своего меньшего брата Константина, который застал Псков опустошенным сверх язвы еще пожаром и в нападениях от Естляндцев разоривших несколько Псковских волостей за рекою Наровою. Он послал к Новгородцам просить помощи, но не получив, собрал из своих Пригородов несколько войска и 26 Июня выступил в поход; 30 того же месяца переправился через Нарову и прошел Естляндию даже до Порха, куда, как говорит Псковская Летопись, со времен Князей Доманта и Давида Псковичи не ходили; а оттуда возвратился с добычей. Но и сей Князь неизвестно зачем июля с 20 уехал в Москву и пробыл там около полугода. В отсутствие его Псковичи вытерпели сильные нападения. Лифляндский Орденмейстр Конрад Фитингоф в августе 1407 г. с многочисленным войском своим и Курляндским подошел почти под самый Псков и остановился в Туховичах у броду. Псковичи собрав из ближних волостей несколько рати, завалили

броды и мужественно воспротивились его переправе, так что простояв на сем месте 4 дня, пошел он назад; а Псковская рать догнавши его за Камном на Логозовитском поле, Августа 21 с ним сразилась, но была разбита и легло на поле из них до 700 человек и три Посадника. К счастью Орденмейстер не решился возвращаться к городу и ушел домой. Другой Псковский отряд в лодках покусился было пойти за Нарову: но там встретив Естляндское войско на озере в Осатке, обратился назад, бросив даже своих 7 насадов. На весну Лифляндский Орденмейстер совокупясь уже с Литвою» в начале Февраля пришел опять двумя корпусами на Псковскую Область и одним осадил город Велье; а с другим сам пришел под Демяницы и Залетье. Две недели разоряли они волости даже до реки Черехи, а Князь Константин хотя тогда уже и возвратился во Псков, но не вышел против неприятелей. Такое малодушие, или может быть недоброхотство Псковичам огорчило их и они послали за прежним своим Князем Данилом Алесандровичем, княжившим в Порхове, а по прибытии его февраля 2 выслали от себя с презрением Константина. При Данииле Лифляндцы опять появились небольшими отрядами под Вильем: но Вильянами и Вороничами прогнаны, а с осени заключено с ними и с Литовцами перемирие на год. По истечении срока неприятели опять вторглись во Псковские границы и подходили даже к Пскову, а потом прорывались и в Новгородские пределы: но злобившиеся на Псков Новгородцы ни себя, ни Псковичей не защищали и даже пересылались особо с неприятелями Псковскими.

По кончине Князя Даниила, случившейся во Пскове 1409 года, Псковичи у Великого Князя Московского Василия Димитриевича испросили себе Князя Александра Феодоровича Ростовского: но опасаясь уже ограничения прав своих и вольности, вздумали привести сего Князя к Крестному целованию в том, чтобы он не нарушал древних Псковских Уставов и обычаев. Однако же предосторожность сия была уже тщетна. Присланные от Великого Князя все Князья Псковские в надежде на него, а может быть и по наставлению его самого, действовали самовластно, хотя с сего времени все давали Пскову присягу. С другой стороны, дабы обезопасить себя от Литвы, Псковичи отправили к Литовскому Великому Князю Витовту Посадника Якима с двумя Боярами и заключили с ним мир без участия Новгородцев. Но в 1412 году выехал от них с неудовольствием Князь Александр, и по просьбе их прислал к ним опять брат Великого Князя Константин, который примирил их с Новгородцами, хотя и не надолго, а через два года и он оставил Псков. На место его выпросили они себе Князя Андрея Александровича Ростовского: но в 1417 сами его

выгнали а приняли брата его Федора Александровича, который с 1420 сам отказался от княжения. Следующие за ним Князья иные присылаемы были от Великаго Князя Московского, а иные без отношения к нему самими Псковичами по древнему праву своему принимаемы были: но редкие пребывали у них по нисколько лет, и многие выгнаны. Столь частые перемены Князей очевидно вредны были самим Псковичам. Но не видя в них надежной себе защиты против сильных соседей, особливо при союзе их между собою, они не знали к кому лучше обратиться; а часто и за самую приверженность к Московскому Великому Князю страдали от Литовцев и от Лифляндцев. В 1402 году Свидригайло, Князь Литовский, по согласию с Витовтом и с Прусским Орденом, постановил даже договор, кем из них ни завоеван будет Псков, уступить оный во владение Рыцарям. В 1408 году Витовт хотел уже посадить своего Князя во Пскове, а Стрыковский пишет, что якобы он в 1414 году действительно посадил в Новгороде и Пскове своих Князей и обложил сии города податью. Но ни Псковские, ни другие Летописи наши не говорят сего. Впрочем частые тех и других соседей иногда и без причины покушения на Псков доказывали сие их намерения; а потому хотя Псковичи от времени до времени мирились с обоими, но не могли твердо быть уверены в их мире, и тогда только бывали несколько спокойны, когда они между собой находились в раздоре. В 1415 году Литовский Великий Князь Витовт, идучи войною на Новгород, подошел и ко Пскову, и не смотря на заключенный за пять лет до того мир, взял с Псковичей окуп: а в предшедшем году летом Юрьевцы в Нейгаузене изрубили одного Псковского посла, и взаимно Псковичи Юрьевского, несмотря на бывшее также перемирие. Но иногда и при раздоре Литовцев с Лифляндцами Псковичи находили себя в затруднении. Таким образом в 1417 году Витовт, намереваясь напасть на Рыцарей, прислал требование ко Псковичам, чтобы они разорвали мир с ними и шли на них войною: но Псковичи опасаясь больше вероломства Витовта, отправили с известием о сем требовании в Ригу послов своих Юрья и Данилу, которые при посредстве бывшего там же посла Великого Князя Московского, ноября 8 в Киремпе подписали договор о продолжении обоюдного мира еще на 10 лет, с обстоятельством, чтобы иметь взаимную свободу торговли, чтобы в обидах с обеих сторон решиться судом, а не оружием, и чтобы не давать прохода чрез свою землю врагам чей-либо стороны. Но в сей союз не включен был Дерптсий Епископ, с коим продолжались несогласия Псковичей о границах и прочем. Он даже просил Витовта о посредстве между ими и сей присылал о том Грамоту Псковичам, но без успеха. В 1421 году Витовт опять повторил им

требование. идти с ним на Рыцарей, и хотя они через Посольство ему ответствовали, что у них давно уже заключен мир с Лифляндцами за обязательство не помогать ему: но оправдание сие не принято и с тех пор начал он им отмщать набегами, а около сего времени часто возобновлявшаяся во Псковских Областях моровая зараза, неурожай хлеба, также притеснения от Новгородцев, еще более изнуряли их. Три раза отправляли они послов к Великому Князю Московскому Василию Димитревичу, зятю Витовта, просить, чтобы он умирил его, или защитил бы Псков силою: но помощи не получили. В 1424 году и к Витовту посылали они Посадника с Боярами: но сей встретил их с яростью. Потом обратились они к Лифляндцам и подтвердили с ними еще мир на 3 года; но кроме сего ничего не получили. Князья пристланные им от Великого Князя Московского, даже и по выбору их, только что спорили с ними о власти, а при бедствиях оставляли их. В 1426 году от моровой язвы и от нашествия Литовского Великого Князя Витовта, Князь их Федор Патрикиевич постыдно ушел в Москву. А поелику тогда уже скончался Московский Вел. Князь Василий Димитриевич и на Престол его вступил малолетний сын его Василий Васильевич, то Псковичи решились не просить у него нового себе Князя, и три года управлялись Посадниками своими.

Между тем Витовт с 29 Июня 1426 года объявивши войну Пскову, собирался уже вступить в Области его. Гадебуш пишет, что к сей войне наклонил его Дерптский Епископ, потерпевший в то время разорения от Псковичей Августа I с своими, наемными Богемскими, Волошскими и Татарскими войсками явился он у Опочки, и осадил сей город. Псковичи успели туда прислать только 50 человек засадных ратников с орудиями, но и сия помощь была достаточна Опочанам при их собственной храбрости, достойной замечания. До прихода еще неприятелей они повесили тонкий мост пред воротами своей Крепости на веревках, и под ним набили острые колья; а когда осаждающие взбежали на оный, то подрезали они веревки и таким образом посадили множество их на колья; захваченных же в плен мучили в виду самого неприятеля, Сверх того кидая из-за стен камнями и бревнами, мужественно отразили врагов и многих из них побили под стенами, а через двое суток заставили их отступить. Витовт оттуда пошел к Вороничу и с 5 Августа три недели держал в осаде сию Крепость, разбивая стены пушками и бросая через оные камни: но взять также не мог. Псковичи по просьбе Вороничан прислали туда к нему Посадника своего Федора Шибалкинича с Боярами для переговоров: но он ни на что не согласился и уже будучи утрашен в ночи грозною нашедшею на

войско его тучею, дал Вороничанам перемирие, и то для размышления только о сдаче. От Воронича разослал он войска под другие Псковские Крепости. Ближайшие оттуда были Вильевская, Вревская и Котельная. Первую защищали Островитяне своими набегами на неприятельские станы и побили несколько Татар, стоявших в лесу; вторую оберегали сами Вревичи, а в третью Псковичи отправили двух своих Посадников Сильвестра и Федора Шибалкина с 400 ратников: но они подходя туда, нечаянно, нашли на 7000 Литвы и Татар, которые напав на них, 17 человек убили, а 13 захватили. Прочие однако же сражавшись с ними храбро и положивши многих на месте, пробились до Крепости и в оной засевши, затворились. Во Пскове готовились также ко встрече Витовта, и уже обожгли около, города все Посады; а к Новгородцам и к Великому Князю Московскому сколько ни посылали с просьбами, но, помощи не получили. Псковская Летопись говорит, что Новгородцы хотя и отправляли к Витовту послом своего Посадника, но Псковичам же на зло: а Великий Князь Московский Василий Васильевич

тогда занят был войной с братом своим Юрием Димитриевичем. Почему Псковичи решились еще сами склонять Витовта к миру и отправили к нему двух Посадников Якима Павловича и Феодосия Феодосиевича с Боярами. Некоторые Летописи говорят, что с ними был и посол Великого Князя Московского, ходатайствовавший за Псковичей. Во многих переговорах они умолили Витовта склониться и 25 Августа помирились на условии заплатить ему 1000 рублей в Вильне 6 Января. Псковских пленников, взятых под Котельном, он тогда же выдал на поруки Посадникам с тем, чтобы они представили их в Вильну же. В следующую зиму Псковичи посылали опять в Москву к Великому Князю Посадника Юрия Тимофеевича с Боярами просить, чтобы он для посредства между Витовтом и ими прислал своего посла, который и был наряжен. С ним отправили они при своих двух Посадников и Бояр в Вильну как договорные деньги, так и Котельницких пленных. Но Витовт приняв деньги, засадил у себя и пленных, не уважив и Великокняжеского посла. Одна Летопись говорит, что он даже обязал Великого Князя Московского присягою, не вступаться ни за Новгородцев, ни за Псковичей. Уже второе к нему посольство отправленное за 3 недели до великого поста освободило пленников, обещав за них еще окупы 450 рублей, которые к Покрову дню, на срок назначенный ему и доставили. При заключении сего мира Витовт, умышлявший напасть и на Новгородцев, истребовал от Псковичей еще обязательство, чтобы они им не помогали. В самом деле следующего же 1428 года он явился под Порховом и взял с Порховитян и Новгородцев

15,000, а по Новгородской Летописи, 10,000 рублей и сверх того за пленных 1000, по другой же Летописи 3000 рублей.

Но едва кончилась война с Витовтом, то Лифляндцы по истечении трехлетнего перемирия начали нападать на Псковских людей и во-первых убили 6 человек Опоческих бортников, потом на верховье реки Великой много пожгли селений и порубили поселян, а наконец начали и сено косить на Псковских землях при озере. Псковичи отправясь по озеру на двух насадах, сено ими кошенное сожгли, а 7 человек Чухонцев у Выбудска повесили. Можно было за сим ожидать новой войны, но все кончилось переговорами и миром с Рыцарями и Дерптским Епископом по-прежнему. Оставались им одни только враги Новгородцы, у которых каждый год просили они примирения, Но едва получили уже в 1434 году.

Вскоре по заключении перемирия с Лифляндцами, Псковичи решились опять принять себе Князя и послали к Великому Князю Московскому просить прежде бывшего у них Александра Федоровича, который и дан им. Но он прислал к ним сперва только своего сына Димитрия, а сам по вторичной уже просьбе их прибыл к ним в 1429 г. через три месяца. В правление его по смерти Витовта происшедшие в Литве междоусобия о наследии Престола между Сигисмундом и Свидригайло, Князем Литовским, принятым в покровительство и от Великого Князя Московского, потребовались и со стороны Псковичей обеспечения своих границ от Полоцка, где княжил беспокойный Свидригайло. Они в 1432 году отправили к нему посольство, которое однако же на первый раз было без успеха. Уже второе успело с ним заключить мир на Витовтовых условиях; а сверх того взаимно положено в нужных случаях друг другу помогать войсками. По заключении сего союза через два года выехал от них в Москву со всем домом Князь Александр, оставив княжить во Пскове зятя своего, Князя Володимера Даниловича, который успел помирить их и с Новгородцами. Он принял княжение без позволения Великого Князя, потому что тогда о Великом княжении Московском происходили еще споры между Князьями Василием Васильевичем и Юрием Димитриевичем. Но когда первый утвердился на Престоле, то прислал было своего им Князя Бориса Васильевича: однако же Псковичи выпросили у Владимира дозволение оставаться у них, а через три года сами выгнали его и без отношения к Великому Князю приняли к себе Литовского Князя Александра Ивановича. Великий Князь имевши тогда войну с Новгородцами, оставил без внимания сей их поступок, а только потребовал от них, чтоб разорвали они свой мир с Новгородом, возвратили оному мирные свои договоры, а ему дали вспомогательное войско.

Псковичи беспрекословно исполнили требование сие и даже усердно содействовали. Ибо пока между Великим Князем и Новгородцами происходили переговоры, Князь Александр со Псковским войском вступил в Новгородские пределы и на 300 верст от Порхова в длину, а на 50 в ширину, опустошил Новгородские волости. Но и Новгородцы с своей стороны в отмщение вторгались также во Псковские. По окончании войны благополучно возвратился он во Псков, а при случившейся в 1442 году здесь сильной моровой язве заразись, скончался. Тогда Великий Князь уже без выбора и просьбы Псковичей прислал им своего Наместника Князя Александра Васильевича Черторижского и повелел ему присягнуть уже не одному Пскову по прежнему обыкновению, но вместе и себе. Такая двоякая присяга Княжеская была первою во Пскове и означала явно, что Князья, правительствующие сим Княжеством, были уже прямые вассалы, или подданные Великого Князя. Кажется, Псковичи сперва воспротивились сей новизне. Ибо хотя Князь Черторижский прибыл к ним 3 Марта 1443 года: но в должность совершенно вступил уже 25 августа по прибытии нарочных послов Великокняжеских, в присутствии коих он в Троицком Соборе возведен на княжение и дал вышеупомянутую присягу. Впрочем Князь сей ревностно защищал права и владения Псковичей, успешно воевал за них с Лифляндцами и заключил с ними выгодный мир. Но через три года (в 1447) оставил Псков и перешел к Новгородцам в звание также Наместника, не смотря на просьбы Псковичей, умолявших его у них остаться. Поводом к сему было тогдашнее замешательство в Великом Княжении Московском, которым завладел Князь Димитрий Шемяка, ослепивший Великого Князя Василия Васильевича: а Новгородцы и сам Князь Черторижский были привержены к Шемяке и готовились защищать его всеми силами. Однако же не оставил он и Пскова без защиты, и в том же году, когда Лифляндцы, Шведы и Прусские Рыцари напали на Новгородские и Псковские границы, то он с Новгородским Наместником Васильем Гребенкою ходил на них за реку Нарову и прогнал всех, а в следующем 1448 г. прислал во Псков на место свое княжить упомянутого же Гребенку, который в 1449 году вместе с Новгородцами заключил на 25 лет мир с Лифляндским Орденмейстром и Дерптским Епископом и возвратил все завоеванное ими у Псковичей.

Между тем произошел переворот в Московском Великом Княжении, которое занял опять Великий Князь Василий Васильевич; а Димитрий Шемяка изгнан и сам договором уступил ему оное: но после возмутился и в 1450 году при Галиче быв разбит Василием, ушел к Новгородцам, у коих в 1453 году и скончался. В следующем году сын его, Князь Иван

Димитриевич, бывший также в Новгороде, опасаясь гонения Василиева, приехал из Новгорода во Псков. Псковичи, согласно с Новгородцами державшиеся стороны Шемякиной, встретили сего Князя со Крестами у Димитриевской Церкви на Псков реке, содержали его у себя три недели, а для большей безопасности отпустили в Литву, подарив ему на Вече 20 рублей. Сии знаки приверженности к Шемякину роду не могли быть приятны Великому Князю: но он питал гнев свой больше на Новгородцев и Князей их Черторижского и Гребенку. Они сами предвидели уже неминуемую себе войну и для приготовления к оной вызван был в 1456 году из Пскова в Новгород Князь Гребенка, а Псковичи послали в Руссу звать к себе опять Князя Черторижского. А как он нужен еще был Новгородцам, то и оставался у них до окончания войны. Поход Великого Князя на Новгород действительно последовал в следующем 1456 году, и Князь Гребенка предводительствовавший войсками Новгородскими, разбит будучи, прислал ко Псковичам просить помощи. Немедленно собрано было войско и отправлено к Новгороду с двумя Посадниками, а сверх того к Великому Князю посланы поверенные для посредства и ходатайства о мире. Известно, что война сия кончилась усмирением Новгородцев и отнятием у них многих прав и вольностей. Но Псковичам, как слабейшим их братьям, упущен был пока их проступок и даже не воспрепятствование им опять принять к себе Великокняжеского недоброхота, Князя Черторижского, который пока усердно и ревностно защищал их от обид и нападений Лифляндцев; а в 1460 году опустошил Лифляндские селения на 70 верст. Но княжение его без соизволения Великого Князя для Псковичей было не надежно. Почему когда в январе того же 1460 года Великий Князь вторично прибыл в Новгород, то они отправили к нему двух Посадников и Бояр из всех Концов с подарками 50 рублей, и, как гласит Псковская Летопись „повелеша им бити челом Господину и Осподарю Великому Князю о жалованьи и о печаловании своей отчины, мужей Пскович, добровольных людей, что есми приобижении от поганых Немцев и водою и землею и головами, и Церкви Божии пожжени от поганых Немцев на миру и на крестном целованьи, и потом бити челом Великому Князю о Князе Александре Васильевиче, чтобы ему быть Наместником, а во Пскове Князем.” А Князь Великий отвечал: „Аз вас свою отчину хощу жаловати и боронити от поганых, якож отци наши и деды наши Великии Князи. А что ми повествуете о Князе Александре Черторижском, о том вас свою отчину жалую, аж только поцелует Крест животворящий Князь Александр ко мне к Великому Князю и к моим детем к Великим Князем, что ему зла на нас не мыслити, ино

буди вам Князь и от мене Наместник”. Но Черторижский, конечно не доверяя уже сему снисхождению, не согласился присягнуть ему и детям его, и не смотря на просьбы Псковичей, чтобы не оставлять их, выехал в Литву.

Как скоро услышал о том Великий Князь, то немедленно назначил и послал во Псков Князем сына своего Юрия с своими Боярами. Посадники и Псковские Бояре встретили его за границую на Дубровне, а Псковские Игумены и все Священство за градской стеной со Крестами против Церкви Старого Вознесения и оттуда довели его в Соборную Троицкую Церковь, где воспели ему многолетие и по осенении Крестом, посадили его на Княжеском месте, поднесли ему меч Домантов и потом проводили на Княжой двор. Лифляндцы услышав о сем, немедленно прислали к нему просить мира, и им назначено было вести о том переговоры в Новгороде, где в следующем же году и заключен оный на пять лет. Но Князь сей не располагался пребывать во Пскове, и через три недели и два дня поехал в Москву. Во все время пребывания его Псковичи оказывали ему всевозможную почесть, а при отъезде подарили ему 100 рублей и проводили за рубеж 20 верст; по просьбе же и собственному их избранию прислал он им Наместником Князя Ивана Васильевича Стригу, которого они по прежнему обыкновению привели в Троицком Соборе к присяге Пскову. Но через год не захотел он у них оставаться и выехал в Москву. Псковичи, может быть чувствуя свою вину, вместе с ним послали одного своего Посадника и несколько Бояр к Великому Князю, поднести ему в подарок от города 50 рублей и просить, дабы он печаловался своею отчиною мужей Псковичей, добровольных людей, как выражает Псковская Летопись. Они умоляли прислать к ним на княжение самого сына своего Юрия. Но Великий Князь приняв милостиво их Послов и подарок и обещав им продолжение своего покровительства и защиты, не отпустил однако же к ним своего, а назначил другого Наместника Князя Владимира Андреевича без их выбора, и с сих пор лишил уже их права заключать мир и союзы с соседями без его дозволения. Псковичи принуждены были беспрекословно принять сие повеление. Но в 1462 году, когда скончался Великий Князь Василий Васильевич, оставив Престол свой юному еще сыну своему Иоанну, то они восстали на своего Наместника Князя Владимира, обругали его на Вече, сопхнули даже его со степени, как сказано во Псковской Летописи, и с бесчестьем выгнали, а потом, надеясь, на послабление себе от юного Великого Князя, послали в Москву одного Посадника с несколькими Боярами требовать себе не Наместника, но Князя по собственному их выбору. Великий Князь сначала изъявил гнев

свой Послам сим, и три дня не допускал их до себя: наконец предоставив дерзость их рассмотрению впредь, позволил им, по старому обыкновению выбрать себе Князя, однако же с тем, чтобы представить ему через Послов на утверждение его Наместником своим. они избрали себе Князя Ивана Александровича Звенигородского, которого и Великий Князь утвердил; а сверх того в защиту им от Лифляндцев, нападавших тогда на их селения и посады, прислал им и вспомогательное войско с Воеводою Князем Федором Юрьевичем, который с 15 июля вошел в Лифляндские земли, осадил Нейгаузен и к сентябрю принудил Юрьевского Епископа заключить на 9 лет мир, с уплатой дани по древним Грамотам и с обещанием не обижать живших в Юрьеве Русских купцов и не притеснять Русских Церквей. По окончании сей войны Псковичи подарили Воеводе 30, а всем Боярам его 50 рублей и отпустили их с честью.

Но в 1466 году и Князь Иван Александрович не захотев оставаться у них, выехал в Москву, а на место его в следующем году прислан по желанию самих Псковичей Князь Федор Юрьевич, защитивший их от Лифляндцев. Он по примеру прежних Князей Псковских встречен со Крестами и присягал Пскову довольствоваться пошшиною по старине; а Псковичи с своей стороны сделали ему пожертвование некоторых прав своих, именно : до сих пор они дозволяли Великокняжеским Наместникам определять своих Наместников только в семи Пригородах, или Уездных городах, в прочие же посылали Вечею избранных: но Князю Федору Юрьевичу они уступили право Наместников определять во все Пригороды и ими производить суд. Однако же дабы сии Наместники Уездные не присвоили себе и распоряжения всеми волостями, то Псковичи по приговору на Вече в следующем же 1468 году разделили все Пригороды старые и новые в ведомство по два каждому Концу города Пскова по жребию, и сии жребии снимал с Престола юный сын Князя их, Василий Федорович. Впрочем все сии уступки Князю Федору Юрьевичу не сделали его благодарным Псковичам. Он даже не успел, или не захотел примирить их ни с Казимиром, Польским и Литовским Королем в пограничных распрах, ни с Лифляндцами, обижавшими их, ни с Новгородцами, нагло притеснявшими Псковских купцов и даже проезжих в Москву послов; а после похода Великого Князя на Новгород, против коего в помощь ему и Псковичи отправляли в 1471 году свои войска, он начал посылать на них к Великому Князю жалобные и доносные Грамоты, а им делал разные притеснения; и когда они в 1472 году отправили в Москву своих послов с жалобами на него и с прошением другого себе Наместника, то он узнав о сем, на другой же день вышел на Вечу и сложив с себя Крестное

целование, поехал сам за послами в Москву. Псковичи не смотря на обиды от него, дали ему провожатых, одного Посадника с детьми Боярскими и Сотскими и с прислужниками, снабдив и на дорогу припасами до рубежа: но он заведши их за рубеж, отнял у них всех коней и самих ограбив, едва не нагих отпустил во Псков. Прибывшие в Москву Послы принесли Великому Князю жалобу и просили во Псков Наместником прежнего Князя Ивана Стригу: но им в том отказано, а позволено только избрать себе иного. Другие приехавшие Послы просили в Наместники себе или Князя Ивана Бабича, или Стригина брата Ярослава. Последний из них был им назначен и отпущен; а между тем отправлен во Псков особый Великокняжеский посол для переговоров и подтверждения мира с Лифляндцами, нарушившими оный. Однако же переговоры сии были безуспешны, и Псковичи принуждены были у Великого Князя просить вспомогательного войска для похода в Лифляндию. Им прислано было одного из разных городов и из Татар великое множество под предводительством Князя Данила Дмитриевича Холмского и многих Воевод и Бояр, в числе коих одних Князей считалось 22. Все они прибыли во Псков в конце ноября 1474 года и остановились на Завеличье. Но поелику осень тогда случилась дождливая, так что везде сделались разливы; то войска 9 недель простояли у Пскова в тягость и изнурение только гражданам; а между тем в конце Декабря приехали Юрьевские послы просить перемирия, потом и мира. Вслед за ними прислал и Лифляндский Орденмейстер с просьбой о том же. По нескольких переговорах сперва заключен был 7 января мир на 20 лет с Орденмейстером, который сверх других условий обязался уступить завлажденные им Псковские земли и воды, не выпускать во Псковские границы корчемного питья, пива и меда, не иметь застав для послов и купцов Псковских и давать им везде безопасной проезд. Во время сих переговоров пришло еще в помощь Пскову и Новгородское войско: но оно только более отяготило граждан. После заключения мира с Орденмейстером заключен Псковичами, а также, и Новгородцами 13 января мир под теми же условиями на 30 лет и с Юрьевцами. Таким образом все обошлось без войны, и Псковичи января 30 отпустили Князя Холмского, проводив с кормом и честью его и все войска до границы; а притом подарили Князю с Боярами 200 рублей. Но при сем случае они сделали пред Великим Князем важный проступок, который подал повод к скорейшему ограничению их прав и вольности. Вместо того, чтобы отправить в Москву нарядное из почетных людей посольство с благодарностью Государю, они послали к нему в

великий пост только гонца с благодарною Грамотою: а сей гонец возвратясь 8 апреля, привез им известие о великом неудовольствии Государевом. Тогда почувствовав свою ошибку, просили они своего Князя Ярослава поехать в Москву для умиловления Великого Князя и нарядили с ним трех Посадников, детей Посадничих и Бояр из всех Концов, поручив им поднести Государю в благодарность от Пскова сто рублей. Все сие посольство отправилось уже 19 Мая. Но Великий Князь не принял их и даже из Москвы с подворья выслал на поле, где они простояв пять дней в шатрах, возвратились без ответа во Псков июня 23. Один только Князь их Ярослав остался в Москве, и вероятно успел несколько успокоить гнев Государев. Ибо вслед за Псковскими Послами через несколько дней Государь прислал во Псков нарочного с повелением, чтобы присланы были в Москву опять послы без лишнего наряда. Почему в конце Июля отправлены были туда другие три Посадника и несколько Посадничих детей и Бояр с подносом Государю 150 рублей. Сие посольство и дар их Государь принял и обещал Пскову продолжение своего покровительства и защиты: но в то же время потребовал от них, чтобы выданы ему были все от прежних Великих Князей жалованные Псковичам пошлинные Грамоты. С сим повелением отпущены послы домой, а Ярослав паки остался в Москве и возвратился во Псков уже 13 Ноября 1475 года. Но вступая в правление, конечно по данному ему наставлению, начал судить и пошлины взыскивать не по старому обыкновению; брал на посыльных своих двойную за езды плату, а по Пригородам и Наместники его брали взятки и на себя и на него, и пошлины Наместничьи вдвое. Псковичи отправили к Великому Князю трех Посадников с жалобами и с представлением своих пошлинных Грамот: но он взглянув только на сии Грамоты, отдал им назад и сказал, что те Грамоты писаны не Великими Князьями, а им подтвердил, чтобы они все требования Князя Ярослава исполняли. Псковичи отправили второе посольство с жалобной Грамотой, что Ярослава требования не по старине и им несносны: но Великий Князь отвечал только, что пришлет к ним своего посла рассмотреть о всех тех управах. В следующем 1476 году, когда по жалобе Новгородцев на притеснения от своих Посадников и прочих Чиновников приехал для управы в Новгород сам Великий Князь; то Псковичи в Ноябре отправили туда четырех своих Посадников и по два человека Бояр из всех Концов и детей Посадничих с подарком 50 рублей, просить его, чтобы он держал свою отчину Псков по старым обыкновениям. Великий Князь вызвал Ярослава в Новгород, а Псковичи провожая его 12 Декабря, на Вече подарили ему 20 рублей на дорогу и

просили, чтобы и он ходатайствовал за Псков. Но он прибывши в Новгород, начал сам жаловаться на Посадников и на весь народ. Почему Великий Князь Псковским послам, отпуская их, обещал только прислать на срочные дни с Ярославом своих послов для рассмотрения дел. С сим ответом Псковские поверенные возвратились; а за ними через неделю 31 декабря и Ярослав с послами, отпущенными только на пять дней в оба пути. Послы сии без всякого разбирания объявили, чтобы Псковичи за вины свои просили у Ярослава прощения, и впредь платили ему Наместничьи деньги за езду вдвое, Наместникам его по городам пошлины Княжеские, поземельные суды по старине и положенный оклад с каждой копны, с изгородного прясла и с падалины лошадиной. А если не исполнят сего, то Государь с ними управится. Посадники и весь Псков заплатили Ярославу на Вече пени 130 р., взыскали и Великому Князю все уреченные пошлины и обещались впредь все требования его и Наместников его выполнять. Для донесения о сем Ярослав с послами января 5 сам отправился в Новгород. С ним и Псковичи отправили двух своих Посадников просить Великого Князя, чтобы он жаловал свою отчину Псков. Великий Князь доволен был их послушанием и подтвердил им, сказав; кого к вам о своих делах ни пришлю, и выб есте меня слушали, а ему верили, как и мне Великому Князю и моей Граммате. Сим кончился весь суд; но с возвращением Ярослава, прибывшего во Псков уже 4 Февраля по провождении Великого Князя из Новгорода, притеснения умножились. Псковичи 15 Июня отправили из всех Концов Бояр своих со слезной жалобной Грамотой и с просьбою в Москву, чтобы Великий Князь вывел Ярослава за великие от него и от Наместников его по Пригородам и волостям насилия и дал бы им Князя Ивана Александровича Звенигородского. Но Великий Князь сказал только им, что пришлет своего посла для произведения суда по своим засыльным Грамматам, а не по их старинам, как его прародители держали свою отчину Псков. Псковичи августа 27 отправили других послов опять с Грамотой, ссылаясь на свое древнее право выбора себе Князей, и прося дать им Князя Ивана Бабича; потому что Князь Иван Звенигородский тогда уже скончался. Но и сия просьба их не уважена. Ярослава не только Наместники и Чиновники, но и дворовые между тем своевольничали во Пскове. А в 1477 году сентября 2 дошло до открытой драки у Псковичей с княжескими дворами. Случай к сему важному в последствии происшествию был самый маловажный. Некто Псковитин вез с огорода по площади мимо Княжеского двора капусту. Один из княжеских дворов сняв качан, дал княжескому барану. От сего произошла сперва ссора, в которую вступились многие Псковичи и взошли

на Княжеский двор, где пьяные княжеские дворцы кинулись на них с ножами. Псковичи оборонялись от них камнями. Потом все выскочили на площадь; первые устремились на всех встречных, и сверх ножей начали стрелять из луков стрелами. Тогда Псковичи вооружились уже дрекольем и убили княжеского повара. Здесь явился и сам Князь Ярослав пьяный, в панцире, и начал стрелять. Тревога сделалась по всему городу. Стеклись на площадь и Посадники и Бояре и Житейские люди с оружием: но увещаниями благомысленных людей уже к вечеру междоусобие укрощено и Князь со своими возвратился во двор. При всем том много Псковичей тогда было поранено, а иные и убитыми остались на месте. Между тем пронесся слух, что княжеские дворцы в отмщение хотят зажечь город и при пожаре бить граждан. Почему Псковичи поставили на площади вооруженную стражу на всю ночь, а на утро собравши Вече, отказали Ярославу от княжения и выслали его из города; к Великому же Князю 5 сентября 1471 года отправили с послами доносную Грамоту. Но Ярослав не поехал из Пскова в ожидании Великокняжеского повеления, да и сами Псковичи уже не принуждали его к выезду. 20 Сентября прибыли во Псков от Великого Князя два Боярина Иван Федорович Товарков и Юрий Иванович Шестак с Дьяком Иваном, и по его приказанию объявили, что Псковичи ныне жалуются на Князя Ярослава и его Пригородских Наместников за насилия, а прежде в Новгороде так не жаловались. Но Ярослав и тогда, де, на самих их жаловался и ныне жалуется за отнимание виноватых по Пригородам и за неоказание ему прежней чести и уважения. А потому Великий Князь оставляет Ярослава во Пскове на княжении. Послы сии пробыли во Пскове две недели, и сверх многих причиненных Псковичам убытков делали разные притязания, требовали себе выдачи тех людей, которых Ярославовы Пригородские Наместники заковали, а Псковичи расковали, или которые Князю ослушливое слово молвили, а Псковичи не вступились. Но им никого не выдали, ссылаясь на древние права своей вольности пред Князьями своими, и объявили их правыми; “а с оставляемым у нас Ярославом, говорили они, нам жить не можно, если он продолжать будет насилие над нами; буди Государева воля: а мы пошлем еще к нему послов просить о своих старинах”. При отпуске послов подарили они Ивану Федоровичу 15, Дьяку 5 рублей, а Юрий назначенных ему 10 рублей не принял; и дали им Провожатых, которых однако же на границе они ограбили, прибили и отняли у них коней и самое платье. Той же осенью 18 октября 1477 года Псковичи опять отправили двух Посадников и двух Бояр жаловаться на Ярослава Великому Князю, которого нашли они во Владимире. Но он не выслушав их, отослал в

Москву, а по возвращении дал им ответ: коли только отчина моя Псков тако учинали, что на дворе нашего Наместника, а своего Князя Ярослава Васильевича находили, ино то сами из старины выступили, а не яз Князь Великий. Такой ответ ясно предвещал Псковичам чего им ожидать должно. Между тем до получения сего решения они продолжали платить Ярославу Княжью пошину, и когда Опочане поймав одного коневого вора, не спросив Псковичей сами собою повесили, то сии взыскав с них пени сто рублей, отдали их Ярославу. Псковские послы с вышеупомянутым ответом возвратились уже января 2: а февраля 12 прислано было Ярославу повеление выехать из Пскова со всем домом и никого не оставлять. Почему он сложив с себя Крестное целование на Вече, отправился 25 числа того же месяца. Пять дней ехал он Псковскими волостями 40 верст до границы; две ночи простоял на Прощеницах, три на Мелетове. Псковичи на всякий стан высылали ему из города корм, питье и все припасы с честью: но он выехав из Мелетова за границу, провожавших его Сотских, Старост Губных и иных подвозчиков корма и угощателей своих всего 18 человек связал и увез за собою в Москву. Псковская Летопись говорит о нем: не бывал во Пскове ни за много времен толь Князь злосерд, каков был он до Пскова и до Псковских Посадников, також и его Наместники по Пригородом многое множество над Христианы насилие чинили. Вслед за ним марта 9 Псковичи отправили к Великому Князю двух Посадников и трех Бояр со 100 рублями в подарок и с просьбою, чтобы он оставил у них старые права, дал бы им вольного Князя Василия Васильевича Шуйского из Новгорода, или Ивана Володимировича и отпустил уведенных Ярославом людей. Великий Князь принял милостиво подарок: но из просьб их кроме последней ничего не исполнил, а при отпуске послов сказал: а что о ваших делах моя отчины, а то яз к вам со всем своим Наказом шлю свои послов. Может быть не преминул бы он строго и наказать их, но предприятие похода на возмутившихся опять Новгородцев, с которыми тогда в союзе были Псковичи, заставило его на сей раз отложить усмирение сих, дабы не иметь вдруг себе двух неприятелей, и дабы воспользоваться даже помощью последних против первых. Псковские послы возвратились апреля 23, а июня 7 прибыл во Псков посол Великокняжеский с повелением, дабы Псковичи разорвав союз с Новгородцами, шли на них воевать. Не зная, чем решится сия жестокая война, долженствовавшая или защитить все древние Республиканские северных Областей права, или совершенно разрушить и уничтожить оные, Псковичи притворились, якобы не верят послам Великокняжеским, и желая будто бы от самого Великого Князя слышать

известное о сем повеление, отправили к нему одного своего Посадника с Боярами; а в то же время дали знать о том и Новгородцам, предлагая им от себя посредничество и ходатайство о примирении. Но гордые Новгородцы, надеясь на свои собственные силы, посредничества не приняли, а через послов своих просили только их не отставать от союза. Между тем Великий Князь присланным от Пскова подтвердил, чтобы они послу его верили, как самому себе, и в следующем сентябре 1478 года прислал опять к ним посла с повелением, чтобы они немедленно возвратили Новгороду свой мирный договор и шли туда с войском. Первое тотчас исполнили они: но от последнего долго отговаривались бывшим тогда у них пожаром, истребившим большую часть города, и оскудением. В Грамоте своей о сем к Великому Князю они уже называли его своим Государем и Царем всея Руси, чего прежде не писывали. Но Великий Князь ничего им не отвечал, И посла их увел с собою в поход: а Великокняжеский посол настоял во Пскове о сборе войска, объявляя себя назначенным для оного Воеводою. Псковичи желая и тогда удержать права свои, употребили уже последнюю отговорку, что они не имеют у себя Князя, и тогда соберут и отпустят войска, когда Великий Князь определит к ним по выбору их Князя Наместника своего, который дал бы им присягу и принял бы сам предводительство их войск. С сим ответом отправили они нарочных к Государю, бывшему уже в походе и немедленно получили себе Наместником Князя Василия Васильевича Шуйского, который прибывши к ним, дал 25-го ноября требуемую присягу и через 9 дней выступил с войском и с огнестрельным снарядом к Новгороду. Вслед за ним поехали семь Посадников, многие дети Посадничьи, Бояре и дети Боярские из всех Концов наряженные при войске, собранном со всех Пригородов. Псковские купцы повезли туда же в станы припасы и разные товары на продажу. Сверх того потребованы еще от Пскова мостники. По окончании войны сей через 58 дней все возвратились здоровы. Один только главный Воевода, Посадник Алексей Васильевич, скончался под Новгородом. Великий Князь казался доволен послушанием их и оно то спасло Псков на то время от участи старшего его брата Новгорода, лишенного тогда уже всей своей свободы и вольных прав и получившего себе вместо Князя четырех Великокняжеских Наместников. В знак благоволения своего Государь прислал городу Пскову серебряный с позолотою кубок и обещал им всегдашнюю защиту от Лифляндцев и содержание в старине. Псковичи взаимно к нему отправили своих послов с благодарением, но не утерпели при том, чтобы не жаловаться на обиды от Великокняжеских поверенных и посыльных, которые, де, на Вече подарков от Пскова не принимают; но

на подворье и по городу с ругательством их требуют, а по городам и волостям делают насилья, отнимают лошадей и другие вещи. Однако же сии жалобы оставлены без уважения и даже без имоверия; а Князь их Шуйский возвратился во Псков уже февраля 11.

Вслед за тем началась кровопролитнейшая и долговременная война с Лифляндцами. Повод к оной подали сперва войска Великого Князя Ивана Васильевича, бывшие с ним в Новгородском походе и после управы с Новгородцами для добычи бегая по северным их городам, вторгавшиеся и в Лифляндские границы за реку Нарову; а потом и сами Псковичи, думавшие отмстить Лифляндскому Орденмейстеру Бернарду де Борху за то, что он весною 1479 года задержал в Риге Псковских купцов, и хотя, по ходатайству послов, после отпустил их, но отнял их товары. Тоже сделали и Дерптяне, засадивши в погреб 45 человек Псковских купцов. Псковичи, отправив к ним послов для освобождения заключенных, сами заключили бывших во Пскове Дерптских купцов в погреб в охабне стены, а между тем собравши отряд, 27 Сентября вторглись в Дерптские земли, произвели там великое разорение и нахватавши много полона, возвратились. Три месяца после того Лифляндцы ничего не начинали в отмщение, и Псковичи надеялись оставаться спокойными, так что когда Великий Князь Иван Васильевич в Декабре прибыл опять в Новгород, то Князь Шуйский, 7 Посадников и по Боярину из каждого Конца, не предвидя Пскову опасности, отправились туда с подарком Государю от города 65 рублей и сверх того каждый с собственным подносом. В конце Декабря Великий Князь взаимно прислал во Псков своих послов: но при них же пришло Псковичам известие, что Лифляндцы января 6 нечаянно напали на Вышгородок, сожгли стену и Борисоглебскую там Церковь, перерубили много людей, не щадя ни жен, ни детей, а несколько граждан и от пожара сгорело. Вестник о сем прибежал 7 января ночью, и в туже пору дважды зазвонили в Вечевой колокол, созвали народ, выбрали войско и с оным Посадники немедленно поспешили к Вышгороду, дабы застать там неприятеля; а на завтра собрав с каждых 4 сох по одному конному, еще многие за ними туда же отправились. Но неприятели уже удалились и явились на другой границе Псковской под Гдовом. Оттуда также пришла весть во Псков, что 20 января весь посад около Крепости сей сожжен ими, а стены целую ночь разбиваемы были пушечными выстрелами, и часть их ратных тогда же стояла под городком Кобыльим. Псковичи опасались уже ближайших нападений; и потому назначили сбор своих ратных людей из всех Пригородов к Изборску; а в Новгород к Великому Князю отправили гонца с просьбою о присылке вспомогательного войска. Великий Князь

немедленно прислал Воеводу своего Князя Андрея Никитича Ногтева, с достаточным корпусом, который пришел во Псков 11 февраля и через три дня выступил к Изборску, где совокупясь со Псковскими войсками, пошел к Тростянскому погосту, а оттуда через озеро, к реке Амовже (Ембаху), осадил близ устья ее бывшую крепостцу, названную в Летописи Костром, взял оную через три дня, нашел там много добычи, пушек и пороху, вывед в плен до 52 женщин и детей, а потом всю репость сжег. Оттуда все войска двинулись к Юрьеву, или Дерпту, но простояв под оным одни сутки, разорили только окрестности и с множеством пленных Чухон и своих освобожденных возвратились во Псков. Не известно, почему столь краток был сей поход; но из последствия, что Великокняжеский Воевода через трое суток с неудовольствием из Пскова выступил в Москву, забравши с собою и пленных, можно заключать, что какие-нибудь несогласия были тому причиной. Псковичи в след за ним посылали до Порхова двух Посадников с просьбой о возвращении, но он не послушался; а Лифляндский Орденмейстер, Бернард фон дер Барх, как скоро сведал об удалении Московских войск, то 25 того же февраля пришел под Изборск, надеясь нечаянно взять оный. Но увидев, что оставленные там для стражи Псковские войска упорно отбиваются, дабы не терять времени потянулся к озеру по Псковским волостям, начал жечь их, так что дым и пламя видны были во Пскове. К несчастью тогдашний Псковский Князь Наместник Василий Васильевич Шуйский был совсем неспособный к воинским делам, а при гордости и грубости своей к гражданам, склонен был только к пьянству и грабежу. Почему не надеясь на него, Посадники собрали наскоро с волостей и Пригородов войско, вооружились чем кто мог, и марта 1 встретили неприятелей уже за Устьем в Пецкой Губе на озере. Там передовые полки обеих сторон сразились в виду главных своих войск; а пока происходило сие сражение, Лифляндцы отрезали шедший к Псковскому войску отряд из 300 ратников и весь на голову побили, так что Псковичи тогда о том и сведали. Сим кончился весь сей поход. Ибо главные войска неизвестно почему, простояв с утра до вечера ввиду одно против другого, не сразились. По крайней мере, Орденмейстер скрыв свое намерение напасть с другой стороны, не захотел идти вперед и ночью удалился; а Псковичи не рассудив за ним гнаться, возвратились и сами в город; но вскоре узнали, что он, перешед через озеро на Гдовскую сторону, выжег все Псковские посады и врасплох 4 марта вечером осадил Кобылинскую Крепость; с следующего утра начал разбивать стены ее пушками; потом по лестницам пустил ратников своих на, город; но увидев храбрую оборону, которою распорядился тамошний Посадник Макарий,

приказал обложить стены дровами и зажег их. Дым и пламя принудили осажденных кидаться через свою ограду: но осаждающее били, их камнями, кололи копьями и секли мечами, а весьма многие и погорели или задохлись от дыма. Таким образом разорена сия Крепость, в которой, по сказанию Псковской Летописи, находилось 3985 человек жителей, из коих оставшиеся в живых все уведены тогда и с Посадником Макарием в плен. Столь жестокое мщение навело страх на Псковичей. Сверх того слышали они, якобы Орденмейстер жалуясь Польскому и Литовскому Королю Казимиру на обиды их, просил и у него вспомогательного войска. Сие вероятным казалось им и потому, что в Луцке Литовский Воевода ограбил одного Псковского купца; также и в прочих Литовских городах Воеводы и мещане Псковским купцам не позволяли торговать с Немцами, а пленных Руских, убежавших из Лифляндии через Литву, задерживали у себя. Посему Веча Псковская от имени своего Князя Василия Васильевича Шуйского, всех Посадников и всего Пскова отправила к Казимиру Посадника Василия Люшковича и Боярина Юрья Ивановича с просительною Грамотою о том, чтобы Король не давал помощи Орденмейстеру, не обижал бы в своем Государстве Псковских купцов, не запрещал бы им торговать с Немцами и со всеми купцами, а Литовцам запретил бы удерживать у себя Псковских пленников. На сие посольство Казимир отвечал Псковичам своею Грамотою с обещанием не помогать Лифляндцам, а обиды причиненные Псковским купцам рассмотреть и удовлетворить и запретить пленных, убегающих из Лифляндии, в Литве задерживать. Но в той же Грамоте жаловался он, что много и его поданных ограблено, задержано и побито во Псковских волостях и что многократно на то приносимы бывали Посадникам жалобы: но управы не получено²⁰. Таким образом Псковичи со стороны Литвы хотя несколько и успокоены: но Лифляндский Орденмейстер Бернгард дер Борх после разорения Кобылинской Крепости дал им покою только на шесть месяцев и 18 августа опять явился с сильнейшим ополчением под Изборском. Он старался выжечь также и сию Крепость, как прежде Кобылинскую, или разбить пушками. Но приметы к каменным ее стенам зажженного хвороста и дров ничего больше не произвели, кроме дымом и пламенем мешали осажденным отражать неприятелей; а пушками долго было бы разбивать оную. Бросаемые в Крепость тучи стрел с зажженными фитилями для произведения поджара внутри, были также безуспешны. Почему простояв два дня под стенами ее, не захотел он тратить больше времени, а пошел прямо ко Пскову. 20 августа явился он пред стенами Псковскими и расположился на поле в Завеличье, которое до прихода еще

его сами Псковичи выжгли, дабы не дать ему пристанища: а в Бродах выше города на Выбуте, дабы не мог он перейти Великую реку, сделали завалы и на стороже там поставлены были Пригородские войска. Такую же стражу послали они и на устье реки Великой. Но сие последнее место неудобно было к преграде, и на другой же день с озера по реке проплыли ко Пскову Юрьевцы в 13 шнеках с военными и съестными запасами. Они оставаясь на лугу за Монастырем Св. Стефана, расположили там свои батареи против Запсковья, а часть перевезли против Полонища и начали непрерывную стрельбу. В гражданах рождалась уже робость, так что многие стали разбегаться, и даже один Посадник, Филипп Пукашов, ушел было, но догнан. Сам Князь их Шуйский приготовил уже оседланных лошадей для побега и едва уговорен и остановлен Посадниками и Боярами. Гонцы посланные в Новгород и в Москву с просьбами о помощи, не возвращались, или, по крайней мере ниоткуда не привозили обнадежения. Ибо Великий Князь был сам тогда занят войной с Крымским Ханом: а Новгородцы после уничтожения своего потеряли бодрость. В сих тесных обстоятельствах один из граждан объявил Посаднику Стефану бывшее себе в сновидении повеление Благоверного Князя Доманта, завещавшего снять покров с гробницы его и с Крестным ходом обнести трижды по стенам. Обряд сей немедленно в следующую же ночь совершен. Граждане все ободрились, и когда неприятель сев на шнеки под прикрытием батарей, стал делать высадку на Запсковье между Церквами Лазаревской в поле и Спаской за стеной, то есть на самый Варлаамский угол, то народ ринувшись на них с оружием, какое кто нашел, отразил их от берега, побил и потопил до 50 человек, а одной шнекой совершенно завладел. После сей неудачи неприятели покусились произвести пожар в городе, дабы развлечь жителей. Они нагрузили два больших судна остатками горелого на Завеличье строения, сухим хворостом с соломой, обливши все то еще смолою; и поелику с Завеличья дул сильный ветер на город, то они зажженные суда сии пустили по реке ближе к стенам, надеясь что ветер подняв горючие вещества через стены, раскидает их по градским зданиям, а сами приготовились переплыть на градский берег. Но и сие покушение было неудачно, а в следующую ночь, к удивлению граждан, по пятидневной безуспешной осады Пскова, Орденмеейстер со всеми войсками отступил и удалился в Лифляндию. Лифляндский Летописатель Арндт приписывает сие отступление, кроме недостатка в корме лошадям, опозданию Ревельского Епископа, во время пускания зажженных судов и высадки на берег занимавшегося совершением Литургии в стане своем, и робости Дерптского Епископа при произведении высадки, после неудачи

коей он же первый оставил союзные войска и прежде всех пошел со своими домой. Как бы то ни было, но несогласие неприятелей спасло Псков на сей раз почти от неминуемого взятия. Ибо сам же Арндт пишет, что войска Лифляндского тогда было якобы 100 тысяч: но в извинение ему говорит, что оно было большею частью из мужиков, необученных военному искусству: а Орденмейстер думал, де, что Псковичи сразятся с ним на поле. При самой осаде они посылали к нему поверенных для переговоров, соглашались обменяться пленными и даже уступить ему некоторые земли: но он не умел воспользоваться сими предложениями. Впрочем Псковичи опасались еще возвращения его, и поелику не было им помощи ни от Великого Князя Московского, ни от Новгородских Наместников, а в Великих Луках стояли Князя Андрей и Борис Васильевичи, после ссоры с братом своим Великим Князем Московским отошедшие от него и при себе имевшие до 10 тысяч войска; то Псковичи обратились к ним с просьбой о защите, и отправили в Великие Луки Посадника Дорофея Гавриловича. Князя охотно согласились, и со всеми войсками своими немедля прибыли во Псков 3 сентября. Граждане поместили самих их в Княжом дворе, а войска их расположили в Остролавицком и Боловинском Концах и на Полонищи. Но когда начали просить их о походе в Лифляндию, то Князя сии предложили им условие, чтобы приняты были во Псков на пребывание супруги их с семействами, не имеющие пристанища. Десять дней продолжались у граждан рассуждения и переговоры о сем и наконец заметив может быть намерение князей завладеть и Псковом, они отвечали им, что принятие их семейств может показаться Великому Князю с их стороны неверностью и изменою; а потому они и не согласны. Такой отчет раздражил Князей, и они 13 сентября выйдя из Пскова с войсками своими, стали на Мелетов, а оттуда дали им свободу грабить Псковские волости. Не пощажены были ни хлеб, ни скот, ни дворовые птицы, ни даже пол женский, ни Церкви; все подвержено грабежу и насилию; только огонь и меч не были употребляемы. Не оставалось другого средства унять их, как только подарками; а потому Князь Шуйский, Посадники и весь Псков выслали им 200 рублей от города и сверх того заплатили им еще окольные 15 рублей. Тогда удалились они из Псковских волостей и перешли в Новгородские. Псковичи в наступившую за тем зиму послали в Москву к Великому Князю Посадника своего Филиппа Пукашева с обстоятельным донесением о всем том, и с просьбой о присылке вспомогательных войск на Лифляндцев. Великий Князь, снисходя на их просьбу, повелел двум Новгородским своим Наместникам Князю Василию Феодоровичу

Шуйскому и Боярину Ивану Зиновьеву с Посадниками, Тысяцкими и Новгородскими ратниками идти во Псков, а в след за ними еще из Москвы отправил 20 тысяч войска с Воеводами своими, Князьями Иваном Васильевичем Булгаком и Ярославом Васильевичем Оболенским. Новгородцы прибыли ко Пскову 16 января и расположились на Полонище; а Московские войска 11 февраля и стали на Запсковье. По присоединении к ним и Псковских войск, через неделю, 18 февраля, выступили все в Лифляндию тремя отделениям, первым к Мариенбургу, вторым к Дерпту, а третьим к Валку, и 4 недели разоряли тамошние селения почти до Риги. Множество богатства и пленных было их добычею. К несчастью неприятелей зима тогда была весьма морозная и снежная, от чего многие убежавшие из селений в леса, погибли там от стужи, либо голода; а Рыцари, совсем не ожидавшие нашествия, занимались тогда пьянством. Два города, Каркус (Тарваст) и Вельяд (Феллин) был взят приступом. В последнем находился тогда Орденмейстер Бернхард фон дер Борх, но за день до взятия оного ушел. Князь Василий Федорович Шуйский гнался за ним 50 верст и взял только брошенные им обозы и несколько при них людей. Замок Феллинский, по взятии уже города марта 1 отдался Князю Ивану Васильевичу Булгаку, с условием, что он заплатит за себя окуп, и чтобы граждане его не были браны в плен. Предложение принято и сверх условленного окупа, Князь взял еще себе 2,000 рублей, а в добычу набрал до 50 колоколов, которые и отосланы в Москву. Тем кончился весь поход сей, от которого можно было бы ожидать гораздо более при бескорыстии вождей. Впрочем Псковский Летописец описывая успехи сего похода, говорит: отмстиша Немцем за свое в двадесятеро, или более, якоже нецьи рекоша: Псков стал не бывало тако! а Орденмейстер после сей несчастной для него войны увидев со стороны Рижских граждан и самих Рыцарей против себя возмущение, Поспешил просить мира у Великого Князя Московского и заключил оный в Новгороде на 10, а по сказанию других на 20 лет; между тем однако же сам Рыцарями низложен был с начальства своего.

После окончания войны Псковичи, давно уже недовольные Князем своим Васильем Васильевичем Шуйским, не умевшим защитить их от Лифляндцев, просили Великого Князя вывести его из Пскова, и согласились лучше принять к себе опять Наместником Князя Ярослава Васильевича Оболенскаго, бывшего тогда Воеводою в Лифляндском походе. Почему в 1482 году первый от них выведен, а последний оставлен. Но вторичное правление сего Князя не было спокойнее прежнего для Псковичей, частью от их своевольства, а больше от его властолюбия.

Первые хотели удержать во всей силе Вечевую свою власть, а последний намерился ограничить оную и над рабами их, или смердями, которые считались у них крепостными по древним записям их, или кабалам, и отправляли все общественные их работы и ремесла. Сии рабы в 1484 году, может быть попущением самого же Ярослава, выкрали из Вечевого ларя свои записи и не только перестали платить оброки, но не исполняли своих и рабочих повинностей, а Ярослав, с некоторыми Посадниками согласясь, написал даже им вольную Грамоту и положил в Вечевой ларь. Бояре и Житые люди восстали против сего и некоторых ослушившихся смердей в присутствии даже бывшего тогда во Пскове Посла Великокняжеского казнили, а иных посадили в погреб. Потом на Вече Написали мертвую Грамоту, то есть смертный приговор многим Посадникам, из коих одного Гавриила июня 13 действительно убили, иных заключили, а дворы с именем их описали и запечатали. От сего некоторые Посадники ушли тогда же в Москву. Великий Князь услышав о том, крайне прогневался, и когда Псковские послы, двое Посадников с Боярами, прибыли для оправдания своих сограждан и для испрошения у него прощения, то он через них объявил Псковичам повеление выпустить заключенных смердов, и опальных Посадников с домами их и именем освободить, а у Князя Ярослава просить прощения в том, что они делали управу без его соизволения. Но Псковской народ получив сей Указъ, не исполнил и даже не поверил оному; а за неделю до Рождества Христова отправил к Великому Князю опять четырех Посадников и десять Бояр из всех Концов города с просьбой о неотменении приговора их. Великий Князь с гневом велел повторить им прежнее повеление. Народ и оному не поверил, думая, что согласились послы их с ушедшими в Москву Посадниками и со смердями. За сим произошла великая распря к мятеж между самыми Боярами и Житыми людьми с Посадниками, которые хотели по Указу Государеву исполнить в точности. Народ защищал первых и кричал на Вече: мы правы, и требовал, чтобы в третий раз отправлены были К Великому Князю послы, которые однако же на дороге разбойниками убиты: а после Пасхи посланы еще и четвертые. Великий Князь оказал им больше прежнего гнев свой и подтвердил о исполнении повеленного. Тогда то уже выпустили они смердов и внув из ларя мертвую Грамату, написанную на Посадников, уничтожили, и их с именем освободили; а осенью перед праздником Воздвижения Князь Ярослав с Посадниками и Боярами ездили сами в Москву просить прощения у Великого Князя, который в ответ на то повелел по всей старине Пскову жити. Но вскоре за тем одному Священнику случилось у Норовских смердов найти

украденную ими Грамоту, или запись, без коей Псковичам нельзя уже было принуждать их к работам и даням. Один смерд вырвал из рук у Священника сию Грамоту и спрятал. По доносу о сем опять началось смятение во Пскове. Смерда того посадили в погреб, и поелику в то же время начали приезжать из Пригородов и волостей во Псков обиженные люди с жалобами на Наместников Князя Ярослава и на самого его; то Псковичи отправили Боярина Андрея Семеновича Рублева, и других с доносом Великому Князю, как о смерде, скрывшем Грамоту, так и о Княжих обидах. Но Князь Великий с гневом принял посланных и отвечал, что дело о вольности смердей он им уже решил, и вину им отпустил; ныне же опять на то же они покушаются; а на Князя Ярослава ни одной жалобы не принял, и обещал только прислать к ним своих Бояр для расправы. Наконец освободились они от Ярослава уже смертью его случившейся в 1487 году от бывшей во Пскове тогда моровой язвы.

После его более года управлялись они своими Посадниками. Но в 1488 году опять прислан был им от Великого Князя Наместник Князь Семен Романович, княживший у них три года; после него с 1491 года Князь Василий Федорович у них в 1496 году и скончавшийся; по нем Князь Александр Володимирович Ростовский с 1496 по 1501 год. Все они определяемы были Великим Князем без выбора и желания Псковичей и потому были им не угодны. Тщетно уже ссылались они на древние свои права и на прежние Грамоты, не уважаемые ни Великим Князем, ни Наместниками его, хотя вовсе еще и неуничтоженные. Тщетно, желая удержать свою свободу, каждого присылаемого к ним Наместника Великокняжеского приводили они на Вече или в Собор к присяге, чтобы он не нарушал их старинных Уставов и не требовал пошлин более положенных по древним Грамотам. Каждый в том присягал им, но ни один не исполнял; а в 1499 году они услышав, что Великий Князь Иван Васильевич дал сыну своему Василию титул Великого Князя Новгородского и Псковского (потому что на Великое Княжение Московское короновал уже внука своего Димитрия) вообразили, что учреждением у Новгородцев и у них особого самодержавного правления, хотят отделить их от России. Почему посылали они в Москву своих Посадников и по три Боярина из каждого Конца с просьбами, не делать у них особого Великого Княжения, а оставить в зависимости от Великого Князя Димитрия. Но Великий Князь Иван Васильевич прогневался на них и двух Посадников повелел засадить в костер, в коем и содержалась они около полугода, а после выпуска их прислал ко Псковичам для успокоения их Боярина своего Ивана Чоботова с объявлением прощения за их

дерзость. Псковичи приняли сего посла, угостили его и при отпуске подарили ему 10 рублей: но тем не успокоились и питали в себе тайное неудовольствие против Великого Князя. Посему когда в 1501 г. выехал от них Князь их Александр Володимирович, то они выбрали и сами собою призвали на княжение Ивана Ивановича Горбатого. Но в то же время сильное нашествие Лифляндцев заставило их смириться и Просить Великого Князя о помощи и защите. Деятельнейший из Лифляндских Орденмейстеров Валтер фон Плетенберг заключил тогда в Вендеме с Польским Королем и с Литовским Великим Князем Александром, зятем Великого Князя Московского Ивана Васильевича, с Епископами Рижским, Курляндским, Эзельским, Ревельским и Дерптским и всеми Лифляндскими владельцами договор против России, с условием не мириться никому одному без других в продолжение 10 лет. Надеясь на таковой союз, Лифляндцы немедленно захватили 25 Псковских судов со 150 купцами, плывшими по озеру для торгов с ними, и более 200 купцов Русских, живших в Дерпте, также ограбили и заключили в темницы. Псковичи трижды отправляли к ним послов своих с требованием удовлетворения ограбленных и выпуска заключенных. Но каждый посол был там задерживаем до прибытия другого и удовольствия никакого не сделано. А вслед за тем Плетенберг около половины августа месяца с 4,000 конных, несколькими тысячами Орденской пехоты и со множеством вооруженных крестьян вступил во Псковские пределы и начал разорять волости. Псковичи не надеясь сами защитить себя, еще заранее, услышав только о сборах Орденмейстера, послали к Великому Князю Московскому просить защиты. Почему к ним наряжен был с Новгородскими войсками Князь Василий Васильевич Шуйский, а вслед за ним прибыл еще Князь Даниил Александрович Пенков с Тверскими и Московскими. Но Воеводы сии простояли без действия три недели во Пскове, отговариваясь тем, что им повелено защищать только Псков; а между тем на каждый день требовали войскам своим по 100 зобниц овса, по 100 стогов сена и на прокорм людей по 25 рублей. Четыре раза Псковичи посылали с просьбами в Москву к Великому Князю, также занятому тогда войною с Поляками и Литовцами, и наконец получили Указ выступить Воеводам с Псковским Князем Иваном Горбатым и со Псковскими войсками в поход против вторгшегося уже неприятеля. Сверх нарядных Псковских войск нашлись еще добровольные из Псковичей охотники разъезжать по озеру на судах для поисков. Но сей отряд ничего не успел; а соединенные войска, коих Лифляндские Историки полагают якобы до 40 тысяч, вышли из Пскова 22 и 23 августа к Изборску и за оным в 10 верстах на реке Серице

встретили Плетенберга. Там 27 августа на первой сшибке Псковичи, бывшие впереди, потеряли Посадника своего Ивана Тенщуна, а Московская войска Воеводу Ивана Брисовича Бороздина. Первые, не потерпевши впрочем никакого еще другого важного урона, смутились и подались назад, а другие последовали за ними и наконец все обратили тыл. Некоторые Летописи говорят, что Лифляндцы напали на них врасплох, так что Воеводы не успели еще вооружиться, и от того все побежали обратно ко Пскову мимо Изборска, бросая даже оружие и обозы свои, которые, досадуя на них Изборяне грабили. Но Лифляндцы и не гнались за ними, а обратились на Остров, который осадив 7 сентября, сперва стены Крепости разбили пушками, а потом выжгли. Из 4,000 жителей города сего иные побиты, иные пленены, а многие погорели. Оттуда уже поворотили они к Изборску и провели под его стенами одну ночь. Наутро сделавши вид, что будто бы отступают и удаляются, скрылись в засаде. Изборяне вздумали преследовать их, но засадные нечаянно появились, гнали их до стены и всех перерубили, а 130 человек забрали в плен. С другой стороны Литовцы подступили к Опочке, однако же не взяли оной. Те и другие потом потянулись по берегу Великой реки ко Пскову и везде грабили и сжигали прибрежные селения. Псковские отряды перестреливались с ними только через реку и особливо на Бродах, дабы они не переходили; но остановить их были не в силах. Вдруг однако же Лифляндцы сами остановились и возвратились домой. Гадебуш пишет, что причиною сему был кровавый понос в Рыцарских войсках, от недостатка соли случившийся и много людей умертвивший. Между тем подошли во Псков из Москвы новые войска Русские и Татарские под начальством Князей Данила Александровича Пенка-Ярославского, Данила Васильевича Щеня и Александра Васильевича Оболенского. Соединясь со Псковскими войсками, предводительствуемыми Псковским Князем Горбатым и назначенными в левое крыло, они в глубокую осень при конце октября, не смотря на непогоды и худые дороги, вступили в Лифляндию, опустошили все около Мариенбурга, Нейгаузена и Дерпта, осаждали и брали Крепости и Замки: но близь Гелмета 24 ноября за полночь неожиданно в самую темноту напали, на Московские войска с сильной артиллерией неприятели. При самом начале сражения убит Воевода передового полка

Князь Александр Васильевич Оболенский. Битва была в беспорядке и кровопролитнейшая. По сказанию Лифляндцев, пало здесь Россиян до 2.000: однако же они одержали верх, сломали совершенно неприятелей, устлали трупами их поля расстоянием на 10 верст и били их, по словам Псковской Летописи, как свиней уже не мечами, но шестоперами, и не

оставили даже вестников. Псковские войска, бывшие позади, даже и не ведали о сем, а наехали поле сражения уже на третий день. Между тем Московские полки прошли от Дерпта к Нарве и почти до Ревеля, а возвратились во Псков через Ивангород. Лифляндские Летописцы признаются, что в сей поход побито и пленено их войск и народа до 40 тысяч.

Зима прошла тихо. Но на весну 9 марта нечаянно Лифляндцы напали на Ивангород, убили там Воеводу Ивана Андреевича Лобана-Колычева с товарищами и до 200 человек ратников, а за бежавшими гнались до Крепости Ямы; на возврате сожгли Ивангородское предместье, и удалась. С другой стороны Марта 17 подступали они к городу Красному, взяли волость Коровий Бор и окрестности семь дней грабили и жгли, а поселян побивали. Следующее лето опять протекло спокойно с обеих сторон. Но к осени Орденмейстер Плетенберг явился опять во Псковских предалах с 7,000 конницы, 1,500 Орденской Немецкой пехоты, 5,000 Курляндцев и Латышей, с толпой Эстляндских крестьян и с великим запасом тяжелых орудий. Сентября 2 к ночи подступил он под Изборск, разбил несколько стен пушками, но не желая тратить время над взятием Крепости, в следующее же утро двинулся ко Пскову, а 6 сентября был уже против стен градских на Завеличье, которое до прихода его выжжено было самими Псковичами. Уставив свои батареи наипаче против стен Крома или Кремля, он открыл ужасную стрельбу на городе, из которого со стен также ответствовали ему и не допустили его сделать никакой переправы через реку. Почему, дабы себе открыть безопаснейший переход, пошел он в верх на Броды к Выбуту. Псковичи наперед из осторожности сделали там против Бродов стену и на страже имели сильный отряд, который встретил его мужественно, удержать однако же не мог и он, перешедши Великую реку по Бродам, явился с другой стороны под городом у Полонища, недавно пред тем только огражденного новой деревянной стеной до Гремячей горы; а застенные посадки все были выжжены, дабы не дать укрытия неприятелям. Под пушечной обоюдной стрельбой два дни войска его покушались всходить на стены, но всегда сильно были отбиваемы. Между тем узнал он, что сзади его приближаются уже Московские и Новгородские войска. Сие заставило его не медля отступить от города и дабы затруднить переход помянутым войскам, сжег он на реке Черех мост, а сам опять на Бродах перешел за Великую реку. Как скоро пришла вспомогательная сила, то по прежней своей дороге удался он вовсе от Пскова на 30 верст, но Воеводы Московские Даниил Васильевич Щеня и Василий Васильевич Шуйский, не теряя времени, соединились со

Псковскими войсками, поспешили вслед ему и обошли его за Изборском. Там сентября 13 встретились они с ним при озере Смолине на Могильнике. В целый день четыре раза окружали они неприятеля, который однако же каждый раз пробивался. Наконец Плетенберг употребил военную хитрость, показав вид, будто бы уклоняется от сражения и бросает Свои обозы. Русские ратники безрассудно бросились тотчас на обозы для добычи, перерубили всех обозных Чухонцев, а при грабеже начали даже драться и между собою. От сего всех почти полков ряды расстроились; многие вышли из повиновения, и когда Псковской Князь Иван Иванов Горбатой начал своих разбежавшихся по кустам загонять в строй, то они обругали даже его и дали ему прозвище опремом и кормихном. А между тем Плетенберг открыв сильную стрельбу из артиллерии, смутил еще более Русские войска, которые в беспорядке наскакывая на его стройные ряды, сами от них падали толпами. Между ними пали также на поле сражения храбрые Русские вожди, Князь Федор Александрович Кропокин, Григорий Димитриевич Давидович, Юрий Тимфеевич Юрлов и многие дети Боярские. Наконец Русские устроились, напали дружно и отбили неприятеля с великим уроном. 1500 человек его пехоты совершенно рассеяны, а около 400 положены на месте. Наступившая уже ночь заставила разойтись обе стороны. Лифляндские Летописи приписывают все преимущество и победу своим, считают всего бывшего тогда нашего войска, кроме 30 тысяч Татар, одних Русских 90, а иные до 100 тысяч, из коих якобы побито 40 тысяч, а своих только 400 пехоты и нескольких конных с немногим числом Офицеров, и говорят, что таковая потеря принудила Русских отступить, а Орденмейстеровы войска якобы на месте сражения три дня отдыхали, от усталости не в силах будучи преследовать. Сам Плетенберг из хвастовства уставил у Рыцарей праздновать навсегда день якобы победы своей 13 сентября и дал пехоте своей наименование железной²¹. Но множество Лифляндских пленников долго и после сего в России обтававшихся, о выпуске коих в 1505 году ходатайствовал у Великого Князя Московского Римский Цесарь Максимилиан и Филипп, Король Испанский, опровергает сие хвастовство. Даже некоторые из самих Лифляндских Историков не оспаривают у Русских преимущества в сем сражении, а приписывают оное только измене одного Лифляндского Рыцаря, а по сказанию Гильзену, Ротмистра, с целым немецким полком своих рейтаров будто бы перебежавшего на нашу сторону и наведшего Русских на Лифляндскую пехоту. Тоже подтверждает и вскоре после сей войны заключенное на шесть лет перемирие, которое сам Плетенберг называл для Лифляндии

постыдным. Оно состояло в 54 статьях, большею частью прежних обязательств, и между оными подтверждено было старинное, о повинности Дертпского Епископа за поручительством Орденмейстера, платить России поголовную дань и оброк Новгородским и Псковским Церквам. А во Пскове мирный сей трактат празднован с колокольным звоном и пушечною стрельбой.

По истечении срока сего перемирия в 1509 году марта 25 в Новгороде заключено второе на 14 лет на тех же условиях с взаимным обещанием безопасности торговле и покровительства Русским в Лифляндии Церквам. Причем от Лифляндцев обещано давать Новгородским и Псковским купцам по Лифляндии проводников, и если они там купяпят лошадь, то пошлины платить один фердинг, а за пропуск чрез границу одну деньгу. Сверх того Лифляндцы обязались не иметь союза с Польским и Литовским Королем.

Вскоре по заключении еще первого перемирия Псковский Князь Иван Иванович Горбатой, обруганный в походе Псковичами, не захотел сам у них княжить и в том же 1503 году вызван в Москву, а на место его прислан во Псков Наместником Князь Димитрий Володимирович Ростовский. Но и он 4 года только здесь княжил и преемником ему прислан Князь Петр Васильевич Шуйский, через 2 года также выведенный. Все они определяемы были без воли и выбора Псковичей, а потому не могли приятны быть ни Чиновникам, ни народу и выезжали с неудовольствием от сих Республиканцев, всегда защищавших свою независимость и споривших за древние свои права и преимущества.

Впрочем после совершенного усмирения и покорения в 1478 году старших их братьев Новгородцев, нельзя даже не удивляться чрезвычайному и долговременному снисхождению к ним Великих Князей Московских. Ибо тогда, как первые лишены были всех своих вольных прав и преимуществ, не имели уже ни особых Князей, ни Вечи, ни Посадников, ни других гражданских и военных своих Чиновников, ни своего народного суда, и наравне со всеми Русскими Княжествами, совокупленными под единоедержавие, беспрекословно повиновались Великому Князю и его Наместникам, Псковичи в продолжении 32 лет гордились еще своими собственными Князьями, по большей части по их же выбору, хотя и под именем Наместников, от Великих Князей присылаемыми к ним и присягавшими им на Вече, у них одних уцелевшей; требовали у Великого Князя и получали смену их; имели своих Посадников и прочих по древнему обыкновению Республиканских Чиновников; удерживали насильно, хотя и не всегда вполне, древние свои права и преимущества;

часто спорили за оные с самими Великими Князьями, и выступали из границ повиновения и покорности им своими мятежами, не смотря на то, что без покровительства и защиты их в последние сии времена они легко порабощены были бы усилившимися соседями своими Лифляндцами и Литовцами. Псковский Летописец приписывает терпеливость Великих Князей сперва силе самого города Пскова, и потом опасению, чтобы он не отдался под державу Литовскому Великому Князю, соседу своему, помогавшемуся уже сего.

ХII. О покорении Псковского Княжества Великому Князю Московскому

Наконец приближался предел и их вольности. Выше уже сказано, что Великий Князь Иван Васильевич еще в 1501 году сыну своему Василью дал титул Великого Князя Псковского; а в Духовном завещании своем 1504 года именно написал: даю ему (Василью) город Псков и с городами и с волостями и с селами и всю землю Псковскую. По кончине его, последовавшей 1505 года октября 27, пять лет сей Сын и наследник его ничего не предпринимал над Псковом, оставляя оный только при Наместниках своих. Но в октябре 1510 года, когда с братом своим Князем Андреем, с зятем Петром Царевичем и с Боярами прибыл он в Новгород, то Псковичи сами подали ему повод к порабощению себя. Они будучи недовольны присланным к ним в прошлом году Князем Наместником Иваном Михайловичем Репнею-Оболенским, отправили в Новгород семьдесят послов с двумя Посадниками Юрьем и Михайлом и с Боярами из всех Концов города, во-первых поднести в дар Великому Князю полтораста рублей Новгородских, а притом просить, чтобы он жаловал отчину свою, мужей Пскович, добровольных людей, избивенных от Наместника его и от его Пригородских Наместников. Великий Князь приняв подарок, отвечал Посадникам: Яз вас свою отчину хочу жаловати и боронити, якож отец наш и деды наши Великие Князи: а что ми повестуете о Наместнике моем и о Своем Князе о Иване Репне, аж на него станут многия жалобы, и яз его обвиню пред вами. С сим ответом отпустил он их во Псков. Но Князь Иван Репня той же осенью сам поехал к Государю в Новгород жаловаться на Псковичей, что они и его Великого Князя бесчестят, а с ним, обходятся не так, как с прежними Велико-Княжескими Наместниками; сами производят дела не так, как бывало; в суды его, в пошрины, в оброки и во всякие доходы вступаются; позорят и насилуют его людей и, проч. Великий Князь по выслушивании таковых жалоб, отпустил и его, прислав с ним только повеление Посадникам и Боярам и всем Псковичам, чтобы они не выступали впредь из почтения к нему и к Наместнику его, и в его доходы и суды не мешались. Однако же Псковские дети Боярские и Посадничьи, не уважая сего снисхождения, побежали вторично в Новгород взаимно жаловаться на Наместника Репню. Тогда Государь, прислал уже во Псков Окольного своего Князя Петра Васильевича-Великого и Дьяка Третьяка Далматова, повелев им сперва порознь выслушать жалобы от Наместника и Псковичей, а потом дать им

очную ставку: но Псковичи на очную ставку не пошли. До сему Князь Петр возвратился в Новгород без успеха. С ним поехали Посадники опять просить Государя по крайней мере о смене Наместника, говоря, что с ним прожить им не мочно. Государь заметив сие упрямство, и желая сам уже разобрать их раздоры, вызвал Наместника в Новгород и повелев явиться туда и жалобщикам: а Посадники со Псковичами, вздумав скопом целой Области превозмочь Наместника пред Великим Князем, разослали по Пригородам и волостям повестки, чтобы всякий недовольный им ехал в Новгород жаловаться на него. Сей неблагоразумный клич, возмутил только всю Область. Вызвались жалобщики не на одного уже Наместника, но из самих Посадников друг на друга, а народ на них и на Новгородских Помещиков, от Порховской стороны их стеснявших. Двое Посадников, Леонтий и Юрий, на той же недели поехали тягаться между собой перед Великим Князем; а оттоле Юрий писал во Псков Грамоту, чтоб и прочие Псадники ехали в Новгород на очную ставку с Наместником, и если не поедут, то вся Земля будет виновата. В ту пору, как говорит Псковский Летописец, Псковичам сердце уныло. На четвертый день по получении сей Грамоты поехали девять Посадников, Бояре, Старосты всех рядов купецких, и Житейские дюдюи в Новгород. Великий Князь оторочивал разбирательство и отвечал только: копитеся вы жалобные люди на Крещенье Господне, и яз вам всем управу подаю; а ныне вам управы никаких нет. Из Уездов Псковские жалобщики все съехались сперва во Псков, а к назначенному сроку с ними отправились и еще другие Посадники, купеческие Старосты и прочие, кто хотел, в Новгород. В праздник Крещения Господня Государь приказал Посадникам, Боярам и купеческим Старостам идти на водоосвящение к реке Волхову, и сам туда пошел с Боярами своими. Тогда, за отсутствием в Новгороде Архиепископа, водоосвящение совершал, по сказанию Псковской Летописи, Смоленский Епископ Вассиан Кривой, а по сказанию Русского Временника, Митрофан, Епископ Коломенский. По совершении Священного обряда, все возвратились к Софийскому Собору; а Великий Князь повелел своим Боярам объявить Псковичам, чтобы они шли в Государев двор, где Государь хочет всем управу дать; а кто не пойдет, тот страшился бы казни. Все они с реки собрались в Архиепископский дом, где Государь занимал себе квартиру. Посадники, Бояре и Купцы введены в палату, а прочие оставались на дворе. Русский Временник говорит, что Государь сам

велел Наместнику Князю Ивану Репне с Посадниками стать перед собою, и выслушав их обыскал, „что его Наместнику от Псковских

Посадников непослушание было великое, что в суды и в пошлины у него и у людей его вступались, и держали его не по тому, как прежних Наместников; также и своей братией Псковичам многие обиды и насильства были великие; над всем же сим и его Государское имя презираху и нечестно своим презорством и непослушанием держажу. И за то на всех Посадников опалу свою положил., а Псковский Летописец, не упоминая о сем суде, говорит только, что Бояре вышед, объявили Псковичам: пойманы есте Богом и Государем Великим Князем Васильем Ивановичем всея Руси, и потом засадили старших в том же Архиепископском доме, а младших раздали по улицам под стражу Новгородцам впредь до управы. Весть о сем скоро достигла до Пскова. Один купчина, Филипп Попович, ехавший в Новгород, остановясь на реке Веряже, и услышав о том, бросил свой товар и прибежавши во Псков, объявил согражданам, что Великий Князь всех жалобщиков переимал. Тогда, как описывает выразительно Псковский Летописец „нападе на Пскович страх и трепет и туча, и пресхоша гортани их от скорби и печали, и уста их пресмякли; якож многажды приходиша Немцы на них, и таковы им скорби и печали не бывало тогда, якож ныне. И собравшася на Вечи, начата думати, ставити ли щит против Государя и запиратися ли во граде? и вспомянуша Крестное целование, что не мощно на Государя руки поднять, ни воздвигнути против Великаго Князя; а Посадники и Бояре и все люди лучшие у него. И послаша гонца Евстафия Сотского, бити челом со слезами от мала и до велика, чтобы Государь наш Великий Князь Василий Иванович жаловал свою Отчину старинную. А мы сироты Твои и прежде сего и ныне не отступны были от тебе Государя, и непротивны были тебе Государю. Бог волен, да ты с своею Отчиною и с сими людишками твоими. И прислал Великий Князь Дьяка Третьяка Далматова с жалованным со льстивым словом. И Псковичи обрадовались от Государя жалованья и старины, еже Третьяк им на Вечи сказал первую и новую пошлину, поклон от Великого Князя, что де Отчина моя Псковичи только хотите в старине прожити, и выб есте две воли мои изволили, чтоб у вас Вечья не было, да и колокол бы Вечной сняли. А здесь быти двум Наместником, а по Пригородам по Наместнику же быти; и вы еще в старине проживете. А только тех двух воль не сотворите Государю и не изволите, ино как Бог по сердцу положить; ино у него много силы готовой, и то кровопролитие на тех будет, кто Государевы воли не сотворит. Да Государь наш хочет побывати на поклон к Троице во Псков. Да отговорив то Третьяк, да сел на Степени. И Псковичи удариша челом в землю, и не могли проти его ответа дати от слез и туги сердечныя, и никогож несть,

иже бы тогда не плакал; только тыя не испустили слез, младенцу ссуции млеко, и токмо ему отвещали: Посол Государевъ! даст Бог заутра, и мы себе подумаем, да тебе о всем скажем. И бе тогда во Пскове плач и рыдание и стонание во всех домехъ, друг друга обнимающе. Наутриеж осветающу дни Недельному позвониша на Вечье и собрашася Посадники и все Псковичи. И приеха Дьяк Государев и начаша ему тако говорити: Тако у нас написано в Летописях, с прадеды и деды и со отцем его Государем Крестное целование с Великими Князьями положено, что нам Псковичам от Государя своего Великого Князя, кой ни будет на Московском Государстве, и нам от него не отъйти ни в Литву, ни в Немцы; а нам жити по старине в добровольи. А мы Псковичи отъидем от Великого Князя в Литву, или в Немцы, или особе, станем жити без Государя, ино на нас гнев Божий, глад и огонь и потоп и нашествие поганых²². А Государь наш не учнет тое крестное целование на себе держати, ино на него тот же обет, коли нас не учнет в старине держати. А нынеча Бог волен, да Государь в своей Отчине и Дедин во граде Пскове и в нас и в колоколе нашем. А мы прежнего своего целованья не хотим изменить и на Государя своего руки поднять, и в городе запиралися не хотим. А Государь наш хочет живоначальной Троице помолиться, а в своей отчине побывати во Пскове; и мы его Государя своего рады всем сердцем, что нас не погубил до конца. И января 13 спустиша колокол Вечной у Святыя Троицы, и начаша Псковичи на колокол смотря плакати по всей старине и по всей воле; и повезоша его на Снетогорский двор к Ивану Богослову., Русский Временник говорит, что сие требование Великого Князя объявлено было еще в Новгороде задержанными Посадникам и Боярам, которые все там же просили помилования у него и передавали весь Псков на его волю, а сами тогда же ему присягнули, и с Дьяком Третьяком писали ко Псковичам, увещательную Грамоту, что бы они во всем исполнили Государеву волю. Третьяк с доносом о исполнении возвратился в Новгород того же 13 января, и с ним приехал с покорностью от Пскова Посадник Козма Сысоевич и Бояре. После того вскоре, и именно за неделю до прибытия Государя самого во Псков, присланы с войсками Бояре Князь Александр Владимирович Ростовский, Конюший Иван Андреевич Челядин, Окольничие Князь Петр Васильевич Великой, Иван Иванович Хабаро, Иван Андреевич Желебин, и Дьяки Третьяк Далматов, Елизар Цыпллтев, Сумарок Путятин, Андрей Харламов, да при Дьяке Далматове Подьячии Меньших Путятин. Они привели всех Псковичей к Крестному целованию, а Посадникам объявили, что Великий Князь прибудет в пятницу. В след за ними присланы для занятия Великому Князю и свит его в среднем городе

дворов Окольничие Михайло Константинович Беззубов, Андрей Васильевич Сабуров и в должности Окольничих Петр Яковлевич Захарьич, да Михайло Юрьевич Захарьич и с ними Дьяки Иван Телешов, да Елизар Суков. Они велели всем Псковичам выйти из среднего города в крайний большой, а самому Великому Князю очистить двор Наместнический над Великорецким мостом. 20 января поднялся из Новгорода Государь с братом своим Князем Андреем Ивановичем Старицким, с зятем Петром Царевичем, с Казанским Царем Абдылетивом (с коим шли и Татары), с Боярами, Воеводою Князем Данилою Васильевичем Щеня, Воеводою Григорием Федоровичем Давидовым. Князем Махйлом Львовичем Глинским и со многими другими. Первый стан их был от Новгорода в Голинах. Наперед их января 24 рано по утру прибыл в Псков Коломенский Епископ Митрофан (по Псковской Летописи он опять назван Вассианом Смоленским) и Симоновский Архимандрит Варлаам. Псковские Посадники, Бояре, дети Посадничьи и Боярские, Купцы и многие Псковичи собрались было ехать встречать Государя на Дубровне, а черное и белое Духовенство у Спасова Образа в поле: но Епископ объявил, что Государь далеко встречать себя не велел. И так граждане выехали только за две или три версты от города и того же 24 числа около обедни встретив там Государя, пали все челом в землю. Государь спросил у них о здоровье, а они ответствовали только: тыб Государь наш здоров был. Потом Государь въехал в город. Епископ и Архимандрит с Монашеством и Священством встретили его на торгу. Он слез с коня у Княжой Церкви Спаской на площади, и по принятии благословения от Епископа, пошел пеш в Троицкий Собор, где пет был по Литургии молебен и многолетие Государю. По сем Епископ благословляя его рек: Бог тя благословляет, Псков вземши без брани. При сих словах Псковичи бывшие там горько заплакали и воскликнули: Бог волен и Государь! Отчина его и преж была, и старина отца его и деда, и мы вси его; дай Господи, он бы здоров был! Государь по выходе из Церкви в тот день обедал дома и с ним Епископ, Архимандрит, Бояре и Воеводы; а 26 января в Воскресенье указал собраться к себе Псковским Посадникам, Посадничим детям, Боярам, Купцам и Житейским людям и сказать им: яз хочу вас жаловати своим жалованьем. Все от млада до велика сошлись на Госудерев двор. Государь повелел Посадников и Бояр, Старост и Купцов и лучших Житейских людей отобрать в большую избу, а средним и прочим мелким Псковичам не сходить с двора; сам сидел с Боярами в передней избе. Потом вышед Окольничий Князь Петр Васильевич Великой Шуйский начал перекликать по переписи Посадников, Бояр, Купцов и всех лучших людей в большой

избе; за ним вышли к ним Бояре Князь Александр Володимирович Ростовский, Григорий Федорович Давыдов, Конюший Иван Андреевич Челядин, Казначей Димитий Владимиров, Дьяки Третьяк Далматов, Мисюра Мунехин, Иван Телешов и Лука Семенов, и объявили Псковичам: „Государь наш Василий, Божию милостию Царь и Государь Всея Руси и Великий Князь велел вам говорити, что ныне вас жалует, в животы ваши не вступаюсь, и впредь вас хочу жаловати. А здесь вам в нашей Отчине во Псковской быши не пригоже того для, что наперед сего многие жалобы на вас в ваших неправдах и в обидах были; а жалую вас ныне своим жалованьем в Московской земле; а вам ехать ныне в Москву и с женами и с детьми; а средним и мелким людям Псковичам всем, которые стояли на дворе, велел Князь Великий молвити: до вас Государю дела нет, и вам разводу не будет из Пскова: а до которых Государю дело есть, и он тех к себе емлет, а вас Государь пожалует Грамотою жалованною, как вам впредь жити.” После сего все лучшие люди Псковские были расписаны и розданы за Приставов по подворьям детям Боярским, коим поручено проводить их и до Москвы, а оттуда развезти по низовым городам на Волгу и проч. Всех их в следующую же ночь с женами и детьми и с легким именем, что взять могли, оставив прочее все, повел к Новгороду Князь Михайло Данилович Щенятев и с ним многие дети Боярские. В тоже время увели они и жен с семействами тех Псковичей, кои задержаны в Новгороде, всего 300 семейств. Вслед за ними повезен из Пскова и Вечевой колокол. Плачь и рыдания были всеобщие. Многие мужья и жены, не желая идти в плен из своего града, ушли от поисков и постриглись в Монастырях. При описании сего происшествия Псковский Летописец жалобно восклицает: „Тогда отъяся Слава Псковская и бысть пленен не иноверными, но своими единовверными людьми. И кто сего не восплачет и не возрыдает? о славнейший граде Пскове! великий во градех! почто сетуеши, и плачеша? и отвеца прекрасный град Псков: како ми не сетовати? или како ми не плакати и не скорбети своего опустения? Прилет на мя многокрыльный орел, исполнь крыл и львовых ногтей; и взят от мене три кедра Ливанова, и красоту мою и богатство и чада моя восхити, Богу попустившу за грехи наша; и землю пусту сотвориша, и град наш разориша, и люди моя плениша, и торжища моя раскопаша, а иныя торжища коневым калом заметаша, и отец и братию нашу разведоша, где не бывали отцы и деды и прадеды наша, и тамо отцы и братию нашу и други наша заведоша и матери и сестры наша в поругание даша.” После сего тот же Летописец, присовокупляя поучение Псковичам, между прочим в упрек и им говорит: „Бог ждет нашего покаяния и обращения; и

мы не покаемся: но еще на большой грех превратимся, на злые поклепы и лихие дела, и Вече кричание: а не ведуще глава, что язык говорит, и не умеюще своего дому строити, а градом содержати хотим; сего ради самоволия и непокорения друг другу бысть сия вся злая на ны.”

По выводе Посадников, Бояр и прочих лучших Псковских граждан, Великий Князь начал раздавать Боярские деревни своим Боярам, и определил во Пскове Наместниками своими Боярина Григорья Федоровича Морозова, да Конюшого своего Ивана Андреевича Челядина и при них, для писанзя полных Грамот и докладных, Дьяка Мисрюю или Михайла Мунехина ц другого Ямского Дьяка Андрея Никифоровича Волосатого; сверх того уставил и Воевод Градских и по всем двенадцати Псковским Пригородам назначил также из своих детей Боярских двенадцать Наместников или Городничих и 12 Старост Московских с их Приказчиками, Пошлинниками и Тиунами или Судьями, а к ним двенадцать же Старост Псковских, коим дозволено с Наместниками и Тиунами заседать в судах; по волостям же уставлены Земские суды и с Приказными; а всем им вместо жалования даны деревни, и велено им же по всем Пригородам и волостям привести народ к присяге. Для руководства в производстве судных дел Великий Князь дал Псковичам Уставную Грамоту с назначением деловых пошлин. Из детей Боярских для охранения Пскова и своих Наместников оставил он на год 1,000 человек вызванных из Москвы, и велел занять им весь средний город; а Псковичам там не оставаться ни одному человеку и дворы свои ставить в большом крайнем городе. Туда же указал вывести торговую площадь и гостинный двор (бывшие за Домантовой стеной, где и ныне) назначил для оных место за средним городом против Лужских ворот за рвом на огороде Юшки Носухина и Посадника Григорья Кротова, и сие место с тех пор прозвано новым торгом; а из Крому, то есть верхней части Крепости, приказал всем Псковичам статки (имущества) свои, хлеб и всякий запас и клети вывезти по домам, и в Крому размерить место, где быть собственному его двору и житницам хлебным и новой его Церкви²³; а в Соборной Церкви указал быть деннонощной неугасимой свече. Между тем пока Великий Князь пребывал еще во Пскове, послано в Москву от него известие о взятии сего города и повеление прислать сюда 1) из низовых десяти городов на места выведенных туда 300 семей, поселян столько же, которые того же года к Троицыну дню приехали, 2) гостей Московских для у становления во Пскове тамги или купеческих пошлин с привозных и вывозных товаров, каковой пошлины у Псковичей прежде никогда не бывало. Сии гости тогда же при Великом Князе во Псков и прибыли, 3) для

стражи города 500 человек Новгородских пищальников (ружейников) и воротников (караульных по заставам), 4) монетных мастеров. Ибо Великий Князь отменил прежнее Псковское клеймо и у ставил свое, о котором выше уже сказано. Всем им дома отведены были в среднем город, в коем тогда считалось до 1,500 дворов, а Псковская Летопись по Архиепископскому списку полагает до 6,500. Но сей счет может быть включает число всех городских домов. Распорядившись таким образом новый образ правления во Пскове, и прожив там целый месяц, Великий Князь отправился обратно в Новгород и оттуда в Москву. При отъезде взял он с собой и другой любимой Псковичами колокол, называвшийся Корсунским; а в замену оного уже в 1518 году прислал им к Соборной Троицкой Церкви большой колокол.

Так пал знаменитый Псков, сверстник и названным меньший брат Великого Новгорода, союзник городов Ганзейских, бедный произведениями своей области, но богатившийся деятельностью и тщательностью в переводной торговле, славившийся в течении многих веков свободою, всегда утесняемый сильными соседями, но храбро и мужественно защищавший оную, уступавший Новгороду в изобилии, но от Европейских соседей больше его образованный просвещением и нравственностью, и несколько лет долее сохранивший свою вольность. Даже и потомство древних Псковичей осталось уже не осталось уже на местах своих. Ибо сверх выведенных при сем случае лучших граждан, в 1569 году еще переселено 500, в 1615 г. 300 семейств, а в 1695 году от случившейся во Пскове ужаснейшей всех прежних моровой язвы почти все коренные жители вымерли, как сказано в Летописи, и места их заселены уже переведенцами и пришельцами разного рода из других городов.

Определенные Великим Князем Васильем Ивановичем во Пскове Наместники и по Пригородам Городничие и Московские Старосты и Судьи не только не уделяли в судах своих никакой власти посаженных с ними Псковским Старостам, но и не внимали их представлениям. Из дошедших до нас Грамот Царя Ивана Васильевича видно, что не только Наместники сильны были во Пскове, но и Царские при них Дьяки имели власть раздавать и отводить общественные угодья и даже деревни на оброк, по крайней мере впредь до Указа Государева. Простой народ, издревле привыкший к Республиканской свободе, везде также чувствовал ограничения, притеснения, необыкновенные налоги, от ябедников подметы и поклепы; а за выпуск на поруки платил по 5, по 7, и по 10 рублей, и если кто осмеливался ссылаться на уставленные Государевой Грамотой пошлины умеренные за поручительство, того убивали. От таких

насильств, как говорит Летопись, многие, оставив жен и детей, разбежались по чужим городам, и все Пригороды опустели; а иноземцы, жившие во Пскове, выехали в свои земли. С другой стороны Великий Князь при всех своих походах на войну начал требовать от Пскова посошного²⁴ набора войск. Таким образом в 1512 году при походе под Смоленск взял он от Псковичей 1000 человек пищальников т. е. ружейных стрельцов из земцов, из коих многие там и побиты. В том же году и тогда же был и другой наряд Псковского войска с Князем Миахайлом Кислицею. Все то, говорит Псковский Летописец, было Псковичам не легость, тех людей поднимая. В 1515 году они ходили еще с Наместником своим Андреем Васильевичем Сабуровым в Литву под Брацлав, а в 1517 города Псковские Опочка, Вороничь и Велье взаимно выдержали сильное нашествие и опустошение от Литовских войск, соединенных со многими другими под предводительством Константина Князя Острожского, и потом в 1619 году опять Псковские войска ходили в Литву даже до Вильны. К счастью еще, тогда не было опасности от Лифляндцев, ослабленных внутренними своими несогласиями и хранивших заключенный с Россией мир ненарушимо.

Между тем жалобы Псковичей на определенных к ним первых Наместников дошли до Великого Князя, и он сменив их, прислал других двух, Князя Петра Великого Шуйского, бывшего и прежде во Пскове, да Князя Симеона Курбского, которые были снисходительнее ко Псковичам и управляли ими 4 года. При них, говорит Летопись, начали в свои дома возвращаться и те, кои прежде разбежались. Правление добрых Наместников и Городничих убеждало Псковичей мало по малу забывать уже о древних правах и о своей свободе, но при жестоких притеснителях вспоминали они старину с воздыханием, а иногда и с явным ропотом. Великий Князь по временам старался утешать их возобновлением и подкреплением их торговли. Таким образом в 1514 году повелел он заключить с Ганзейскими купеческими городами в Новгороде торговый договор на 10 лет, коим и Псковичи воспользовались; а в 1517 году таковой же договор заключен был и с Шведским Королем Христином о торговле через Ивангород. В 1521 году он обезопасил их от Лифляндцев разграничением и мирным трактатом на 10 лет; а в следующем году подтвердил торговый союз со всеми 73 Ганзейскими городами, к которым в договор сей присовокупились также Лифляндцы и Естляндцы и обещались быть посредниками. В том же году после десятилетней войны с Литовцами при заключении перемирия открыта и с ними свободная торговля. В 1533 году по некоторым неудовольствиям Любчане запретили

было своим кораблям ходить до Нарвы: но увидев, что Лифляндцы в 1534 году заключивши с Россией мир на 17 лет и воспользовавшись всей Северной торговлей начали и их притеснять в торгах, разрешили опять свое запрещение, и в 1540 году подтвердили прежний трактат.

Все это оживляло торговую деятельность Псковичей. Но в 1541 году бывший у них Наместником Князь Андрей Михайлович Шуйский утеснениями и грабительством вывел их из терпения. Безмерны его с судов пошлины, всчинание старых и решенных уже дел и исков, принуждение всех мастеровых работать на себя без платы, беззащитность всем добрым, а покровительство злым и развратным, произвели повсюду вопли и жалобы на притеснение его и на дерзость, своеволие, воровства и разбои от покровительствуемых им. Царь Иван Васильевич по кончине отца своего был тогда еще в малолетстве, и его именем правительствовал Совет Бояр. Псковичи отправили к ним жалобщиков своих с явными доказательствами, которые и были уважены. Наместник Шуйский сменен и на его место прислан другой; а Псковичами возвращено даже было древнее их право, своими выборными, без отношения к Наместнику и Тиунам, ловить, пытать, судить и казнить разбойников и прочих лихих людей. Посему Псковские Целовальники или присяжные и Сотские начали сами на Княжьем дворе производить суды, и своевольства прекращены. Но власть сия была у них ненадолго. Ибо Наместники, лишённые силы и доходов, мало помалу опять вступились в дела сии. Псковичи оспаривали их, но терпели. В декабре 1547 года прибыл к ним юный Царь Иван Васильевич, с Боярами объезжавший города: но занимался только звериной охотой, а не рассмотрением жалоб их и дел правительственных, которых тогда еще и не принимал на себя. Ибо уже с 16-го января того же года был он коронован и вступил в Самодержавие. С того времени Наместники Великокняжеские именем его присвоили себе еще больше власти, и притеснения умножились, так что Псковичи опять вышедши из терпения, В Петров пост 1547, по другим же запискам в 1550 году отправили в Москву к Царю 70 человек своих жалобщиков на Псковского Наместника, Князя Ивана Турунтая Пронского; а Опоческие Пригорожане притеснявшего их Наместничьего пошлинособирателя сами заключили в Крепость. Однако же Царь весьма немилостиво принял сих жалобщиков и признав самих их виновными, бесчестил, обливая их горячим вином, зажигая потом свечей их бороды и волосы, и растягивая их нагими по земле; а в Опочку для усмирения своевольных послал 2,000 человек войска.

В 1550 году 76 статьей изданного Судебника, для облегчения холопов,

позволено в Москве, Новгороде и Пскове (а более нигде) писать им отпускные от Государевых Наместников. В 1554 г. присланы были во Псков поземельные писцы, которые описали город Псков с Пригородами и Уездными землями, измерил владения и обложили хлебными и денежными оброками пашни, воды, мельницы; а в 1556 году при общем по всей России распоряжении о судебных делах и о бытии во всех городах и волостях Земским Старостам, Сотским и Десятским для судов, и об уничтожении судных пошлин, а вместо того о положении Боярам жалования из оброчных доходов с городов и волостей по промыслам и землям, введен был сей образ правления и во Псковской Области. В сие же время, по свидетельству современника, Буховского Принца Даниила, Царь предположил учредить в Новгороде и Пскове школы для обучения Русского юношества. Латинскому и Немецкому языкам, столь нужным тогда для сообщения с северными торговыми народами, которые усиливая свои торги, начинали уже ослаблять и Ганзейцев; а в соревнование им тогда вошли Голландцы, Фланدرцы и Англичане, приплывавшие к южным Финским берегам. Псковские купцы имели также торговые дворы в Нарве, Дерпте и других городах Лифляндских. Ганзейские города в сие время уже жаловались Царю, что Лифляндцы и Естляндцы затрудняют даже прямое сообщение торгов их, и хотят, чтобы все товары переходили через их руки, а оружие провозить в Россию вовсе запрещают. С другой стороны Швеция и Польша завидуя успехам Российской торговли, старались расстроить Царя с Английской Королевой, внушая сей последней опасение от усиления России. Но эта смута была тщетна. Ибо обе стороны понимали свои выгоды. Царь только по жалобе Ганзейских городов на Лифляндцев и Естляндцев, решился стеснить сих последних во-первых тем, что запретил Новгородским и Псковским купцам ездить с товарами в Лифляндию; а предполагая уже с ней войну, для непосредственного торга с Ганзейцами, сперва повелел торговать с иностранцами в Ивангороде, потом послал в апреле 1557 года Окольничего Князя Шастунова основать на устье реки Наровы при самом море Русский город и пристань, которые через полгода и были готовы; а в следующем году открыт военный поход на все Области Лифляндских и Естляндских Рыцарей. Российские войска, соединенные с Татарскими, с января 22 от Нейгаузена в три недели с половиною, и притом зимой, дошли за 50 верст до Риги и за 30 до Ревеля, разорили множество городков и селений и в конце февраля к Ивангороду возвратились с великим числом пленных и добычи; а в Великий пост взяли и Нарву, в коей тогда же основаны были новые две Русские Церкви, в Замке и в городе. В июне взят

Сыренеск или Нейшлосс и потом Нейгаузен, Дерпт и далее, всего 20, а по Псковской Летописи 23 города, и во всех основаны также Русские Церкви, в Крепости Феллин взят был в плен и отставной Орденмейстер Фирстенберг, а в Дерпте тамошний Епископ Герман и оба свезены в Москву. Но за то неприятель, обойдя наши войска, прорвался к городу Красному, сжег предместье оно и много волостей разорил, а также и под Себежем сжег Никольский Монастырь и Церковь. В следующем 1559 году Царь опять послал в Лифляндию войска свои, которые вступив в оную от города Красного на Мариенбург, раз бивали везде встречаемого неприятеля, брали малые городки и прошли до устья Двины и через Курляндию до Прусских и Литовских границ, а наконец все Рыцарские Области покорены были Россиянами. Оставалось только присовокупить их совершенно к Российской Державе. Но, сверх чаяния Царя, Естляндцы поспешили предаться под державу сперва Датскому, потом Шведскому Королю; остров Эзель и Курляндия также Датскому, а преемник Фирстенбергов Кетлер, последний Магистр Лифляндских Рыцарей, отдал всю Лифляндию Польскому сперва в 1559 г. под покровительство, а потом с 1561 г. в подданство, с личным собственным ему васальством за данное ему вместо того титуло Герцога Курляндского и Семигальского, и с тем вместе сложил с себя Орден Духовного начальства; а тем уничтожил и существование самого Рыцарства. За Россией остались только города Нарва, Дерпт, Аллентакенский Уезд и часть Вирландского и Иервенского. Вслед за сим началась распря и даже сшибки у Поляков со Шведами за Естляндию, которую по Рыцарству присвоили первые. Между тем Шведский Король Ерак XIV при самом занятии сей Провинции счел за лучшее заключить мир с Царем Иваном Васильевичем на два года. По мирному трактату сему сверх прочих соглашений, позволено Шведским купцам из Ругодива или Нарвы приезжать и во Псков, а за торги пошлину платить по старине. После Шведов Царь Иван Васильевич с 1562 года начал также за Лифляндию войну с Польшей, а потом и с самой Швецией за Естляндию. Взаимные сражения, осады, взятие городов и Крепостей происходили по всей их земле; а со стороны Польши много страдали и Псковские города. Также и Царь неоднократно в отмщение вступал в Литовские границы; для облегчения же себе сей войны заключил в 1564 г. мир с Данией и Швецией. Наконец казалось обе стороны воюющие утомились взаимными нападениями и начали переговоры. Польский Король предлагал Царю совокупно выгнать Шведов из Естляндии и разделить оную между Польшей и Россией. Но Царь требовал себе без раздела всех Рыцарских Областей к не хотел ничего уступить. Российские

гарнизоны удерживали все прежде ими занятые Крепости и города. В Дерпте открылся было заговор: но за то все Немцы оттуда выведены в Поволжские города и на место их поселены Русские. Через три года потом открылось и во Пскове подозрение на некоторых, либо за согласие с Новгородцами предаться Польскому Королю, либо просто за ропот на тягость беспрестанной войны, но Царь 500 семейств Псковичей вывел в Москву и на места их прислал других поселенцев, а Новгородцев наказал он в следующем же году гораздо строже. Впрочем при всех сих военных обстоятельствах Нов городские и Псковские купцы не переставали через Нарву пользоваться торговлей с Англичанами, Голландцами, Французами и другими северными народами, так что Ганзейцы, завидуя, просили даже Царя не пускать их, а всю торговлю предоставить им. Но Англичане в то время открыли уже для себя другой северный путь в Россию через Архангельск. Сим могла быть ослаблена не только Ганзейская, но и Псковская торговля. По сему-то может быть Царь в Таможенном Уставе, данном 1571 году Новгородцам, предоставил некоторым из Псковичей лучшим купцам преимущество не платить пошлин.

Между тем Рыцарские Области оставались поводом к непримиримому раздору для всех разделивших оные Держав. Царь Иван Васильевич не видя надежды прекратить сей спор одним своим оружием, вздумал употребить убеждения Рыцарям о соединении всей Лифляндии и Естляндии снова во одну Область с Подданством России. Двое Рижских Дворян, Иоган Таубе и Елерт Крузе, еще в Лифляндскую войну 1558 года взятые в плен, милостиво принятые Царем, жившие при дворе его и присягнувшие ему на службу, вызвались в 1570 г. отправиться от него с доверенностью в Лифляндию и Естляндию для преклонения городов. Но упорные Рыцари отвергли их предложение. Тогда вздумали они другой способ убедить их, советуя составить из себя особое Королевство под покровительством России. Надлежало только с согласия Царя избрать Короля. С сим предложением Лифляндской Короны сперва отнеслись они к бывшему Орденскому Орденмейстеру, а тогдашнему Курляндскому Герцогу Готарду Кетлеру. Но когда и сей отверг их убеждения, то они обратились к Голштинскому Принцу Магнусу, сыну Христиана III, короля Датского, владение имевшему тогда на острове Езеле. Сей юный Князь обольстясь титлом Короля, отправил посла к Царю для своего удостоверения и получив твердое обнадежение, поспешил сам в Россию. Царь принял его с необыкновенным отличием и ласкою и после переговоров заключил с ним обязательство в 4 статьях:1) жениться Принцу на Царской двоюродной по отцу племяннице Княжне Марии

Владимировне 2) в приданое получить всю Лифляндию поди именем
особого Королевства с наследственным ему владением 3) если не будет он
иметь детей, или всех их лишится, то наследие Престола его принадлежать
должно ближайшему из боковой его линии 4) Царь ничего себе более не
представляет, кроме титула Покровителя Лифляндии с некоторой
маловажной от оной ежегодной платой в знак подданства. Согласившись
на сии условия восхищенный Принц в 1571 году поспешно отправился в
Лифляндию, сочинил и разослал по всем городам и местечкам манифест о
принятии им Лифляндской Coronы, убеждал всех покориться ему
беспрекословно и для общего блага соединиться снова в единое
Государство, уверяя при том, что в случае упорства он по согласию с
Российским Царем может их принудить к тому и оружием. Но успех не
соответствовал его надежде, по крайней мере в Естляндии, оставшейся
верной Швеции. Ревель первый из городов отверг и манифест и
предложение Магнуса. Оскорбленный Принц решился испытать
принуждение, и поелику тогда по Естляндским удержанным Россией
Крепостям находилось много Русского гарнизона, то собрав из оногo
Корпус, подступил он под город, делал многие жестокие приступы,
покушался зажечь городские здания привалом горючих веществ к стенам
и проч. но Шведский, находившийся там гарнизон храбро защищался и
Принц от окопанных только им Ревельских стен через 8 месяцев осады
принужден был отступить безуспешно; а от стыда весь гнев свой излил на
бывших при нем и руководствовавших его Тауба и Круза, упрекая им, что
они и его и Царя обманули уверив, якобы вся Лифляндия и Естляндия
охотно предадутся новоизбранному Королю. После такой укоризны сим
руководителям нечего лучшего было ждать и от Царя; почему они
перебежали к Польскому Королю. Но первая неудача Принца Магнуса не
остановила Царя в намерении своем, и он в следующем же году сам
пришел в Естляндию с 80 тысячами войска, взял Крепость Виттенштейн и
разослав многочисленные отряды по всей Естляндской Провинции для
разорений, сам между тем поехал в Новгород с Магнусом, праздновать его
бракосочетание. В его отсутствие почти вся Естляндия была завоевана
Русскими войсками, кроме Равеля, и Принц с новобрачной прибыл туда
уже к распоряжению завоеваний, занявши себе под столицу Обер-Пален.
Царь повелел ему продолжать оные и в Лифляндии.. Там народ
недовольный худым распорезением Литовских Военачальников,
занимавших Крепости их гарнизонами, действительно желал уже
предаться Магнусу, которому не медля поддалось и присягнуло 4 города и
20 Замков, и он перенес столицу свою в Венден; но Царь не доволен был

еще медленными его успехами, и в 1557 году с многочисленным войском сам пришел туда, а не желая терять времени, обратился сперва на Лифляндские города, имевшие в себе Польские и Литовские гарнизоны, взял Мариенгаузен, Луцин, Динабург, Кокенгаузен, Ащерауден и приближался уже к Риге: но узнав там об изменническом умысле Магнуса, за грубое с ним обхождение задумавшего предаться Польскому Королю, поворотился назад к Вендену для наказания его. Здесь насытив гнев свой над ним и даже над поддавшимися сему Принцу городами, он через Дерпт и Псков возвратился в Москву, оставив по себе ужас по всей Лифляндии и Естляндии. Тогдашний Польский Король Стефан Баторий, Государь дальновидный, честолюбивый, предприимчивый, решительный и деятельный, не мог ни остановить, ни отвратить оружия его потому, что был в походе под Данцигом для укрощения и покорения сего против него возмущившегося города. Но окончив сию войну, он решился чувствительно отомстить Царю И России; особливо несчастный Псков с Областью своей дорого заплатил за Царские завоевания.

XIII. Нашествие шведского короля Иоанна с севера, а польского Стефана Батория с юга, на псковские области и на Псков

Разделившие Лифляндию и Естляндию Государи Польский и Шведский равно чувствовали притеснение от Царя, однако же каждый порознь не в состоянии был противиться его силе. Но первый больше мог собрать войска, а второй с моря в разных местах обширнейшей с Россией границы своей мог делать высадки и ими производить нечаянные набегии. И так оба сии Государи в 1578 г. заключили теснейший союз для войны против России. Положено было начать оную совокупно в самой Естляндии и Лифляндии вытеснением Российских гарнизонов из городов и Крепостей ими занятых. Первое сражение дано под Венденом, занятым уже Польскими и Литовскими войсками, с которыми соединились и Шведские. Там Россияне были разбиты и потеряли все свои пушки. Вслед за тем они вытесняемы были постепенно и из других городов, но рассеянные по всем Провинциям засады их долго было бы порознь преодолевать. А притом союзные Государи не хотели продолжением войны в Лифляндии и Естляндии подвергать сии Провинции опустошениям, и потому засевших там Россиян оставив до времени, согласились напасть на самые Российские Области с разных сторон. Шведский начал делать набегии от Нарвы и с Финляндских границ, а Польский от Литовской границы. Они подучили еще и Крымского Хана с юга занять Россию, но Царь убедил его дарами к перемирию на год. Россияне отражали часто не без успеха нападения северного неприятеля и долго удерживались в многих городах Естляндских; а в свои далее Ивангорода его впустили, но ополчение Польского Короля превозмогало их. Войско его состояло из различных наемных и своих Польских и Литовских людей и из корпуса Венгерской пехоты. Польскими предводительствовал Гетман Молецкий, Литвой Гетман Николай Радзивил, Венграми славный Воевода их Гавриил Бекеш; а при осаде Пскова Великим Гетманом или Фельдмаршалом был коронный Канцлер Иван Замойский. Первые неприятельские действия Баторием открыты летом 1579 года осадой Полоцка, который твердо укреплен был и имел сверх своего засадного гарнизона еще 6 полков, присланных из Пскова Царем, тогда в сем городе целое лето пребывавшим для военных распоряжений. Сверх того двое Воевод, Шейн и Шереметьев из города Сокола делали набегии на неприятельские партии, искавшие

корма. Россияне в Полоцке храбро оборонялись, а дабы отнять у неприятеля всякое прикрытие, сами наперед выжгли все предместья города. Шесть недель Баторий держал оный в осаде и многие делал приступы безуспешно. Польские писатели сию медленность и затруднение приписывают неприступному местоположению Крепости, а более беспрестанным дождям во всю осаду продолжавшимся. Наконец осаждавшие успели зажечь Крепость и взяли город. Вслед за тем Подольский Воевода Николай Мелецкий взял город Сокол и Сушу, а Бекеш Туров и другие ближние. После сего первого похода, не имея запасов денег на продолжение оногo, Король возвратился в Варшаву и 23 ноября созвал Сейм, на котором после многих споров и обсуждений начатой войны с Россией, решено однако же дать Королю налогом податей пособие. Надлежало умножить и войско, особливо пехоту, в которой Польское и Литовское Дворянство служить считало себе за низость. Королю и Гетману его Замойскому много труда стоило уговорить к сему Дворян. Однако же составлено было у оной несколько и отправлено в поход на весну. Намерение Короля было начать второй поход с пограничных от всей Белоруссии городов, дабы на случай похода внутрь России обезопасить себя с тыла. Но на пути к Великим Лукам построил он Крепость Велиж, усиленную достаточным гарнизоном, а с Белорусской стороны загражденную многими засеками по непроходимому лесу, отделявшему ее от границы. Польские писатели говорят, что дотолe 100 лет уже никакое войско не смело проходить сквозь лес сей. Окружные дороги были очень далеки, а обойти сию Крепость опасно было, дабы не оставить в тылу засадных; но и останавливаться для нее целому войску не было времени. Почему Король поручил Гетману Замойскому как-нибудь пехотой пробраться сквозь лес и нечаянно взять Велиж. Два дня с трудом пробирался он сквозь все преграды, а в третий взял Крепость врасплох и там нашел множество пороха, оружия и припасов, но от Велижа до Великих Лук предлежала такая же сквозь густые леса дорога, которую с трудностью прочищала Венгерская пехота и на пути оборонялась еще от Русских засад. Наконец вышли все на равнины к Великим Лукам. Туда подошел с Литовскими войсками и Виленский Гетман Радзивил, на пути взявший город Усвят, Невель и Озерище. Великие Луки, по сказанию Польских описателей сего похода, были городом тогда многолюднейшим и после Москвы и Пскова обширнейшим и богатейшим. В нем находилась Крепость защищавшаяся 12 батареями. Царь, предвидев Баториево нападение на сей город, велел наперед выжечь предместья, а в Крепость прислал все нужные орудия и такой многочисленной гарнизон, который

мог не только в стенах защищаться, но и на открытом поле сражаться. Все приступы неприятельские сильной артиллерией были отражаемы, а неприятельские могли проникать сквозь валы, ограждавшие Крепость, и потому начаты были подкопы, но где болотистый, а где песчаный грунт земли не позволял продолжать их. От сего в войске Баториевом произошел уже ропот за напрасную потерю времени и все советовали отступить, но Замойский требовал терпения и превозмог всех своим упорством. Но заметил, что валы, защищающие Крепость составлены были из деревянных обрубков, присыпанных только песком и обложенных дерном. Для того решился он подкопами сперва разрушить их и сквозь них сделать себе проходы, или, по крайней мере, содрав с них дерн, зажечь. Последнее удалось ему более. Ибо покушавшиеся пройти сквозь валы прогнаны осажденными, но огонь запущенный в обрубы хотя сперва погашен был покрытием мокрых кож, однако же в следующую же ночь так разгорелся, что обнял всю Крепость пламенем, зажег многие в городе здания и Церкви, а дошедши до большого порохового погреба, взорвал оный на воздух и многих побил. При сем том смятении неприятель ринулся со всех сторон в Крепость и взял оную. Король однако же поправил ее для засады своего гарнизона. Ибо в Великих Луках он был намерен оставить свое войско на зиму. В то же время послал он один отряд под начальством Брацлавского Воеводы Збаражского к Торопцу, где собрано было Русское войско для наблюдений неприятеля, а Замойскому поручил взять город Заволочье, лежавший на границе Псковской, сам же отъехал в Невель дожидаться их успехов. Збаражский у Торопца немного имел дела и скоро возвратился, но Замойский при столь малом городке, каков Заволочье, встретил неожиданные затруднения. Начальствовавший там Воевода Сабуров сделал такие благоразумные предосторожности, что все первые к приступу покушения неприятельские остались тщетными. Ибо плотину, по которой одной только можно было доезжать до города, на острове озера лежащего, он разрушил, все лодки истребил, вооружил всех граждан, а от кидаемых на город гранат прикрыл все кровли дерном. Некоторые из неприятелей хотели, переправясь на плотях, напасть на город, но он, сделав вылазку, вогнал их в озеро, и едва немногие уплыли назад. Неприятны были сии вести Королю, готовившемуся тогда возвратиться на Сейм. Но поскольку Замойский обнадеживал его успехом, то он, послав ему еще несколько войска на помощь, в октябре, уехал в Варшаву. При втором уже сильнейшем приступе Заволочье сдалось неприятелям на договоре. После сего Замойский поехал вслед за Королем на Сейм, где они, получив новые пособия податями на два года вперед и набрав свежего войска, на весну

возвратились в Великие Луки, где были зимние квартиры Польских и Литовских войск их, а Венгерский корпус с артиллерией зимовал уже около Опочки, и по приказанию Замойского Воеводы Вольский добегал разъездами до Порхова, Холма и Воронича и до Старой Русы. Весною занят был Красной город и Опочка, а после сего Король от Заволочья двинулся в поход тремя отделениями к Острову, занял по пути лежащие городки Велье и Вороничь, подступил под Остров, разбил пушками башни и стены и взял без всякого труда. Ибо там нашел он только 30 засадных стрельцов и небольшое число служилых Боярских детей. Тогда очевидна уже была опасность предстоявшая Пскову. Но Король не спешил походом, не известно из осторожности ли, или от каких-нибудь препятствий, либо от ожидания сбора своих разнородных войск. Даже не понятно, почему на три года расположил он войну сию, когда мог начать и кончить ее в одно лето. Польские Историки приписывают сие затруднению в сборе податей на иждивение войны и медлительным переправам через реки и лесистые места. Не меньше удивительно и то, что Царь Иван Васильевич, столь решительный в своих войнах, имея все способы собрать многочисленное войско и много времени на приготовление себя к обороне, не воспользовался медленностью своего неприятеля. Он мог надеяться на содействие себе Ганзейских городов, по связям торговли доброжелательствовавших России, так что Любчане тогда тайно препятствовали даже Баториеву найму войск в Германии, а Датчане пересылали в Россию и военные снаряды, как пишет Далин. Не смотря на то, Царь совершенно оставил Псков на произвол судьбы, а только успел свезенной из разных окружных городов артиллерией достаточно снабдить его и сам не оставшись там и даже выехав из Москвы, жил в городе Старице без действия во все продолжение Баториева нашествия, а только написал к Королю в Великие Луки укорительную за нашествие его Грамоту, на которую сей от 1-го августа того же года отвечал ему еще укоризненнее и послал ему целую книгу, тогда изданную в Германии о его тиранстве. Псковская Летопись и Князь Курбский нерешительность Царя приписывают какой-то непонятной робости и боязни, в то время объяввшей его, а Гейденштейн недоверию к своим войскам и потери рассудка. Сами неприятели, говорит он, дивились, что он ничем не препятствовал Королю в походе, а вместо того искал помощи и посредничества к примирению у Римского Императора Рудолфа и у Римского Папы, обещая им за то помощь и содействие против Турок. Когда же Король двинулся уже из Опочки ко Пскову, то он Псковичам прислал только подтверждение, чтобы они стояли крепко и единодушно до последней капли крови, а из

Новгорода Архиепископ Александр писал к ним только увещания, чтобы они начали молебствия и в Соборе и по приходским Церквам и по домам, а по городу совершали бы ежедневные Крестные ходы с иконами; прочее все предоставлено городovým Начальникам и самим гражданам в распоряжение.

Во Пскове тогда находился Наместником Князь Василий Федорович Скопин Шуйский с товарищем, Князем Иваном Петровичем Шуйским. Сему последнему, яко в делах военных опытнейшему, Царь поручил и главное распоряжение укреплений. При них там еще находились Воеводы Никита Иванович Очин-Плещеев, Князь Андрей Иванович Хворостинин, Князь Владимир Иванович Бахтияров-Ростовский и Князь Василий Михайлович Лобанов – Ростовский. Войска с ними было только 15 тысяч, по сказанию наших Летописей, а Польские писатели полагали оного до 50 тысяч пеших, считая вместе с Пригорожанами, способными к вооружению, и самих жителей Псковских до 50 же тысяч, а более семи тысяч конницы. Сие и могло стать, потому что Воеводы, как скоро узнали о выступлении Короля еще из Опочки, то послали во все Псковские волости, села и засады созывать жителей в Псков с их имуществом, что с собой взять можно, а прочее все и с домами приказали предать огню. В то же время пришел к Пскову еще отряд Казаков под начальством Атамана Николая Черкасского. Собрал таким образом довольно количество народа, Градоначальники сделали распоряжение и войскам и народу, кому какую часть городской стены оборонять от неприятелей, и какие где поставить орудия. Некоторые слабые части стен они укрепили прикопами, деревянными надолбами в два ряда, насыпав промежутки землей и на насыпях по местам нарубили деревянные же башни, дабы с них стрелять через стены из больших пушек. Над пехотой начальствовал Косецкий, а над Казаками Николай Черкасский; на встречу же Королю Псковичи выслали только два сторожевых полка под начальством Воевод Ивана Михайловича Бутурлина и Василия Плещеева.

Между тем Король Стефан от Острова шел уже безостановочно и впереди пустил Венгерцев, разделив их на три отряда, из которых один пошел прямо к Пскову, а два остались в скрытой засаде. Первый встретив сторожевые Псковские полки, сделал легкую стычку и начал отступать назад, но доведши их до своих засад, вдруг все напали, разбили Псковичей и взяли двух Воевод в плен и еще потом третьего, по дошедшего к ним Никиту Кростова, а через пленных Король узнав о состоянии города, жителей и засадного войска, вслед затем к 18 августа 1581 года сам явился с Польскими и Литовскими войсками за рекой Черехою, и там со стороны

ручья укрепил стан свой тремя рядами обозных повозок, о чем вестовые стражи, от Пскова там поставленные, тотчас дали знать городу. Тогда общим советом Воевод положено было выжечь все Завеличье, а из Церквей и Мирожского Монастыря все вывезти в город. Войско Польского Короля состояло из различных народов, по сказанию Псковской Летописи из 17, по Серапионову описанию осады Пскова из 14, по летописи Покровской Церкви из 12, по Печерской из 10, а по Лифляндским и Польским только из Поляков, Литвы, разных Немцов, Голландцев, Прусаков, Курляндцев и Венгров. Число их также полагается различное: по Летописи Покровской и Печерской до 100, по Псковской до 70, по сказанию Немецкого путешественника Самуила Кихеля (бывшего во Пскове около 1589 г.) до 60, а по Историкам Польским якобы только 30 тысяч и пять тысяч Венгерской конницы и пехоты. Если первый счет войск сих увеличен, то может быть уменьшен и последний. Ибо невероятно, чтобы Король осмелился с малым корпусом войти в такое Государство, которое могло выставить против его многочисленное войско. Современный Польский Историк Гейденштейн, описавший подробно всю сию осаду, говорит, что и по окончании оной, когда по силе заключенного с Россией мирного договора войска неприятельские отходили от Пскова, то сверх пехоты, конницы у них было до двадцати четырех тысяч, а кроме того в завоеванных городах оставались еще засадные гарнизоны. Впрочем тот же Историк говорит, что сам Король, при начале осады осмотревши Псков и узнав о состоянии оногo, раскаявался, что давно не послушался советов идти под сей город, не замедляя в пути, и что надлежало бы привести под оный втрое больше пехоты, в которой замечал уже он у себя недостаток, так как и в порохе нужном для сей осады. Посему думал даже, оставив Псков, идти на Новгород, по тогдашним слухам меньше укрепленный, или к ближним городам Порхову и Гдову и, заняв их, набегам оттуда беспокоить Псков. Но стыд отступления от Пскова и опасение Новгорода удержали его, а наступившая уже осень и не позволяла предпринимать дальнейшего похода. Как бы то ни было, Король хотел сперва облечь весь город кругом и 26 августа, переправляясь через Череху, распорядил войска свои в обход. Но сильная стрельба со стен расстраивала их. Для закрытия себя они потом начали обходить далее лесами, около города тогда еще бывшими, но ядра проникали и сквозь леса и, ломая оные, застилали им проход и многих побивали. Король не ожидал, чтобы город имел столь сильную и далеко достающую артиллерию. В самом деле, по свидетельству Гейденштейна, были там такие пушки, которые семидесяти и восьмидесяти фунтовыми ядрами заряжались и пробивали три ряда

корбов насыпанных землей. К вечеру Король уклонился еще далее от города и расположил шатры свои по Порховской дороге на высотах в пяти верстах около Николаевского Любятова Монастыря. Граждане все сие видели со стен и в молчании только направляли пушки свои на его лагерь, а когда довольно уже смеркалось, то открыли беспрестанную и сильную пальбу, от которой в ту же ночь снял он свои шатры и, удаляясь опять к реке Черех, стал за буграми и горами на речке Промежице близ Спасского Монастыря. После того переменял он все расположение своей осады и, чтобы не разделять далеко сил своих, решился сделать приступ с одной юго-восточной линии градских стен. Таким образом назначил он угол между Покровской и Свинусской башнями одной части Венгерцев под начальством вождя их Гавриила Бекеша, а другую часть их под начальством племянника своего Валтазара переправил через Великую реку на левый берег. Против Свинусской башни велел стать Полякам и загородиться коробами насыпанными землей; от Порховской дороги к Петровским воротам стать Литовцам, а в остальном промежутке Немцам. В сие самое время прибыл к Королю от Турецкого Султана для переговоров о Татарских на Украине перебежчиках посланник, которому Король показал все свои войска и распоряжения и получил от него похвалу. По отпуске его начаты немедленно подступы. Венгерцы первые подошли к стенам между Покровской и Свинусской башней, но вылазкой граждан были прогнаны. Августа 27, по сказанию Псковской Летописи о сей осаде, некоему благочестивому мужу, именем Дорофей, было явление и откровение от Божия Матери о будущем нападении на град со стороны угла Крепости при Покровском Монастыре²⁵, Почему Печерского Монастыря Игумен Тихон, еще до осады по повелению Архиепископскому пришедший в город с Чудотворными Успения и Умиления Богородицы Иконами Печерского Монастыря, начал с Духовенством и гражданами совершать ежедневные Крестные хождения с теми Иконами в помянутое место, а Воеводы и Бояре поставили в той части стены три Креста заветные. Четыре дня после сего не видно было никакого неприятельского движения. Но сентября 1 усмотрено, что по большой Новгородской²⁶ дороге к загородной Церкви Святого Алексия, человека Божия, и к городским воротам Великим, Свинусским и Покровским, со стороны Флоро-и-Лаврской, бывшей за Выползовой слободой у Песков Церкви, начали они от своих станов копать большие рвы. Три дня занимались они сей работой и выкопали пять больших борозд рва к городу и семь поперечных. Внутри сих борозд, как после осады найдено, сделали они 139 больших и 904 меньших землянок с печками для жительства полковым

Чиновникам и ратникам. Прокопы доведены были почти до самых стен городских и заслонены высокими насыпями, сквозь кои наведены были пушки. 4 сентября в ночи со стороны Алексеевской Церкви, на версту от города, они прикатали и поставили туры или насыпные коробки, в коих сделали съезжий двор для закрытия конных и засадных, а другой таковой же к Великой реке от Фдоро-и-Лаврской Церкви; еще двое туров бойничных против Свинусских ворот и угольной Покровской башни; а третьи таковые еже туры против той же башни за Великой рекой, и все оные в одну ночь насыпали землей, а в следующий день 5 – го сентября в бойничных оставили осадную артиллерию. Осажденные, замечая все сие, сами против тех туров делали с своей стороны укрепления, и не надеясь на одну каменную стену свою, начали рубить еще за ней от Покровского угла по той линии деревянную тарасами, с нагрузкой камней и земли на случай пролома, а на каменной поставили большие пушки и особый отряд Дворян, Стрелецких Голов, стрельцов и посадских. Сия стена от Покровской башни до Свинусских ворот особенно поручена была обороне Воевод Андрея Ивановича Хворостинина и Князя Ивана Петровича Шуйского. Но ежедневно туда же съезжались на совет и все Бояре и Воеводы. Прочие места крайних стен и даже средней по слабейшим частям прирублены были также деревянными стенами в тарасах с нагрузкой камней. Все сии стены распределены были в защиту другим Воеводам, неотлучно стоявшим там день и ночь. 6 сентября начальствовавший тогда во Псковском Духовенстве Печерский Игумен Тихон по некоему откровению, с совета прочих Духовных, по утру благовестом созвал граждан в Собор и сделал оттуда опять крестный ход к Покровскому углу с чудотворной Печерской Иконой Богородицы, с Мощами Св. Благоверного Князя Псковского Гавриила и со старой Печерской хоругвью. Весь народ сопровождал их с плачем и рыданием, не чая ниоткуда более помощи и защиты, кроме Бога.

На утро 7-го сентября при самом рассвете Король открыв стрельбу по стенам градским с трех бойничных туров из 20 пушек и из расставленных по прикопам, продолжал оную во весь день до ночи и на другой день от утра до девяти часов оного. 24 сажени городской стены от Великих ворот до Свинусской башни и весь охаб были разбиты до земли, и еще 69 сажень стены избиты и рассыпаны в разных местах. Осажденные успели наскоро заградить пролом только рвом и фашинами, работая почти под пушечными выстрелами. Около полудня 8 числа стрельба с бойничных туров умолкла, и появились из окопов выступившие и к стенам шедшие войска. Воеводы, видя приближение их, для извещения народа приказали

завзвонить в осадный колокол, висевший в среднем городе на стене у Церкви Василия Великого на горке, а неприятелей встретили со стен жестокой пушечной стрельбой, коей целые ряды их положили: на поле. По звуку колокола, из всех Концов города граждане, прощаясь с домашними, сбегались к стенам на оборону, а в Троицком Собор Духовенство с остальным народом начало совершать беспрестанное моление. В самый полдень, по сказанию Гейденштеина, Немцы, а по сказанию других, Венгерские гайдуки, одетые в латы, под предводительством Вождей своих Борнсмиссы, Матфея Керекеза и Фомы Дерцена с частью Немцев, столпившись и закрывшись щитами усиленно и поспешно приблизились к пролому от Покровской башни с ручным оружием, но дошедши, вдруг остановились, либо почитая пролом для себя тесным, или встретив вышеупомянутую фашинную и палисадную преграду со рвом, как пишут Лифляндские Историки, а вероятнее сильное сопротивление. Тогда Поляки, за ними шедшие, из ревности протеснясь сквозь их, устремились с такой яростью на сопротивляющихся, что сломив их, стали на проломе; другие влезли на разбитые стены; третьи взошли уже на Покровскую и Свинусскую башни, и подняв там свои знамена, стреляли с высоты на осажденных. К ним туда же взлезли и Венгерские Вожди Керекеза и Дерцен. Самая великая трудность осажденным предстояла не допустить неприятеля через проломы в открытый уже город. Ибо к несчастью не успели еще они в сем месте кончить начатый перед осадой задней деревянной стены в заслон проломной. Не смотря на то, Воеводы с войском и народом упорно отбивали вторгающихся неприятелей и старались сбивать взошедших уже на стены. Крик с обеих сторон, звук и треск оружия и взаимные выстрелы пищальные заглушали даже все начальнические приказания, и каждый действовал почти только по своему стремлению. Польский Король на все сие смотревший за полверсты из-за города с колокольни Никитской Церкви, заметив смятение граждан, а своих уже на башнях и на стенах со знаменами, полагал наверное взять Псков того же дня. Окружавшие его Бояре завидуя успеху и славе осаждающих, сами выпросились у него к стенам, обещаясь встретить его в городе и представить ему пленными начальствующих Псковских Воевод. Таких охотников с Польскими и Литовскими войсками пошло тогда под стены всего около 2000. Они все оставив Венгерцев и Немцев на проломе, сами взошли на стены и в башни, а оттуда как частым градом осыпали пулями защитников, падавших рядами от поражения и от утомления при случившемся тогда солнечном жарком дне. Стон раненых, разносимых по улицам и по домам распространил ужас по всему городу; а весть о занятии

уже стен врагами достигла до множества народа, собравшегося в Соборе на бесперывное моление. Отчаяние овладело всех сердцами. Все подняли руки к небу с рыданием; старые, жены и дети наполнили воплем всю Церковь, и, как говорит Летописец, весь пол облили слезами, моля о защите города и о внушении защитникам доброго совета и храбрости. В то самое время пришло в мысль Воеводам завести большую Псковскую пушку Барса к Церкви Похвалы Богородицы и, поставив на раскате, направить на Свинусскую башню, наполненную лучших Чиновников Польских. Несколькими выстрелами из оной потрясена была башня и засыпала многих; а Воеводы в то же время успели подложить еще под оную порох, зажгли и развалинами погребли всех там засыпавших. От взрыва и гибели многих Королевских Бояр ужас перешел на сторону неприятелей; а осажденные, оживляясь мужеством, погнали смятенных в поле. Король, увидев бегущих, немедленно выслал в помощь им свежие лучшие свои войска, с решительным повелением, не отступать от стен до совершенного взятия города. Битва неприятельская возобновилась и защитники опять начали ослабевать от усиленного напора. Тогда Воеводы послали в Собор к Духовенству сказать, чтобы они принесли к Пролому Мощи Святого Благоверного Князя Псковского Гавриила с чудотворными Иконами Богородицы и другими. Немедленно подняты из Собора сии Святыни; а наперед их прискакали к Пролому на конях три Монаха, Печерского Монастыря Келарь Арсений Хвостов, Снеготорского Монастыря Казначей Иона Наумов и Игумен Мартирий, все родом из Бояр и в Мире бывшие храбрыми воинами. Они воскликнули к Воеводам и воинам громким голосом: „Не бойтесь братия! станем крепко! устремимся вкупе на Литовскую силу! Богородица бо к нам грядет с милостию и заступлением и со всех Святых помощью! Сей нечаянный глас Духовных воинов оживил всех и ослабевавших. Все друг другу повторяли торжественно: Богородица к нам грядет! о друзи! умрем вкупе за Христову веру и за Православнаго Царя и не предадим града Пскова.” Вслед за сим появилось Духовенство, несущее Мощи Благоверного Князя Гавриила и чудотворные Иконы. Началось молебствие перед самым проломом в виду защитников и врагов, и продолжалось шествием к Покровской Церкви. Сие зрелище вдохнуло защитникам такое мужество, что все устремились в пролом на неприятелей; сами женщины вмешивались в сражение: иные приносили жаждущим воинам питье, иные подавали оружие, иные сами бросали на врагов камни и со стен лили на них кипящую воду и всякие нечистоты. Сражение с обеих сторон было жаркое, долговременное и упорное. Наконец при наступавшей уже ночи неприятели все вытеснены в

пролом, сбиты со стен и прогнаны с беспорядком в поле, где на бегу добиваемы были уже народом без пощады; а иные, укрывавшееся во рвах и за стенами, взяты в плен. Больше всех потерпели в осаде и в отступлении Венгерцы, кои были впереди. Оставались только засадные в Покровской башне, из коей не можно было ни самим им сойти, ни выгнать их защитникам, хотя многие уже и там были подстрелены. Почему остальные порохом взрывом под башней погребены в развалинах. Бежавший неприятель бросил на пол много оружия и военных снарядов, которые все подобраны гражданами. Таким образом Псков избавился от первого и жесточайшего Баториева нападения. Воеводы, Бояре и все граждане обещались тогда же в память сего построить близ Покровской Церкви новую во имя Рождества Богородицы, день сего приступа, а убиенных своих погребли с честью. Псковская Летопись при сем жалуясь на укрывавшегося в Старице городе Царя Ивана Васильевича, говорит :„а у него было в собрании тогда триста тысяч; а на выручку Бояр своих не посылал подо Псков, ни сам не пошел: но страхом одержим был.

Король Стефан Баторий на сем приступе потерял знатных и храбрых Чиновников более 40 своих, и такое еже число Венгерских, по признанию самих Польских Историков; а Венгерский корпус лишился и предводителя своего Гавриила Бекеша. Наши Статейные Книги полагают тогда потерю его до семи тысяч убитыми, а Псковский описатель осады сей более 5 тысяч убитыми и вдвое ранеными. Напротив того из Псковского войска считает он только 863 убитых, и 1106, а по другому списку 1526 раненых. В числе убитых у нас был Казацкий Начальник Николай Черкасский. Как бы то ни было, но Король после сей первой неудачи в приступе долго не предпринимал ничего важного против города. В совете его решено было только продолжать осаду, и сперва беспокоить осажденных частыми подступами и стрельбой по стенам, потом увещевать к добровольной сдаче, а наконец ворваться в город подкопами. Между тем осажденные успели против пролома срубить позади деревянную стену с такими же башнями; уставили по ней и в башнях большие орудия; прокопали еще между проломом и сей стеной рвы; укрепили их дубовыми засеками в тарасах, надолбами и палисадом; заготовили много зажигательных снарядов для метания на неприятелей, и даже сухую сеяную известь для бросания им в глаза и проч. Каждый день, а иногда по дважды и трижды на день подходили неприятельские отряды к стенам, но всегда удачно были отбиваемы осажденными. После сего Король написал к Воеводам, Боярам и гражданам увещательную грамоту о сдаче города со многими льстивыми обещаниями, а в случае упорства с угрозами, и велел им бросить оную в

город на стреле. Но ему таким же образом отвечали с отказом и с грубостью; а вслед затем сами осажденные начали делать на отряды его вылазки, коими хватали многих и через них допытывались о состоянии его войска. В одну из таких вылазок за Варлаамскими воротами поймали они несколько Литовцев и от них узнали, что с 17 сентября подведено уже от неприятеля под город с различных сторон девять подкопов, разделенных по корпусам войск, и Венгерский подкоп скорее всех окончен будет. Но где сии подкопы, пленные указать не могли, отзываясь тем, что ведутся оные в тайне. Граждане долго искали мест сих посредством копания слуховых ям, однако же без успеха, и беспрестанными Крестохождениями к пролому молили только Бога об открытии сей им тайны. Но как скоро приходили они на место пролома, то Литовские гайдуки, услышав пение, осыпали их из-за стены бросаемыми камнями. 20 сентября по обыкновению пришли они туда с чудотворными Иконами, в числе коих принесена была и Св. Великомученика Димитрия Солунского, Греческого Корсунского письма. Гайдуки не преминули пустить и при сем случае тучу камней на народ, и один большой камень прямо ударился в Икону Св. Димитрия и выбил большое место на Иконе в воинском его доспехе золоченного оклада, выше пояса, против правого рама, а под ним пробил и живопись и доску. Народ с ужасом тогда воскликнул: „О Великомучениче Димитрие! дерзость вражия не только над нами, но и над Святым твоим чудотворным Образом поругается! но ты избавил еси от плена и свой град Солунь; ты и Великому Князю Александру Ярославичу Невскому на озере Чудском поганых Немцев прогнавшему и сию Икону твою с собою носившему, споборал еси. Ополчися и за ся и за ны на сопротивныя ныне, и открий нам их козни!” Последняя молитва действительно была вскоре услышана. Ибо в тот же день 20 сентября перебежал в город из Литовского войска один бывший Полоцкий Русский стрелец, именем Игнатий, который указал Воеводам все места подкопов. Немедленно начали по указанию копать поперечный под стеной ров и 23 сентября встретили один подкоп пониже ворот Покровских и Свинусских, другой уже под Покровской башней, а многие еще за городом и все оные взорваны порохом, а иные найдены завалившимися сами собой. Гейденштейн говорит, что каменистый грунт земли мешал продолжать оные, а Венгерцы прокопали только свои до стены по поверхности земли и прикрыли было оный землей на плетневых решетках. Тогда Король увидев, что и последнее советом его придуманное средство безуспешно, снова обратился к первому и усугубил свои приступы. Каждый день от него посылаемые отряды порывались открыть опять пролом и взойти на стены,

однако же всегда с уроном были отражаемы. Для облегчения себе предприятия сего Король велел с устроенной на Завеличье батарее почти целый день 24 октября бросать в город бомбы, а с Мирожской колокольни раскаленные ядра, дабы произвести ими пожар и от стен разогнать войска и граждан по у лицам, Однако же и сие было безуспешно. Потом он выдумал странное средство разрушать стены Псковские, и именно, 28 октября подослал под стену от Покровской башни до водяных Покровских же ворот гайдуков Литовских, которые, закрывшись большими щитами, начали ту стену подсекать киркам и ломами. Но против их Псковичи также изобрели необыкновенное оружие, кнут с острыми крюками, навязанный на шест, которым с размаху зацепляя подкопателей за платье, а иногда и за тело, вздергивали их к себе не стену, а стрельцы между тем расстреливали их висячих; других отгоняли разливанием на них кипящей смолы, бросанием осмоленной и зажженной пакли и кувшинов, наполненных порохом, также стрельбой сквозь стену в проверченные окна, кололи взлезавших, а иных задавливали низвергаемыми большими камнями, и наконец всех отогнали. С сих пор от неудачи началось оказываться неудовольствие в войсках Баториевых, требовавших уже отступления. Король с трудом уговорил их сделать еще два, или три решительных приступа, после коих в случае неуспеха, обещался вывести их из окопов и из-под стен. Он приказал из Завеличья, с батарее беспрестанно бить в набережной угол, дабы пробив оный дать направление ядрам вдоль стены Покровской и тем воспрепятствовать осажденным вход на стены, а себе с поля делать свободные приступы. Пять дней продолжаема была батарейная стрельба, и когда сделала уже довольный пролом в набережной стен, то ноября 2 приведены были под оную на приступ гайдуки по замерзшей уже реке. Осажденные встретили их мужественно и своими пушками с пролома побивали целые ряды их. Тщетно ездившие на конях предводители то ободрениями, то угрозами и даже сабельными ударами принуждали их всходить на пролом, и в каждое приближение сами с осаждающими устиляли только реку трупами своими. Наконец без успеха и в сей день отступили. Осажденные между тем опасаясь продолжения осады, писали и к Царю и к соседним городам просьбы о подаении себе помощи. Некоторые из сих писем были неприятелями перехвачены и только ободрили их к усилиям. Но некоторые дошли до своих мест. Из Гдова поднялся один отряд по Чудскому и Псковскому озеру еще до заморозков. Но Королевский Гетман Замойский, узнав о сем, перегородил реку лодками и плотами на цепях. На лодки посадил Немецкие войска, а по берегам для стражи расставил еще

пехоту под Начальством Вровецкого. В тоже время пришли еще к Королю свежие отряды войск, Варшавский Каstellан Резайский со стопятьдесятью ратников, Стефан Билавский с семьюстами конных, Николай Корф и Вильгельм Платер с несколькими конными из Лифляндцев. Всем им назначен стан около Снетогорского Монастыря и приказано им лагерь свой окопать рвами для безопасности от набегов. Плывшие в помощь Пскову из Гдова достигли к устью ночью, но, встретив преграду и нечаянное нападение от неприятелей, выскочили на берег, а перед рассветом все переловлены и приведены в лагерь. По сказанию Гейденштейна в числе их было до 200 Боярских детей. Немного времени спустя выплыл было и из Дерпта ко Пскову Русский отряд, но по приближении заметив неприятельскую засаду, воротился назад. После того Стрелецкий голова Никита Хвостов с семью тысячами стрельцов прислан был от Царя. Но Замойский узнав о сем, весь корпус около Снетогорского Монастыря стоявших войск расставил отводными стражами до города и до Псковы реки. К ним присовокупились еще и Литовцы. Хвостов узнав о сем, простоял несколько времени на одном острове Псковского озера, потом, высадясь на берег, потянулся ночью влево ко Пскову лесами. Но стрельцы его начали от страха разбегаться и, по сказанию Гейденштейна, якобы оставалось у него не болев 300 человек. В сию ночь неприятельские отводные на стражи от осеннего холода засветили у себя огни и сие то помогло ведущему передовой отряд стрельцов Даниле Исленьевичу обойти их врасплох и войти в город, а Хвостов, шедший с задним отрядом, опоздавший к рассвету, вышедши из лесов, скрылся было в кустарниках, но конные Вольнского Палатина Андрея Вишневецкого поймали его и привели к Королю. Прочие ушедшие от него частью побиты, а частью переловлены. Спустя несколько дней прислан еще от Царя стрелецкий Голова Федор Мясоедов с корпусом стрельцов. Он обошел Литовских отводных стражей, но задний его отряд замечен неприятелями, которые напали на него, около 150 человек побили и до 60 полонили, прочие однако же вошли в город. Псковский описатель сей осады полагает приход сего корпуса причиной, что Король б ноября ночью вывел из окопов свои войска и даже с батарей своих снял пушки. Но одна причина сия была недостаточна. Статейные Списки говорят, что и без того Польские и Венгерские Вельможи, скучив безуспешной осадой, усиленно уже советовали Королю и Великому Гетману Замойскому вступить в переговоры о мире и уменьшить свои требования при оных; а наемная войска вовсе служить отказывались и просили отпуска, иные же и без отпуска уходили домой. Польские Историки еще присовокупляют, л

что войска вообще роптали а на чрезвычайную строгость Великого Гетмана Замойского и на Королевское будто бы намерение разделить всю Лифляндию во владение племянникам своим Венгерцам; а Литовцы подали даже письменную просьбу Королю об окончании войны и назначили даже срок оному. В тоже время по войску появлялись уже пасквильные стихи на Замойского. Все сие известно было и осажденным от многих к ним перебежчиков, из коих один некто Савва принес им и список с Литовской просьбы, поданной Королю. Важнейшее же затруднение неприятелей состояло в том, что у них не доставало пороха, которого и просил Король у Курляндцев и Рижан взаймы, а также и несколько стрелков. Почему Рижане прислали ему оного 80 бочек с 200 стрелками. Однако же сие пособие он употребил уже не столько на Псков, как на разорение Псковской и Новгородской области. Сего именно просили у него и войска, оставшиеся еще при нем. Ибо в наступившую глубокую, сперва грязную, а потом холодную и морозную осень, почувствовали они крайнее неудобство держаться всем при Пскове, по недостатку квартир и пропитания людям и лошадям. Рож в их стане продавалась уже по 2 рубля четверть, грошовой хлеб печеный по 12 копеек, корова по 5 рублей и так далее. Сена и соломы трудно было и достать, и то не меньше как за 200 верст, отчего начали падать и лошади. Сверх того Король крайне оскудел и в деньгах. Наемные войска считали уже свои на нем недоимки, и, как выше сказано, уходили от Пскова из самого стана его; а шедшие к нему и еще на помощь 3,000 Немецкого войска, услышав о сем, с дороги воротились и от случившейся тогда жестокой зимы в лагере его открылись повальные горячки. В сих обстоятельствах разослал он как для предохранения от поварных болезней, так и для прокорма и собирания запасов по сторонам многие отряды своего войска, которые везде производили разорение, добежали и до Гдова, а Кобылинск заняли. С другой стороны, от Могилева и Шклова оставленный там Королем Христофор Радзивил с Филоном Кмитой и Гарабурдой, присоединив к себе Литовских Татар, двинулись на южные города. Кмита с двумя почти тысячами конницы и с Татарами, под начальством Гарабурды бывшими, выйдя из Великих Лук, простерся за Торопец к Старице, где пребывал тогда Царь. К ним подошел и Радзивил и с ними начал там разорять селения: но высланными против них от Царя войсками удержаны они и поворотили к Торопцу, который однако же не взяли. Оттуда Радзивил потянулся к Холму и к Старой Руссе, где имел также несколько сшибок с Новгородскими войсками и, наделав много опустошений, возвратился к Королю. Но наши Летописи говорят, что

Литовцы простерлись даже до Новгорода и засели в Юрьеве Монастыре, тогда как с 40 тысячами войска Князь Юрий Голицын сидел там в городе без действия и от страха сам хотел выжечь торговую сторону. Ржева Володимирова в тоже время занята была Оршанским Старостой Филоном Кмитой.

С другой стороны Шведской Король Иоанн, союзник Баториев, по всем северным границам от Корелы, или Кексгольма до пределов Естляндии продолжал также сильные нападения. Выше уже сказано, что он еще при начале войны напал на Новгородскую и Псковскую Область. Его Адмирал Бенгт Севризон Гилленлод приплыл под Нарву, превратил в пепел Лифлндское предместье оной и неоднократно поджигал Ивангород; там же захватил несколько купеческих Русских судов и отвел в Ревель и Стокгольм; потом запер Нарву с сухого пути и многих находившихся там Россиян изрубил. А хотя вскоре Россияне прогнали его с великим уроном, и преследовали до Нингофа, Гариена и Вика: но не вытеснили из Естляндии. Между тем другой Шведский Полководец Понт де-ла Гарди со стороны Финляндии разорвал Русские засады, выжег Кексгольм бранскугелями, а оттуда в январе 1580 года, хотя с великим трудом, по льду пришел к своему товарищу; и поелику во время похода Царя Ивана Васильевича по всем почти знатнейшим городам Лифляндским и Естляндским оставлены были засады Русских войск, то оба сии полководца Шведские на них особенно обратили свое оружие. Крепости Падис по семимесячной, Везенберг по двунедельной осады, а Толеборг через четыре дня взяты были сдачей и Россияне выпущены на договоре. После того де-ла Гарди отправился в Стокгольм за свежими войсками и военными припасами; а в отсутствие его вытеснены Россияне из всего Естляндского Вика, взяты Лоде, Виккель и Замок Леальский. Но в Гапсале они упорно защищались и уступили (августа 9-го) не иначе, как с дозволением свободного выхода. Потом де-ла Гарди, возвратившийся с свежими войсками и с титулом Ингерманландского и Естляндского Наместника, немедленно ворвался в Новгородскую Область, выжег Сыренск или Нейшлосс 27 июля, изрубил встретившийся отряд Россиян, и пошел под Нарву, куда прибыл Флотом и Адмирал Клас Флемминг с тяжелой артиллерией. 3 сентября 1581 года начата осада и двое суток с трех сторон из 24 орудий производимая стрельба сделала большие отверстия, но Россияне еще не сдавались. Сделан потом приступ самый жестокий, Сопротивление было всевозможное, и когда, по сказанию Шведских Историков, изрублено уже было 2000 стрельцов 300 дворян со служителями и множество других, всего якобы более 5000, то посажденные

6 сентября сдались. После сего неприятели обратились на противолежащий Ивангород и по нем открыли жестокою пальбу, но тамошний гарнизон, видевший уже взятие Нарвы, сам на договор 17 сентября без обороны уступил свое место. Вслед за тем 28 сентября взят Ямбург, а 10 октября Копорье. Город Виттенштен несколько долее держался, но недостаток припасов и неприятельская стрельба принудила 26 ноября и оный к сдаче. Кончив сии завоевания, де-ла Гарди имел торжественный въезд в Ревель и слушал в Русской Церкви Св. Николая благодарственный молебен за успехи Шведского оружия с воспоминанием своего имени. После сего предложил он Баторию готовность свою придти со Шведским и Немецкими полками и артиллерией под Псков. Но честолюбивый Король, думавший уже по завоевании Пскова отнять и у Шведов Естляндию, как пишут Лифляндские Историки, не принял сего предложения, хотя и продолжал дружескую переписку со Шведским Королем. Польские же Историки пишут, якобы Баторий жаловался, что ему не помогают Шведы. За сим, пока осада Пскова продолжалась, Шведские, равно как и Польские отряды отнимали у Русских другие городки и местечки по Лифляндии, а иные до озера Чудского и Псковского и по окрестным берегам перехватывали Псковские суда и грабили селения. Но взаимно и Русские, выходя из Новгородка (Нейгаузена), Печерского Монастыря, Изборска, Гдова и Дерпта, побивали сих бродяг и отнимали у них награбленное. Псковская Летопись говорит, что Шведы в сию войну отбили в одной Естляндии 10 городов, занятых нашими войсками, а Воевод и людей всех побили, и присовокупляет к тому: „и сбытсся пиание, еже аще кто чужаго похощеть, помале и своего останет. Царь Иван не на велико время чужую землю возьмь, а по мале и своей не удержа, а людей вдвое погуби.”

Достойна здесь особенного упоминования жестокая осада, каковую тогда же вытерпел и Псковопечерский Монастырь, старавшийся помогать Пскову ловлением и побиванием неприятельских отрядов, перехватыванием их обозов, с припасами шедших ко Пскову и возвращавшихся оттуда отпускаемых войск в Литву с награбленным имуществом и с пленными. Баторий, занятый преимущественно Псковом, терпел пока сии оскорбления. Но когда привозившего ему порох из Риги переводчика Иоакима, возвращавшегося с отрядом отпущенных из-под Пскова с пленными наемных Лифляндских войск около 300 человек и весь их обоз Печерские люди октября 25 близ Монастыря своего на речке Пачковке разбили, самого переводчика с несколькими ратниками до 30 человек и с ними более 30 телег полонили и забрали в Монастырь, а

прочие ушедшие обратно во Псков донесли о том Королю; то он, выйдя из терпения, прислал того же месяца под Монастырь отряд Немцев с тремя осадными пушками под начальством Немецкого Полковника Георгия Фаренсбаха с подначальными ему Офицерами, Вильгельмом Кетлером, племянником Герцога Курляндского, Рейнеолдом Тизенгаузенем из Берзона, Каспаром Тизенгаузенем из Одензе, и Юрием Кранбеком.

Осада Монастыря начата 5 ноября за день до снятия осады Пскова, и всеми тремя направленными в одну башню пушками скоро сделан был пролом, в который устремились неприятели с лестницами. Но Монахи, вынеся на пролом сей старую икону Успения Божия Матере, храбро отбивались. Рейнгольд, Каспер и Кетлер, надеясь пробраться в Монастырь сквозь башню, приставили лестницы и по оным взошед спускались уже внутрь: но первый из них обломаясь ушибся до смерти; а последовавшие за ним в башне захвачены в плен; с прочим Монахи и находившиеся в их Монастыре люди бились от третьего часа дни до ночи и совершенно отразили нападающих. В сем сражении ранен был и Юрий Кранбек. Когда весть о сей неудаче дошла до Короля, то немедленно еще отправил он в помощь осаждающим пятьсот пеших Венгерцев под начальством их Начальника Иоанна Борнемиссы, или Берномиссы, с четырьмя большими пушками. По приходе их началось приготовление ко второму приступу в двух местах с той же стороны. Немцы пушками распространили прежний пролом, а Венгерцы открывали себе новый. По двухдневной стрельбе ноября 14 начат приступ. В то же время с противной стороны Фома Соланд с несколькими маркитантами и Польским Казаками для развлечения осажденных полез на Никольскую Колокольню, а снизу велел разбивать ворота, но прежде всех отогнан. Немцев и Венгерцев осажденные также не впустили в проломы. Гейденштейн говорит, что неудачу сию Русские приписали чуду, а наши де очарованию и волшебству. Сам же он приписывает сие небрежению и разделению сил осаждавших, и приступам не в одно время, а тем де самым дан способ осажденным совокупно отбивать каждое нападение. Но как бы то ни было, наша Псково – Печерская Летопись приписывает сие чудной помощи Божией и благоразумному распоряжению бывшего в Монастыре Засадным Головой Юрия Нечаева с 200 или 300 стрельцов, которым и беспрестанными молитвами на стенах и ревностным содействием помогали сами Монахи; даже и укрывшиеся от нашествия врагов сих в Обители женщины и дети сталкивали их со стен оружием, варили воду и лили на взлзающих; другие, заряжая пищали, подавали их ратникам. Нельзя винить и неприятелей в слабости и небрежении, потому что битва

была самая кровопролитная от 10 часов утра до сумерек и осаждающие сбиты уже поздно с башен и со стен. При всем том из Монастырских людей на всех приступах ранеными и убитыми оказалось только до 40 человек. Но от стеснения народа в Монастырских келлиях по осеннему времени много было больных. Лифляндские Летописцы сказывают, что при сем случае Монахи со стен, разговаривая с Борнемиссой, Венгерским Военачальником, укоряли его тем, что он с ратниками своими оказывает храбрость над безоружным Монастырем и Храмом Божиим; и если желают они сражаться, то шли бы ко Пскову, где найдут себе приличных сопротивников. Они даже упрекнули ему тем, что Венгерцы вероломны и в слове неустойчивы, а потому и нельзя осажденным решиться на сдачу им своей Обители. После сей вторичной неудачи, приведшей в стыд Короля Батория, Коронный его Канцлер и Великий Гетман Ян Замойский вздумал лестью преклонить Монахов к сдаче Монастыря. Он через 10 дней после приступов прислал им из Пскова Икону Благовещения Богородицы, писанную на стекле, якобы из Иерусалима полученную, с резным образцом дому Иосифова и при них увещательную грамоту²⁷, коей сперва укоряя Монахов, что они облили де Святое Место кровью, ловили и били Королевских людей, а иных и доселе у себя в Монастыре держат, воспротивились малому отряду, посланному не для разорения Монастыря и Церквей, которые Король почитает, а для того, чтоб вывести из Монастыря таких Монахов, живущих не по Христиански; потом уведомляя, что и он идет к ним с войском и пушечным снарядом, увещевает их, чтобы они сдав Монастырь, стрельцов из Монастыря выслали, или и сами со всем имуществом вышли куда хотят, либо спокойно оставались бы, но Королевских людей пленных с их именем сохранили бы. Иначе, писал он, не буду я виновен, что разорится все Святое место, осквернятся Святые Церкви и прольется много Христианской крови. По прочтении сей Грамоты и Монахи и ратные решились единодушно не сдавать Монастыря и защищаться до смерти. Для объявления ответа сего на Замойского грамоту, они выбрали одного Схимонаха, именем Патермуфия, который, облачась во всю схимническую свою одежду, вышел на стену и сквозь стенное окно сказал присланным о решении своей Братии; а она со стен тоже повторила криком своим и в след затем пустила выстрелы на осаждающих. Посл сего наступившие сильные морозы принудили неприятелей прекратить приступ и довольствоваться одним только непропуском никого ни из Монастыря, ни в Монастырь до самого заключения мира; а один отряд их занял было Изборск: но там все они взяты в плен и отправлены в Москву. Пленных

было Дворян 103, а простых 60 человек, как пишет Поляк Папроцкий.

Между тем отправленное в прошлом еще лете от Царя посольство к Папе Григорию XIII. было успешно, и в то самое время, когда Баторий еще из Великих Лук двинулся ко Пскову, ехал уже от Папы к Царю Иезуит Антоний Поссевин, славный в тогдашнее время успехами в Папских посольствах по разным Государствам. Он прибыл в Старицу 1581 года в августе и привез Папские грамоты Царю, Царице и Царевичам. После переговоров с Царем он отправился с доверенностью о мирных договорах к Королю Баторию под Псков и прибыл сентября в первых числах, то есть в самом первом жару осады и твердого предуверения Батоиева о несомненном успехе. А потому первые предложения Поссевиновы о съезде обоюдных послов для мирного договора Баторием были отринуты. Он и Гетман его Замойский слышать не хотели о какой-нибудь уступке, а особливо Лифляндии; объявили посреднику сему, что они не намерены посылать на съезд своих послов для переговоров; что не они, а Царь имеет нужду в мире; что рвення своих войск унять они не могут; что, несмотря на приближающуюся зиму, будут всю оную продолжать осаду Пскова; что для войска их строятся уже дома, землянки и избы, а по взятии Пскова намерены продолжать завоевания свои внутри России; к договорам же не приступят до тех пор, пока Царь всех своих людей и войска не выведет из Лифляндских мест. Ибо в 15 таможенных городах еще оставались оные. С таким ответом Поссевин в следующем октябре месяце наступившего, (считая с сентября) 1582 года, послал известие к Царю в Старицу. По получении оногo на другой же день Царь с совета окружавших его Бояр отвечал Поссевину, что он соглашается уступить Королю все Лифляндские города и местечки, но чтобы и он уступил Царю все завоеванные им русские города от Двины; а для договора выслать обоюдных послов на Полоцкую дорогу между Порховом и Заволочьем в Заполоский Стан и в замирение не включать Шведского Короля. Последней статьей может быть Царь предоставлял себе время потерю Лифляндии заменить завоеванием Естляндии, а Лифляндские и Шведские Историки пишут, что она ввнушена ему Иезуитом же Поссевином с согласия и Короля Польского, завидовавшего успехам оружия Шведов и неискренно соблюдавшего союз свой с ними. Неудачи под Псковом, которых и не знал Царь, а слышал даже о взятии его, как говорит Псковская Летопись, более всего преклонили Батория к согласию на переговоры, и он, думая Псков принудить к сдаче одним облежанием (осадой) и голодом, какой сам терпел, назначил пока от себя на съезд Бояр своих Стефана Зборовского Воеводу Брацлавскаго, Албрехта Радзивила, Князя Олыкского, Маршала

Литовского, и переводчика Секретаря Михаила Гарабурду; а ноября 14 подписав проезжие грамоты Русским послам, оставил под Псковом Гетмана Замойского, и сам уехал для сбора новых войск, припасов и денег на Сейм в Варшаву, а за ним ушло и все охотническое Литовское войско, не обещавшись и возвращаться .

Король отправился чрез Остров и Красной город на Люцен к Динабургу, но обоз его потерпел на пути от засадных по Крепостям Русских войск, а оставшийся при Пскове его Великий Гетман Замойский с Польскими жалованными и с приведенными из-под Старицы Радзивилом войсками довольствовался только рассылкой своих отрядов около города и содержанием его в блокаде; а шестьсот Литовцев оттуда же возвратившихся выпросились квартировать по деревням около Порхова. Из Польских же волонтеров немногие при нем остались. Осажденные между тем не переставали делать вылазки и многих побивали; а иных захватывали в плен и через них допытывались о состоянии осадных войск. Были даже и перебежчики, от неприятелей приходившие в город, но по сказанию Гейденштеина, пойманный на вылазке, а потом сказавшийся перебежчиком один Шуйского подьячий Савва Сутурма открыл также неприятелям все внутреннее состояние города и Замойский узнал от него, что если прерваны будут к осажденным все подвозы припасов и подход войск, то немногим долее Мая месяца держаться они могут, но осаждающие еще больше терпели нужды во всем. В сей крайности, по словам того же Историка, Замойский уже думал развести войска свои по городам, в Печоры, Порхов и Гдов; или если найдет в сем затруднение, то построить засеки по дорогам от сих городов и от Новгорода для засады своих войск, а самому с частью оных идти на Новгород к озеру Ильмену, к Старой Руссе и к Осташкову и разъезжать по Новгородским, Тверским и Московским волостям. Такие намерения, хотя и неисполненные, доказывали действительную его крайность. Но он удержался еще при Пскове в облежании; а отводные свои стражи от Снетогорского Монастыря до города и верховья Псковы реки по Гдовской дороге усилил еще отрядом пехоты и малого разряда пушками, назначив дневные и ночные знаки маячные, ночью огонь, а днем флаг. 6 декабря, дабы выманить на вылазку осажденных, подпустил он под самые стены свой обоз, сделав засады в дождевых рытвенных около города ямах. Но граждане в сей праздничный день не вышли. На другой день он повторил тоже и тогда граждане выпустили конницу, которая стремясь к обозу, увидела однако же засаду и успела возвратиться в город, оставив на месте около 30 человек и в полону до 12 детей Боярских, в числе коих был

знаменитый храбростью Петр Колтовский. Гейденштейн отдает в сем случае честь Русским лошадям по взгляду малым и безобразным, но быстрейшим нежели наилучшие Украинские, бывшие под Венгерскими Боярами. За сие однако же, по свидетельству того же Историка, Шуйский взаимной засадой и вылазкой за Пековою рекою отомстил им. Сверх того и со стен большими пушками проникал он в самые их станы даже сквозь тройную ограду насыпанных коробов. Последнюю сильнейшую вылазку конными и пешими сделали граждане на самые станы неприятельские 4 января и более 80 Чиновников при оной побили, а многих в плен захватили. Но Польские Историки во всех вылазках приписывают только своим преимущество. В распоряжении сих вылазок особенно отличался мудрый Воевода Князь Иван Петрович Шуйский, на которого за то более всех злобствовали неприятели. Псковский описатель сей осады рассказывает ужасное злоухищрение их над жизнью сего Воеводы. После вышеупомянутой последней вылазки, говорит он, пришел января 9 из Литовского войска русский полонянин и принес великий ларец. Когда впустили его в город и представили Воеводам и Боярам, то объявил он, что тот ларец при письме прислан к Воеводе Князю Ивану Петровичу Шуйскому от Королевского Дворянина Гансумера, а по Гейденштейнову сказанию от Немца Моллера. В письме было написано, что он Гансумер, бывши у Государя Царя с Немчином Юрьем Франбриком (по другим с Фаренсбхом) и памятуя Царскую хлеб – соль, хочет, убивши Великого Гетмана, перебежать от неприятелей в город, и наперед себя посылает ларец с деньгами и драгоценными вещами, который просит принять до его прихода и досмотреть одному ему наедине от прочих. Столь необыкновенная посылка и доверенность возбудила во всех подозрение. Сыскан был искусный слесарь для открытия ларя сколько можно осторожнее и далее от Воеводской избы. По вскрытии оказалось, что в оном вделаны были 24 пистолета, заряженные на все стороны и сверх их насыпано с пуд пороха. Заведенные замки привязаны были ремнем к личинке ларца, к которой одним неосторожным прикосновением спустились бы курки и последовал бы выстрел. Таким образом Бог избавил и Воеводу и других от неприятельского злоумышления. О сем злоумышлении не замалчивают и Польские Историки. Выдумку сего ящика приписывают они одному артиллерийскому Офицеру Остромецкому. Ящик сей, говорят они был о 12 пистолетах и послан к Шуйскому в отмщение за его вероломное нападение на Польских Чиновников при мирных переговорах о погребении убитых за стенами Псковичей при вылазке, и что будто Воевода Андрей Хворостинин по

приказанию Шуйского захотел открыть сей ящик и при вспышке пороха убит с некоторыми окружавшими его Чиновниками, а с дома того и кровля взорвана.

Между тем по пересылке взаимных охранных проезжих грамот послам для договоров о мире, прибыли в назначенное место в начале декабря и Царские послы, Дворянин и Кашинский Наместник Князь Димитрий Петрович Елецкой, Дворянин и Козельский Наместник Роман Васильевич Олферьев и Дьяк Николай Басенок Верещагин²⁸. Посредником же между двусторонними послами был вышеупомянутый Папский посланник Иезуит Антоний Поссевин. Но поелику назначенное для съезда место, Запольский стан, Казаками тогда был большей частью выжжен, то и не могли все в оном поместиться. И так остались там только Русские; Польские же послы остановились в селе Пожеревице, оттуда в 15 верстах, а Поссевин в деревне Киверове Горке, где и первый съезд их был 15 декабря. По двадцати съездах и по многих переговорах и спорах об Императорском Цесарском и Царском титуле²⁹, об уступке Лифляндских городов, о возвращении завоеванных Русских, о размене пленных и проч. Наконец 15 января 1582 года подписано было перемирие на 10 лет; уступлены Польскому Королю все Лифляндские города и Замки числом 34, а по сказанию Гейденштейна только 18, в том числе Дерпт, 24 года бывший в полном владении Российском и одними Русскими уже населенный, хотя Царь возвратить его весьма не хотел, и соглашался лучше уступить Великие Луки, Заволочье и другие некоторые города; положено, выпустить, из всех Лифляндских мест Русских жильцов, Церковные утвари, Духовенство и артиллерию; в прибавок тому отдать Польше Торопец к Смоленску, а Полоцк и Велиж к Литве. С своей стороны Польские послы согласились возвратить России все завоеванные города от Невеля и Великих Лук до Пскова и Новгорода. О Лифляндских, пленниках, коих в России было множество из знатных, ничего не положено, либо потому, что Царь надеялся через них со временем опять иметь влияние на Лифляндию, либо, как Лифляндские Историки пишут, потому, что Польский Король хотел разделить сию Область в поместья своим племянникам и служащим у него Венгерцам; а Поссевин не счел де за нужное ходатайствовать за Лифляндских Лютеран. По сей причине почти все сии Пленники остались в России, а многие и к Грекороссийской Церкви обратилась. Уже Царь Борис Годунов при вступлении на Престол всех их отпустил с наградой. Шведский Король выключен был из мирного договора и даже, как пишет Далин, в мирных между Россией и Польшей статьях положено: „Нарве оставаться за тем, кто прежде оную отымет у

Шведов и потом наилучше защищать возможет, против кого бы то ни было, не нарушая однако тем мира.” Польские Историки считают в сию войну потерю России убитыми якобы до 300 тысяч человек и пленными до 40 тысяч. Но их столько и во всех завоеванных местах едва ли было. Столь же ложно их сказание, что будто они тогда завоевали Русские города от Стародуба до Чернигова, от Двины до Старицы и от Новгорода до Ладожского озера.

Таким образом Псков освободился от пятимесячной теснейшей осады, во время коей вытерпел он 231 приступ и сам сделал 47, а по другим известиям 77 вылазок на неприятелей, которые и во время переговоров не преставали беспокоить осажденных. Весть о заключении мира, привезена во Псков 17 января из неприятельского стана от Спасского Монастыря, что на Промежице, Боярским сыном Александром Хрущовым, отправленным от Посольского съезда, и обрадовала несказанно всех граждан: а народ на плечах своих носил вестника по всему городу. Но неприятельские войска и после заключения мира стояли еще в лагерях до 4 февраля и не прежде б числа вышли в Лифляндию через Нейгаузен к Дерпту, который и заняли 24 числа. Гейденштеин описывает, с какой жалостью Русские оставляли сей город и с каким рыданием и криком наипаче женщины на кладбищах прощались с погребенными там родителями, мужьями и детьми. После Дерпта Поляки захватили несколько городов и Крепостей и от Шведов, которые на ту пору не хотели им противиться, не кончив еще войны своей с Россией, и обратились более в Финляндию на Российские границы к Нотенбургу или Орешку. Царь, по-видимому, также хотел продолжать с ним войну, но вслед за тем начавшиеся набеги с южной стороны от Крымских, Казанских и Астраханских Татар заставили его послать и к Шведскому Королю предложение о заключении мира, и на съезде 9 мая 1565 года на устье реки Плюсы сперва заключено было перемирие с 26 мая на 2 месяца, а по истечении оног августа 10 на три года, с уступкой Шведам всего ими в Естляндии завоеванного, и даже с Нарвой, Ивангородом, Ямой, Копорьем и частью Ингрии. Все пленные были разменены взаимно, и восстановлена между обоими Государствами торговля, которая однако же была более полезна Шведам, нежели Псковичам, лишенным уже не только приморских, но и речных пристаней, а сверх того стесненным некоторым образом и в Новгороде. Потому что в 1586 году при отдаче Новгородских гостинных дворов на откуп, запрещено было им, как и прочим иног родным купцам становиться на своих подворьях и торговать прямо с возов, а все товары складывать велено в Новгородских гостиных дворах и платить постояное. В следующем году

там же отданы на откуп весы и меры, что также стесняло торговлю.

По истечении перемирия со Шведами оно заключено еще на 4 года на том же основании, но по свидетельству Кихеля, в сие время торговать во Пскове дозволялось только Немцам и Англичанам; а по прошествии второго перемирия с января 1590 началась опять война, в коей Ямбург, Ивангород и Копорье взяты обратно Россиянами, а потом заключено опять перемирие на год. После опять открылись неприятельские действия, при коих Шведы напали на Псковскую Область, разорили и выжгли Печерский Монастырь и Братию побили, а также и в открытых сражениях имели несколько удач. Но все сие прекращено смертью Шведского Короля Иоанна и опять заключено перемирие на три года, потом 18 мая 1595 года совершенный мир, по коему за Россией с Естляндской стороны осталась вся Ингрия, а от Финляндии Кексгольм; Шведам же уступлена была Нарва и вся Естляндия, с договором однако же, чтобы Россиянам торговать там и с обеих сторон иметь свободный пропуск; также взаимно помогать в случае кораблекрушений; а во Пскове, у которых Шведских Купцов прежде были дворы и дома, оные со всеми принадлежностями велено было им возвратить для складки товаров. Таким образом опять оживилась Псковская торговля, в которой и Англичане и Ганзейские города по прежнему пожелали взять участие. Самая Лифляндия сему обрадовалась; ибо и ее торги остановились. В 1559 году Немецким купцам Игнатию Поперзаку и Андрею Витту дана привилегия торговать во Пскове и в других городах беспошлинно, и с того же года по просьбе Города Любека Царь Борис Годунов дозволил Любчанам торговлю со всей Россией через Ивангород, Псков и Новгород. С тех пор Любские купцы начали приплывать прямо к Ингерманландским берегам, а с 1603 года заняли во Пскове старый свой гостинный двор на Завеличье со всеми прежними правами и вольностями и с дозволением отправлять им даже свое Богослужение в дворовой Церкви. Но воспоследовавшие вскоре за тем в Российском Правлении перевороты и замешательства заставили и их удалиться.

XIV. Мятежи во пскове во время самозванцев

Известно, какие сильные во всей России потрясения произвело появление Дмитрия Самозванца, который брачной записью жене своей Марине уступил даже в приданое Новгородское и Псковское Княжества со всеми городами, Крепостями и жителями, предоставив ей в случае не имения детей управлять и распоряжаться через своих Наместников, дарить, продавать и покупать поместья независимо от Царя, заводить здесь Католические Монастыри, Церкви и школы, определять Католических Епископов и прочее Духовенство и обращать народ в Римскую веру. К счастью низвержение сего тирана отвратило сию язву от Новгорода и Пскова. Но появление иных многих по нем самозванцев повергло Псковичей в другое несчастье. Один из сих самозванцев, именуемый в Летописях Тушинским, разослал из Болхова по городам своих поверенных для соблазнения народа и для убеждения к присяге ему. Таковые поверенные двое, один Стрелецкий Голова, а другой Сотник со Псковскими и Пригородскими Стрельцами принесли так же и во Псков увещательную грамоту. Сии пришельцы расхвалили народу самозванцову мудрость и милосердие и поколебали во Псковичах верность к Царю Василью Иеановичу, тем паче, что народ тогда терпел со всех сторон притеснения и грабежи от своих Правителей и Бояр. Но Псковские Начальники посадили в тюрьму обоих сих присланных, Голову и Сотника с некоторыми другими, а Стрельцов развели по Пригородам и за Мирожу в слободу. К тому же осенью 1607 года Царь Василий Иванович прислал во Псковские темницы более 800 изменников, пойманных в Северских городах. В Декабре от самозванца отпущено и еще несколько Псковских и Пригородских Стрельцов, которые разошлись по своим Пригородам на Себеж, на Опочку, Красной, Остров и Изборск и распространили возмущение. К ним пристали многие Боярские дети с своими холопами и начали Пригорожан и волости приводить к присяге самозванцу. Псковский Наместник Петр Шереметьев, услышав о сем и собрав ратных людей и своих дворовых с Архиерейскими и Монастырскими крестьянами, послал было на изменников сына своего Бориса Воеводою: но сей отряд едва ушел от них обратно во Псков. С другой стороны Новгородцы, узнав об измене во Псковских Областях, прислали уговаривать Псковичей, чтобы они с ними соединились на изменников, извещая при том, что они скоро призовут Шведов на помощь. Но сие самое обещание призыва Шведов устрасило Псковичей, так, что вовсе отказались они от сей помощи и от

союза с Новгородцами, а Наместник Шереметьев с Воеводами и Боярами Псковскими, понадеясь больше воспользоваться замешательством Российского Престола, нежели защитой оною, разобрали себе в поместья лучшие Дворцовые села. В тоже время Воевода Федор Плещеев с Пригорожанами Псковскими, собравшись толпою из Ржева, начали приводить Псковские Области к присяге самозванцу, собирая повсюду кормы себе. Волостные крестьяне обратились с просьбой о защите к Шереметьеву, но он сам позволил им присягать и давать корм и подводы; Вслед за сим изменившие также Изборяне, собравшись, пришли на Псков и даже огнестрельным оружием сразились со Псковичами, предводительствуемыми Воеводою Петром Бурцовым на Ригиной горе; однако же были Псковичами разбиты. В помощь Изборянам уже после боя подошли еще с Выбута от Плещеева бунтовщики, коих силе не могли уже Псковичи противиться и ушли город. Тогда Наместник Шереметьев и Псковский Воевода Иван Грамматин предвидя, что и им от бунтовщиков не спастись, дабы ототвлечь их от Пскова, послали отряд своих войск вниз по реке Великой в займища на Кусву грабить селения, сами же из Пскова вылазками хватили крестьян и мучили пытками, как изменников, не памятуя того, что Наместник им присягать позволил. Сверх того многих и из граждан начал он заключать в темницы, а Стрельцов хотел всех казнить, прочим же угрожал пришествием Новгородцев и Шведов. Все сие тем больше только возмущало народ, который и слышать не хотел о впусчении Шведов во Псков; а за призвание их негодовал и на самого, Царя Василия Ивановича Щуйского. Посему когда вскоре за тем от него присланы были на защиту Пскову и Ивангороду Донские Казаки, то лучшие во Пскове люди отвращаясь их, осмехали, ничем не содействовали им и даже на городовые советы с ними сами не ходили, но давали волю народу, Стрельцам и тем Казакам. Между тем неизвестно с чего, а вероятно умыслом и обманом Плещеева, сентября 1-го 1608 года пронесся слух, что Шведы уже на устье реки Великой и просят во Псков, а Стрельцы с Плещеевым приступили уже к городу. Тогда народ разделился на разный мнения. Духовенство и некоторые граждане хотели быть в осаде и отбиваться от самих Стрельцов: но прочие не соглашались. Весть о Шведах оказалась несправедливой, а вместо их народа того же вечера отворил Великия ворота Плещееву со Стрельцами; иные же выйдя к ним еще за город к Алексеевской Церкви, дали присягу самозванцу. На другой день сентября 2 Плещеев с Боярскими детьми всех Пригородов открыто во Пскове сами дали присягу самозванцу и выпустили из тюрем более 400 Северских Боярских детей и разночинцев, присланных во Псков Царем

Шуйским, и с ними пошли под Москву к самозванцу; а наперед послали с одним Воеводою к нему донесение о покорности. После сего шли во Псков Донские Казаки, бывшие в Ивангороде, а в тоже время и из Новгорода посыльные Бояре и Казаки. Те и другие услышав, что Псковичи уже присягнули самозванцу, сами разделились на разные стороны, и за 15 верст от Пскова в Кляпах подравшись, половина пошла во Псков, а другая возвратилась в Новгород. Вскоре за тем самозванец прислал сюда своих Воевод, которые много собрали денег и набрали рекрутов почти поголовно, тем удобнее, что Псков весь в сем году выгорел и чернь не имела почти пристанища, а многие дети Боярские выехали в Новгород. Пока все сие происходило во Пскове, бывший в Новгороде Наместник Михайло Васильевич Шуйский-Скопин, сродник Царя, по его же повелению 28 февраля 1609 года заключил союз со Швецией и выпросил 5000 вспомогательного Шведского войска, которое 30 марта и пришло в Новгород под предводительством Генерала Иакова Понтуса де-ла Гарди. С сим войском Новгородцы и ушедшие к ним Псковичи и Казаки соединяясь под предводительством Шуйского-Скопина и де-ла Гардия, пришли под Псков, подступили сперва за Мирожей под слободу Стрельцов, но не одолев их, выжгли Завеличье с Церквями и отогнали много скота. Граждане же в городе заперлись от них. Духовенство и многие дети Боярские в сие время усиленно старались уговорить Псковичей к соединению с Новгородцами, но ратные люди, Стрельцы, Козаки, чернь и поселяне стояли твердо в своей присяге самозванцу и для Стрельцов отнимали даже у Бояр коней, а жен тех Бояр, которые отъехали к Новгородцам, засадили под стражу, описали имение их, и не прежде выпустили их, а коней отдали Боярам, как увидели уже, что Новгородцы отступили. Потому что Новгородский Наместник Михайло Васильевич Шуйский-Скопин, оставив их пока в покое, пошел с своим и Шведским войском очищать от Поляков и Литвы другие города, и начавши со Старой Русы до Торопца, Торжка, Твери и Колязина, везде побивал врагов и пришел в Москву, а оттуда выйдя, продолжал опять свои поиски, но в сем походе сам скончался. Смерть сего предводителя и раздоры самих Шведов остановили дальнейший успех всего войска их, а Генерал Понтус де-ла Гарди пошел опять ко Пскову тихим образом. Псковичи вовсе не знали о движении семь и мая 28, когда встречали они за городом Печерскую Икону Божией Матери, разъезжие Псковские Казаки наехали на Шведов и Новгородцев уже верст за десять только до города. Но не в силах будучи остановить их, отстреливались только от них и удалялись ко Пскову. Достигши до города, они сделали по ним выстрел из пушек со стен и с

Великих ворот, и по этому только грому Псковичи узнали о внезапном нашествии Шведов. Ибо, хотя Казацкий Атаман и давал о том заранее известие во Псков, но Духовенство, старшие Чиновники и Боярские дети, желая впустить Новгородцев, утаили оное, и вестника посадили в темницу; а Новгородцы со Шведами отошедши, стали пока на Любятове, куда выбежали к ним и некоторые Духовные и граждане. Из них, однако же, некоторых самозванцы Воеводы поймав, жестокими пытками мучили как их, так и оговоренных ими Бояр, Священников и других людей. Между тем многие были за городом кровопролитные сшибки с Новгородцами и Шведами, а от них Псковским Волостям и Пригородам разорение. В тоже время Шведы заняли города Ямбург и Копорье, куда Псковичи по прошению тамошних граждан отправили также три станицы Козаков, которые там два года сражались с ними. Во все сие время сами Псковские граждане разделяясь на разные мнения, были в сильном волнении, а приверженцы самозванцевы и Стрельцы беспрестанно мучили противников своих и многих заключали в темницы. Августа 18 повели они казнить одного гражданина Алексея Хозина. Увидев сие народ, сам бывшей прежде на их стороне, взволновался и выгнал Стрельцов из города в слободу их за Мерожу, а посаженных в темницах всех выпустил. Потом семь человек сообщников Стрелецких и многих из черни единомышленников их побили камнями, других пытали, иных били кнутами по торгам, 10 человекам головы отсекли, и несколько засадили в темницу. От сего многие виновные и невинные разбежались по Пригородам и селам. Следующего октября 1 числа 1610 года пришел еще из Новгорода с Русскими и Шведскими войсками Князь Иван Мещерский. Но они уже на Псков не нападали, а стоя в поле на Песках, вели только со Псковичами переговоры, в которых Духовенство и знатнейшие граждане сильно наклонили всех к соединению с Новгородцами, но безуспешно. После чего Новгородцы отошли. Благомысленные по крайней мере успели уговорить сограждан, чтобы смутьянов Казаков отпустить из Пскова, а в город не впускать и Стрельцов, которые укрепили уже острогом слободу свою, за Мержой. В конце февраля пришло во Псков известие, что самозванец Тушинский разбит. Духовенство, Бояре и купцы обрадовавшись, заперли город, вооружились, чем кто мог, выехали на площадь, зазвонили в Кремле во Все Соборные колокола, отправили молебствие за Царя Василья Ивановича Шуйского и, друг друга поздравляя, готовились учинить ему присягу идти побить всех Стрельцов. Но мятежная часть черни бросилась на Запсковье, зазвонила в колокола у Козмодамиановской Церкви, куда тотчас собралось множество людей.

Бояре в то время велели было стрелять с Покровской башни от Полонища по Стрелецкой слободе за Мирожей, однако же увидев, что и Полонищане не допустили туда посланных и с башни согнали, обратились на народ в Запсковье, а Запсковляне выставили полковую пушку, направили оную на Званице по Рыбницким воротам, бывшим на Пскове реке к площади, сбили замок у Взвозских ворот от реки Великой и послали в слободу к Стрельцам звать их в помощь на Запсковье. Бояре узнав о сем, всячески старались мятежников уговорить, чтобы Стрельцов не принимать в город и соглашались сами с Новгородцами не соединяться, а жить между собой по старому и зла никому не делать. Но Запсковляне твердили, что Стрельцы нам не изменники; почто вы их в город не пускаете? Между тем 5 человек Стрельцов, посланные из-за Мирожской слободы для разведывания, появились уже на Завеличье. Выехавшие против них во Власьевские ворота конные дети Боярские убили одного Стрельца конного, а остальные побежали к Взвозским воротам. Тогда Бояре послали свою дружину на Полонище смотреть, чтобы Стрельцов не впустили в город, но Полонищане посланных отбыли и Стрельцов впустили. За сим Воевода с детьми Боярскими и Владычными и весьма многие другие граждане, человек триста, убоявшись возмущения, выехали во Власьевские ворота на Великую реку и побежали иные по берегу к Снетной горе, иные в Новгород, иные в Печеры, а многие по домам до времени укрылись. Народ описал имение только тех, кои уехали в Новгород, а прочих оставил в покое. В следующую весну возвратились подо Псков с Новгородцами и Шведами Псковичи, ушедшее к ним туда и сделали многие разорения Псковским Волостям, набегаая из Порхова на деревни, уводя в плен крестьян, отгоняя скот, потравляя нивы и пожни, и побивая выезжих Стрельцов и Казаков; а по реке Нарове Шведы обложили тесной осадой Ивангород, где также много было Псковичей, и томили их голодом. Граждане просили помощи у Пскова, но не получили по причине собственного утеснения от неприятелей, а Ямбург и Копорье совершенно уже были заняты Шведами. В сей крайности Псковичи принужденными себя нашли звать на помощь Пскову, Ивангороду и другим северным городам Литовских Воевод Александра Лисовского и Андрея Просовецкого, пришедших тогда к Великим Лукам с корпусом войск, которые по сему приглашению прибывши во Псков, ходили под Ивангород и Ямбург, и Шведов отогнали.

Между тем по низложении Царя Василья Ивановича Шуйского Бояре Московские, вступившие в управление Государством, общим советом 17-го августа 1610 года избрали на Российский Престол Владислава, сына

Польского Короля Сигизмунда III, которому в Москве, в Новгороде и в Торопце дали уже и присягу, а Псковичам о том прислана была от Патриарха Ермогена и Московских Бояр грамота, чтобы они последовали их примеру. Но Псковичи не согласились целовать Креста Владиславу и крепко стояли за Тушинского самозванца, не отрицаясь и союза с Литовскими Воеводами, которые однако же не щадили самых сих союзников своих, и возвращаясь из-под Ивангорода мимо Пскова, сперва поссорились, потом кровопролитно подрались между собою и корпус Лисовского с Лифляндцами и Литвою отошел к Острову, а Просовецкого стал в двадцати верстах от Пскова, но оба около четырех лет отрядами своими гнездились во Псковских Пригородах и разоряли их; а сообщник их Воевода Григорий Валуев, набрав Литвы и Русских детей Боярских, в самое Рождество Христово напал нечаянно на Великие Луки и выжег, а людей множество перебил. В ту же зиму 1611 года Новгородцы со Шведами ходили на Печеры и ночью, идучи мимо Пскова, выжгли Запсковье. Вскоре после них по Рождестве Христове Воевода Лисовский с Литовским и Лифляндскими войсками тайно подошел оврагами между гор под Печеры, взял острог и торговые лавки, нагреб много богатства и набрал пленных, но Крепости взять не мог, и пошел к Изборску, где встречен был вышедшими для отбою его Псковскими ратными, и сразясь, но не одолев, поворотил на Остров и Опочку, а остановясь на Воронечье, делал набеги на разные Волости по Псковщине. После него марта 10 ночью во время звона к утреннему пению Литовский отряд Хотьковского Воеводы нечаянно подступив также к Печерскому Монастырю, выбил ворота и около 5 часов занимал всю Крепость и город. Псковичи услышав о том, послали туда в защиту 300 вольных людей с 2 Атаманами; но уже поздно, и они там не застали Поляков. Затем марта 17 в самое Вербное Воскресение пришел в Печеры сам Хотьковский с великой артиллерией, стоял 5 недель и два дня; сделал 7 приступов к Крепости, разбил башни и стены, и награвив по окрестностям запасов, пошел под Москву к Литве своей. К сему несчастью Псковской Области присовокупилось и еще новое. Один самозванец из Москвы, бывший Яузский Диакон именем Исидор, забежавши в Новгород, назвал себя Димитрием Царевичем; и поелику Новгородцы его не признали, то он марта 23 прибежал в Ивангород и обманув Ивангородцев, Гдовлян, Ямбургцев и Копорцев, набрал себе великую толпу народного войска, завел переговоры о союзе со Шведским Королем, хотя и безуспешно; а потом готовился идти под Псков. Устрашенные со всех сторон Псковичи тогда отправили в Москву из всех Пригородов своих челобитчиков к Князю Димитрию Трубецкому и

Ивану Заруцкому, начальствовавшим Русскими войсками, и доносили, что Лисовский с Ляфляндцами, а Хотьковский с Литовцами стоят под Печорами; что Новгородцы со Шведами почти не выходят из Псковских Волостей; что самозванец снаряжается на осаду Пскова; что многие напасти отовсюду сходятся, а помощи ни откуда нет. Но посланные привезли уже июля 4 из Москвы Псковичам одни только грамоты от Воевод Прокопья Ляпунова и Ивана Заруцкого. А до того времени еще в апреле месяце Псковские Казаки вызвались идти будто бы на Лисовского, но ушли в Ивангород к самозванцу, который в июне послал их наперед ко Пскову, и они прибывши в ожидании самого его, заняли квартиру в Снеготорском Монастыре; а он июля 8 двинулся из Ивангорода со всеми своими силами ко Псковским Волостям и всюду отгонял скот. Июля 16 пришел он под самый Псков, осадил его, взял и всех привел себе к присяге. В то же самое время Шведский Генерал Понтус де-ла Гарди намереваясь воспользоваться несчастиями, терзающими всю Россию, напал также неприятельски на Новгород и 12 июля того же 1611 года заняв город, предложил гражданам избрать себе на княжение одного из Шведских Принцев, детей Короля Карла IX. Предложение сие по неволе было принято и Новгородцы послали к Шведскому Королю поверенных с просьбой об отпуске которого-нибудь из двух сыновей его; а притом отправлены были по настоянию де-ла Гардия из Новгорода послы и в Москву к Боярам для соглашения и их к принятию Шведского Принца. Но оттуда ничего решительного не получено. Ибо Москва боролась еще с Польскими и Литовскими войсками, уже занявшими ее. А в Швецию Новгородские поверенные пришли уже по кончине Короля Карла IX, Престол коего наследовал старший сын его Густав Адольф. По сему оставалось Новгородцам принять к себе меньшего его брата Карла Филиппа. Но исполнение сего по разным с обеих сторон обстоятельствам долго длилось. Между тем Шведский Генерал в обеспечение своих договоров занял своими войсками все северные Новгородские и Псковские города Кексгольм, Тихвин, Копорье, Ямбург, Ивангород и Гдов и везде посадил своих правителей с войсками. Псковский самозванец, с своей стороны ревнуя как бы о своих правах, послал с Казачьим Атаманом Герасимом Поповым и с другими в Москву и под Троицкий Сергиев Монастырь к стоявшим там Русским войскам грамоты с объявлением себя истинным Димитрием Царевичем и с требованием от всех присяги. Под Москвой бывшие Воеводы и Козаки, не обдумавшись, или надеясь и от сего самозванца какой-нибудь помощи на Поляков, тотчас дали присягу и отправили к нему ответных послов Ивана Глазуна-Плещеева и Казарина

Бегичева, которые прибывши во Псков провозгласили его истинным Царевичем Димитрием и Государем Калужским. Ибо тогда Калуга была гнездом Тушинского самозванца. Но изменившим Воеводам трудно было уговорить к тому же Дворян, которые видя их безрассудство, разбежались даже из Русского войска стоявшего под Москвой, а в Троицком Монастыре Архимандрит Дионисий и Келарь Авраамий Палицын грамоту самозванца изорвали и в присяге вовсе отказали. Но несмотря на сие самозванец услышав, что Шведы заняли Псковские северные города, выступил августа 23 с войском ко Гдову и Ивангороду и взял оные; но Польским и Литовским войскам оставил в добычу все южные Псковские города, из коих Красный город тогда же взят Воеводою Лисовским. Может быть сей Воевода сделал бы больше, когда бы Лифляндцы, бывшие в его корпусе, не отошли от него и не возвратились за границу. Как скоро Шведы с Новгородскими и Псковскими детьми Боярскими узнали о выезде самозванца из Пскова, то пришли под оный августа 31 в числе 4500 человек своего и Русского войска под предводительством Евергарда Горна, Шведского полководца, и осадили жителей. 8 сентября 1612 года выбили они Взвозские на Великую реку ворота, но в город не допущены. Простояв под Псковом всего 5 недель, они октября 7 отошли под Гдов, где тогда находился самозванец. В сие время из Москвы прибыли Воеводы Никита Хвостов, Михайло Милославский и Псковские посыланные опять туда челобитчики с грамотами от Заруцкого и Трубецкого, но также без всякой помощи. Декабря 4 прибежал из Гдова обратно во Псков и самозванец, прокравшись сквозь Шведское войско, а вскоре за ним пришел под Псков Литовский Воевода Лисовский и разорил Стрелецкую слободу за Мирожей, но города взять не мог, вероятно потому, что не имел с собой до статочного войска, надеясь и малым одолеть Псковичей, а в то же время сорок тысяч Литовцев стояли под Себежем. И так отступив, занял он только Пригород Заволочье. Апреля 11 пришел из Москвы ко Пскову с Казаками для осмотра Воевода Иван 17лещеев и мая 10 послал Козакова под Порхов для сторожи от Новгородцев, продолжавших набегать на Псковские Волости. Может быть он принес весть о сомнении Московских Бояр и войск в рассуждении Псковского самозванца. Ибо за сим вскоре сами Псковичи признавши свою ошибку, раскаялись в данной самозванцу присяге; а он заметив перемену в них, 18 мая со Псковским Воеводой Князем Иваном Федоровичем Хованским выбежал было из города, но 20 числа пойман и по приводе в Псков заключен под стражу, а 30 числа повезен в Москву, где и казнен. Сообщники же его рассажены по Псковским тюрьмам впредь до Указа.

Но тем не кончились бедствия Пскова. 8 июля подходили к оному из Порхова Шведы с Татарами; 22 того же месяца приходили они опять с Никитой Вышеславцовым и с детьми Боярскими; июля 3 идучи ко Гдову, в третий раз шли они мимо Пскова и 20 человек убили, а иных в полон поймали. С другой стороны Лисовский переходя по Псковским Пригородам и Волостям, множество делал разорений, от чего и хлеб сделался очень дорог, а бывший тогда во Пскове Воевода Никита, Димитриевич Вельяминов под видом поисков над неприятелями, но в самом деле для корысти своей, рассылая ратных людей по дорогам, откуда хлеб подвозили, затруднял только подвоз оного, и тем возвышал дороговизну. Ивангород от тесной осады Шведов был в такой крайности по недостатку хлеба, что граждане ели уже всякие кожи, и сколько не просили помощи у Пскова и у Москвы, но не получив, принуждены были сдаться, так как и Ямбурцы и Копорцы. Все сии города хотя были Новгородские, но оберегаемы несколько лет Псковичами в смутные времена. Оттуда Шведы с Русскими войсками опять приходили под Псков и стояли за Великой рекой, а после их Лисовский подошедши весной, стоял также целую неделю. Наконец Себежские Казаки и Опоческие разные люди собравшись во множестве, напали на него в Заволочье, разбили совершенно, много Литвы побили, взяли их обоз, сожгли город и поймавши Русских Боярских детей, сообщников их, прислали во Псков; а в наступавшую осень 1613 года пришла весть, что и Москва октября 20 очищена от Литовцев. Но Шведы все еще держались в Новгороде и других северных городах. Генерал де-ла Гарди правительствовал уже там именем Шведского Принца, избранного Новгородцами и призванного на Новгородское княжение, а ко Пскову питал непримиримую вражду, и в ту же осень послал по Печоры отряд своих войск, которые там 28 октября побили в овраге многих Стрельцов Московских и детей Боярских, и много зла посаду причинили. На весну Шведы заняли опять Гдов.

Пока все сие происходило на севере, освобожденная от Литвы Москва думала уже о избрании на Всероссийский Престол Царя, и февраля 21 избрала Боярского сына Михаила Федоровича Романова, который того же 1613 года июня 13 на Вознесение Господне и венчан был на Царство. Сим ободрена была вся Россия при своих бедствиях; а Шведский Принц обманулся в своем чаянии быть не только Новгородским Князем, но и Царем Российским, и не захотел уже ехать в Новгород. Генерал де-ла Гарди не чая также никакого вознаграждения от Новгородцев, начал с тех пор поступать и с ними как открытый неприятель; и хотя Царь послал было в 1614 году корпус войск для изгнания Шведов из Новгородских

Областей, но войска сии только успели очистить Старую Руссу, а под Бронницами разбиты ими, после чего все по-прежнему осталось во власти неприятельской. Тихвинцы сами собой покусились вооружиться и побили бывший у них Шведский отряд, но после выдержали весьма тесную осаду Шведов, совокупившихся уже с Литовцами. А из Псковичей один торговый человек Федор Федулов летом того же года собравши охотных ратных людей, нечаянно напал на Гдов и отнял его у Шведов, которые опять собравшись до 700 человек с одним Князьком своим подступили было к городу, но подошедшие из Пскова свежие войска разбили их и пушки отняли. В другой уже раз Шведский Генерал Евергард Горн с сильнейшим отрядом и артиллерией подступив под Гдов, едва не весь город разрушил и взяв, жителей выпустил. Не задолго перед тем весною и Литовский Воевода Лисовский приходил опять ко Пскову, но уже не для войны, а для переговоров со Псковичами о мире и заключил оный на том, чтобы между ими и Литвой, границей почитать Полоцк, и ратным людям границы не переходить. И так одни только Шведы оставались для Новгородцев и Псковичей неприятелями. А хотя и начаты были также с ними переговоры о мире, но крайне затруднительные. Между тем Псковский Наместник Князь Иван Хованский за согласие свое с самозванцем в 1615 году был сменен и отозван в Москву; а за ним выведено туда же 390 семей Псковичей, признанных в том же виновными. На место его Мая 28 прибыл Наместником Василий Петрович Морозов с двумя Воеводами Федором Леонтьевичем Бутурлиным и Князем Афанасием Федоровичем Гагариным, но без вспомогательного войска.

XV. Нашествие шведского короля Густава Адолфа на Псков

В 1615 году июня 28 числа 300 человек отборных Шведов из Гдова подъехали тайно для проведения ко Пскову и отогнали было Псковские стада. Псковичи однако же нагнав их побили, и 40

человек живых взяли. Но июля 30 в воскресенье рано на рассвете из-за озера явился неожиданно Шведский Король Густав Адолф с 16 тысячами своих войск и Украинских Черкес и занял Святогорский Монастырь, коего Монахи успели только при самом приближении его дать весть Пскову, а сами вывезти туда же Иконы, книги и ризницу. Расположившись там главной квартирой, Король имел намерение взятием города сего заставить Царя Михаила Федоровича заключить с ним выгоднейший для себя мир и получить вознаграждение. Псковичи узнав о сем» нашествии, в тот же день вышли против Шведов и за городом дали жаркое сражение, в котором из пищали прострелен в голову Шведский Генерал Евергард Горн. После сего заперлись они в городе; а Шведы разоряли пока окрестности, забирали многих в полон и приуготовлялись к осаде. Сперва хотели они взять город обманом, и в одну ночь подослали свой отряд, который подошедши ко Взвозским воротам, обманул стражу, назвавшись Русскими, бегущими от неприятеля, и в то же время прибыв к помянутым воротам начиненную порохом петарду, зажег оную, а вслед затем выломил их. В пролом сей устремилось несколько человек к городу и добежали уже до улицы Званицы. Но стражи сделали тревогу и стекшиеся граждане тотчас выгнали вбежавших неприятелей.

После сей неудачи Король начал открытый приступ и 15 августа приблизившись к Варлаамским воротам, под самыми стенами отправил по своему обряду Богомоление с музыкой, начал копать рвы вдоль и поперек по полю, ограждая их плетнями, надолбами, железными цепями, дворами и башнями; устроил малые и большие из дерна батареи числом до десяти, повел многие подкопы и навел два моста через Великую реку. Все сие приуготовив, на третий день открыл он от Варлаамских ворот, а из Завеличья от Ивановского Монастыря и от Ильинской Церкви, с трех сторон вдоль и поперек по стене и Варлаамский угол стрельбу из пушек, и продолжая оную с рассвета до вечера, сбил наугольную башню до половины, а стену до земли. Сверх того бросил он в город 700 бомб и бесчисленное множество каленых ядер. Таковую стрельбу продолжал он еще и в следующие дни, но ничего не успел. Наипаче старался он разбить

ядрами Варлаамскую Церковь, из главы коей казалось войску его, сильная была и на них стрельба, многих в полках их храбрейших побивавшая. Граждане с своей стороны ежедневно также вылазками беспокоили их, а усиливавшихся взойти на стены сталкивали копьями. Наконец 9 октября Шведы сделали самый сильнейший приступ от Варлаамской Церкви, продолжая стрельбу из Завеличья от Ильинской и Иоаннопредтечевской Церкви, и по Великой реке с плотов против нижней решетки Псковы реки; а в проломы стреляли ядрами на цепях, дабы не выпускать за стены граждан. Такая осада продолжалась от восхождения солнца до самого позднего вечера. Граждане отбивали их со стен и ручным оружием, и кипящей сваренной с калом водой, и бревнами, и стрельбой, и камнями, и другими снарядами. После полудня Шведы взошли было уже на стену и заняв угольную Варлаамскую башню, затрубили в трубы, ударили в барабаны и пустили уже отряды свои в город, дабы смутить граждан. Но они немедленно подложив порох в погреб под башню, взорвали всех находившихся в оной и разметали их в реку и по сторонам; а вошедших уже в город выгнали. Потом пользуясь замешательством неприятелей сами вышли за стены, погнали их в поле, так что не успели увезти с собой и артиллерии своей до самой ночи. Во все сие время продолжалось Богомоление от Духовенства в паперти Варлаамской и в Соборной Троицкой Церкви; а от Иконы Богородицы, принесенной из Завеличья с другими многими в Петропавловскую Церковь, по сказанию Псковской Летописи, слышан был глас обещавший защиту граду. Бывшие пленными у Шведов и возвратившиеся сказывали, что они видели по полкам Шведским грозно разъезжающих и устрашающих неприятеля Благоверных Князей Гавриила и Тимофея. Были и другие благочестивым людям в городе явления. Напоследок кроме многих граждан убиенных на вылазках и взятых в плен, вся осада сия для Шведов была безуспешна, хотя они сначала и похвалились в три часа, потом в три дня взять город. Даже Церкви Варлаамская и Троицкая Соборная, на которые они направляли свои выстрелы, остались целы. Между тем поскольку наступала зима, неприятельские же ратники от недостатка пропитания начали разбегаться и переходили уже к осажденным от голода; притом слух пронесся, что идут из Москвы к городу вспомогательные войска; то Король 17 октября снял осаду и через десять дней удалился опять к Нарве в Естляндские свои Области, из коих вышел. Таким образом Псковичи без всякой Помощи сами отразили неприятеля. Ибо хотя по просьбе их через посольных в Москву, посланы были заблаговременно к ним от Царя Воеводы с Казаками, но они во всю осаду простояли в Опочке и пришли у же по

отступлении Шведов. Псковская Летопись говорит, что некоторые охочие Казаки Подмосковные, слыша об осаде Пскова, сами просились туда на помощь, но Бояре де, конечно боясь их измены, заманили лучших из них в Москву, а остальных разогнали. Всех убиенных в сию осаду граждан своих Псковичи собрав тела, с честью погребли у Троицкого Собора, и записали для поминовения в Церковный Синодик; а потом приносили во Псков Печерскую Икону Божией Матери для всеобщего благодарственного моления.

Сим однако же не кончились еще умыслы от Шведов. Ибо в следующее лето 11-го августа приплыли они опять к устью Великой реки с озера и поставили там на горе Крепость близ Николаевской Церкви, в намерении беспокоить оттуда набегами Псковские окрестности и препятствовать подвозу припасов ко Пскову. Но Псковичи следующего 10 декабря 1616 года напав на сию Крепость врасплох, взяли ее со всеми орудиями, а засадных Шведов выпустили. Наконец все сии опасности окончились заключенным между Швецией и Россией в Тихвинской деревне Столбов мирным трактатом 27 февраля 1617 года. После чего Шведы вышли из Новгорода, Порхова и прочих северных Новгородских и Псковских городов. Но им уступлена вся Ингрия с Ивангородом, Ямбургом, Копорьем и Кксгольмом. А в следующую осень под Москвой постановлено и с Польшей перемирие на 14 лет, и декабря 1 следующего 1619 г. утверждено мирным трактатом с уступкой и ей 12 городов Северских и Себежа из числа Псковских. По трактату со Шведами Псковичи опять отдалены стали от приморских пристаней; а Русским купцам, находившимся в уступленных городах, положен срок выхода в Россию с тем, чтобы после срока уже не принимать их, а отдавать назад Шведам. Шведским же подданным и купцам дозволено содержать как во Пскове, так и в других Российских городах свои торговые дворы: но для Богослужения не иметь особой Церкви, а отправлять оное в своих только домах. Шведы хотели еще присвоить себе Псковский город Гдов, который и после за ключения мира долго удерживали, однако же в 1622 году оный возвратили.

XVI. Царствование Михаила Федоровича

Царствование Михаила Федоровича не было для Псковичей облегчением. Выше уже показано, что в 1615 году 300 семейств из Пскова выведено было в Москву. В 1618 году розданы были все Дворцовые Волости Псковским, или лучше сказать Московским во Пскове водворившимся Боярам в поместье. А поелику Волости сии до того времени содержали Государевы войска, присылавшиеся во Псков, то помещики отклонили от себя сию повинность и всю тягость оную возложили уже на Монастырские и Церковные земли, с коих определено было собирать всякий четвертной сноп на войско, а после сбавлено, и назначен восьмой только сноп. Вместо Наместников Царских присылаемы были для управления Области сей уже Воеводы с товарищами, а иногда Стольники Государевы с полным окладом из Псковских же доходов земских. В 1627 и 1628 году по новой переписке и размежевании всех земель и положении на них оброка отписаны на Государя многие Монастырские вотчины и пустоши, а у народа отнято право свободного винокурения и у купцов торговля всякими другими винами, даже Церковными; построены Государевы казенные винокурни, заведены кабаки и отданы кружечным откупщикам, уставлены кабацкие верные или присяжные Головы; возвышены цены на все пития; положен откуп даже квасникам, извозчикам дехтярникам, банщикам и площадным подъячим, и с года на год возвышаема была плата; а сельским жителям не позволяемо было вывозить из города соли более полупуда: но крестьяне Боярских детей вывозили сколько хотели. В 1629 году винные откупы во Пскове отданы уже были не Псковичам, а Москвичам, которые продавали стопу вина по 4 алтына и меру убавили; а потом и по Волостям Псковским построены казенные кабаки, которые также отданы на откуп. За всем сим часто еще требовались от городов Государю якобы добровольные сборы и пожертвования деньгами. Таким образом Псковичи в 1632 г. собрали и послали после Рождества Христова 3000 рублей. В том же году при составлении по всей России служилых списков Боярам и Боярским детям до числа их крестьян и отчинных земель, сколько кому следует на войну выставять ратников и в каком доспехе и оружии, тоже учинено и во Пскове, а при разделении сих войск на десятки или полки по городам, уставлена была и Псковская десятня войск. Но дворяне вздумали облегчить себя в сей повинности жестокими средствами, а именно : в том же году пришли во Псков из Литвы от тамошнего утеснения, тяжких податей и

голода многие семейства Русских людей в Литве живших. Псковские Воеводы начали отдавать их Боярским детям в крестьянство, и которые из них не хотели идти в кабалу, тех сажали в темницы и они скованные ходили по городу для пропитания милостынею. Также вышли тогда из к уступленных Шведам Русских городов многие Русские Псковские люди, но их вовсе не приняли, а отослали назад Шведам. Народ роптал на сие видя, что иностранные купцы себе испрашивая в Москве торговые грамоты, свободно селились во Пскове, получали дозволение заводить свои дворы, торговали всем невозбранно и им отведено было место на Сенной ниве для построения гостиного двора. Тогдашний Архиепископ Иоасаф (после бывший Патриарх) со Псковскими гражданами осмелился, было представить Государю, что от иностранцев подрывается торговля самих Псковичей, и просить о выводе их, но просьба сия не уважена и за оную Архиепископу даже запрещено было Священнослужение. В 1635 году Монастырские и Церковные земли по Указу Государеву освобождены были от дачи восьмого снопа хлеба в Государевы житницы, но вместо того по причине возобновившейся с Польским Королем Владиславом войны, возложена была на Монастырских и Церковных крестьян дань с жилого и пустого двора с 589 чети деньгами 51 рубль и 18 алтын, а всего с проторьми(за свой счет) выходило до 60 рублей; и с того же оклада конных ратников по два человека, из коих каждый обходился в 70 рублей; в следующем году в феврале наложено было еще за подводы по 5 рублей. Все сии ратники того же 1633 года с 4 августа отправлены были к Москве, и оттуда под Вязьму; друшгие ходили к Литовской границе трижды в том же году, под город Освею, третьи были под Друею, и возвратились было во Псков июня 20, но немедленно опять посланы под Лужу, а возвратились уже июля 14. В следующем ноябре Торопчане и Великолучане наряжены были под Невель, город Литовский, а Опочане под Себеж. Нужда в пропитании, натужные походы, изнурение трудами и осенняя непогода погубили Псковского народа более, нежели неприятель. Под Вязьмою Монастырские ратники, не вытерпев тягости, прибежали в ноябре оттуда назад, но за них набраны и посланы туда другие. Между тем Поляки и Литовцы с своей стороны проникли глубоко во Псковскую Область. В 1634 году они опустошили Вышегородские Волости; Гриву и Качанову слободу, хотя Казаки и самих их там много побили; потом выжгли и высекли также Воронечь и Воронцово, посад под городом Островом и многие Волости во Ржеве; после подходили под Печоры, в коих также выжгли посад и ряды, а в другой раз под Опочкой подожгли посад; за сим обратились на Великие Луки и оттуда до Старой Русы. Царь Михаил

Феодорович опасаясь уже потери Пскова, еще в ноябре того же года прислал Псковичам опасную Грамоту, предписав им взять все предосторожности. Почему расставлены были Казаки по Великой реке до Колбежиц и велено было крестьянам кормить их; а Псковский Воевода Димитрий Ефимович Воейков со Стрельцами и Пригородскими ратниками вышел на границу к Опочке и Себежу, и хотя многих Литовцев ловил и бил, но набегов их прекратить не мог. Во все сие время Посадские и Улицкие Старосты во Пскове каждую ночь бессменно все на стенах стояли с оружием, а днем очищали под стенами берег Великой реки ото льда и весь город чинили; причем все ворота были на взаперти, а въезд в город оставлен был один только Власьевский. Несмотря на все сии местные тягости для Псковичей, в апреле того же года присланы во Псков из Москвы купцы еще для собрания с Посадских на войско десятой деньги со всего имения. Поселяне же всех Уездов, сверх рекрут, подвод, и содержания войск пропитанием, по Указу Государеву посылали еще под Смоленск людей с лопатами; и кирками. После столь отяготительной войны на конец 14 июля 1634 года заключен мир с Польшей и уступлены ей 16 городов, а в числе их и от Пскова три, Себеж, Красной и Невель, и все снаряды взятые Псковичами в Освеи, да подвод Псковских для отвозу Польских войск дано было 700. В 1636 году Псковичи почувствовали еще новое стеснение в торгах своих. Прислан был из Москвы гость, или купец братъ на Государя весь лен по Указной цене Московской, а самим Псковичам торговать оным запрещено. При сем последовавшее насилие, грабежи, плата худыми деньгами корелками, и невольной ценой крайне расстроили Псковское купечество.

XVII. Царствование Алексея Михайловича и мятеж во Пскове

Царствование Алексея Михайловича было несколько отраднее для Псковичей. Сей Государь обеспечил их границу и торговлю подтверждением в 1646 году со Шведами Столбовского мира и отличил некоторыми преимуществами Псковское Духовенство. Но Псковичи сами впали в непростительную пред ним вину, заразясь мятежом от Московских и Новгородских бунтовщиков, которые в 1650 году рассеяли слух, будто бы Царский свояк Боярин Морозов согласился с иностранными купцами выпускать за границу деньги Российские и съестные припасы, от чего могли де оскудеть Россияне. Мятеж сей начавшийся еще в Москве, усмирен был там самим Царем, а в Новгороде Митрополитом Никоном, но Псковичи гораздо далее простерли свою дерзость. Они видели сами, что один купец их, Федор Емельянов со Шведским поверенным Левином Нуммерсом по препоручению Псковского Окольничего Пушкина скупает для Швеции хлеб, и 12 июля пришедши в ярость, убили Окольничего, 10 человек помещиков и многих богатых людей, отняли у Нуммерса и хлеб и везенные им из Москвы деньги и обругали его; а увещевавшего их Архиепископа своего Левкия засадили в темницу. В то же самое время пришло во Псков из Польши письмо, писанное от появившегося там нового самозванца лже-Димитрия, который объявлял себя Псковичам единственным законным наследником Российского Престола, увещевал народ упорно защищаться, и обещал скоро прибыть к ним с сильным войском. Для бунтовщиков случай сей показался единственным избежать наказания. Все отrekliсь от повиновения Царю и решились предаться самозванцу, но другие, усомнившиеся в нем, предлагали лучше предаться или Польскому, или Шведскому Королю, так как намерены были тоже сделать и бунтовавшие Новгородцы. Царь принужден был послать во Псков Боярина Князя Ивана Никитича Хованского с несколькими тысячами войск, а Псковичи не только заперлись от них в городе, но делали вылазки на лагерь их, били многих, отбивали орудия и запасы, посылали по уездам разгонщиков для грабежа идущих к войску обозов. Царь назначил Воевод и в Уезды для защиты от мятежников и для подвоза припасов; при том не желая проливать крови, прислал к ним с Коломенским Епископом Рафаилом и многими почетными Духовными особами свою и Патриаршую увещательную грамоту, коими наконец преклонены они к раскаянию и повиновению и были прощены кроме

зачинщиков, но Архиепископ их Левкий вызван в Москву и неизвестно за что лишен Епархии. А убитых бунтовщиками повелено в память потомству и в укоризну мятежникам погрести на площади, и над могилою поставить часовню с надписью имен их, которые в следующем году Царским Указом велено было записать в Синодики Соборные и Монастырские для Всегдашнего поминовения и совершения памяти по ним ежегодно 18 июля. Часовня сия и надпись донныне существуют на площади.

В 1654 году по случаю неприязненных намерений со стороны Польши Государь начал готовиться к войне и разослал Бояр для набор войск. Во Псков прислал он для сего в октябре Окольничего и Воеводу Семена Лукьяновича Стрешнева. Но в облегчение подданных своих в том же году отменил он все мелочные казенные сборы и ограничил некоторые важнейшие земские подати. Ибо Царствование Михаила Феодоровича стеснило и отяготило все внутренние торги, промыслы, ремесла и купли откупками и пошлинами. Везде по большим дорогам взыскиваемы были с мостовых, речных перевозов, с прохожих людей, с провозимых харчей и всяких мелких промыслов многочисленные Государевы пошлины откупщиками. Подражая сему и помещики на своих землях и проселочных дорогах сами тоже делали, а иные отдавали также на откуп сии пошлины даже с излишком перед казенными сборами. Царь Алексей Михайлович изданной 30 апреля сего года уставной Грамотой повелел уничтожить все такие сборы и откупы казенные и частные с промышленников и харчевых подвозов и продаж. Оставлен только весьма умеренный назначенный сбор с воскобоен, ледаколеней, бань, соляных и рыбных промыслов, перевозов и мостов, а преступникам сего Устава обещана смертная казнь.

С мая месяца того же года выступили со всех сторон Государевы войска в Польшу, а Псковский отряд под Дисну, Друю, Озерище и Усвят, которые оный и взял. Вслед за сей войной началась другая со Шведами от Лифляндии по всей границе, и Российские войска доходили до Риги, которую однако же не взяли. Но в следующем 1656 году заключено с обоими Государствами перемирие. В 1659 году началась опять война с Польшей, продолжавшаяся до 1667 года, и на сей случай войско во Пскове обучали уже по Немецкой дисциплине, а в 1661 году при заключении мира со Швецией постановлен сверх того торговый договор, по которому Шведским купцам позволено иметь во Пскове открытую Церковь на своем дворе. поелику же до сего времени Новгородцы и Псковичи продолжали еще сверх иностранных и общих Российских денег торговать и своими собственными, то в 1663 году Государь отменил торги талерами,

четвертями и Московскими медными деньгами, указав торговать общими Российскими серебряными, а собственные Новгородские и Псковские штемпели монет отобрал в Москву и упразднил у них монетные дворы, В 1667 году при издании Таможенного Устава Псков положен в числе пограничных Таможенных городов, и тогда же учреждены для сбора пошлин Псковская Таможня под Печерским Монастырем и на Желатском острове и выбраны из гостей и лучших торговых людей Таможенные Головы и Целовальники, сменявшиеся по очереди. Но в 1677 году повелено и с Псковских купцов за привозные чужестранные товары брать в Таможне, как с иностранцев, ефимками.

XVIII. Царствование преемников Алексея Михайловича

Царствование преемников Царя Алексея Михайловича до времен Государя Петра I-го замечательно еще для Пскова в 1678 году бывшей переписью не только дворов, но и душ, и взятием с каждого двора, кроме Духовных, по рублю подати. Духовенство тогда просило снять с их вотчин рыболовные, соляные и другие торговые пошлины по древним Тарханским грамотам, но не получило сей свободы. А как при вышеупомянутой переписи от присланных из Москвы переписчиков производимы были многие притеснения; притом и по Таможенным пропускам у откупщиков и купцов тогда открыты были многие злоупотребления и в продажах обмеры, а за все сие произведены были строгие многими истязания, то с 18 февраля 1679 года открылся ужасный во Пскове бунт и междоусобие, продолжавшееся пять месяцев с половиной, так что никакой силой народ укротить было невозможно, и, по сказанию Летописи, только чудом явившимся от Иконы Пресвятой Богородицы в Церкви Преподобного Сергия Радонежского, прекращено смятение. После сего учреждены были новые меры в торгах, продажах и отдачах; а старые, как неудобные, отменены. Таможенные же сборы повелено с 1681 года содержать уже на вере с Крестным целованием, а за утаенные товары и цены следовать строжайше, даже до пытки. Если же у кого найдется вино Церковное и другое питье и ладан подделанные, то сверх отобрания всего сего в казну, виновных уставлено наказывать кнутом. С тех пор торговля сделалась несколько совестнее, а в 1686 году апреля 26 заключенный с Польшей вновь дружественный и торговый союз открыл и Псковичам новый путь к торгам.

Наконец со времени Царствования Государя Петра I наступила решительная эпоха безопасности Псковской Области от соседей, которые несколько веков заставляли Псковичей беспрестанно быть на страже своих пределов. Случай к сему подала начавшаяся с 1700 года война со Шведским Королем Карлом XII. Псковская Область, как пограничная к Шведским Провинциям, была также театром сей войны и до 1710 года участвовала во всех тяготах оной содержанием войска, крепостными работами, мостами, подвозом военных снарядов и проч. Описание всех сих пожертвований и военных происшествий, бывших на Псковских границах, слишком распространило бы сию Историю. Но важнейшие случаи сей пограничной войны означены в сокращенной Псковской Летописи,

приобщенной к сей же Истории. Псковичи больше всего тогда потерпели от прекращения вдруг всех торгов своих с иностранцами по Финскому заливу. Правда в замену того Указом 1700 года июля 2 позволено было им провозить товары свои к Архангельскому порту. Но они мало воспользовались тем за дальностью. Государь за их пожертвования старался их утешить с самого начала войны возвращением им некоторых прав судебных, позволив городским Головам самим наказывать преступников, а только для пытки и смертной казни отсылать к Воеводе. Но едва кончились для них тягости северной войны, то сильное моровое поветрие, открывшееся в 1710 году опустошило весь Псков, Изборск, Гдов и Порхов; а в следующем, 1711 году ноября 8 случившийся во Пскове пожар истребил все городские здания деревянные, кроме Кремля и нескольких дворов на Запсковье у Варлаамской Церкви и посада на Завеличье. Вместе с сим открывшийся новый Петербургский порт, отвлекший не только всех чужестранных но и Рижских, Ревельских и Нарвских торговцев к оному данными им привилегиями, почти отнял у Псковских купцов и надежду к поправлению себя. Правда в 1718 году для особенной выгоды их восстановлен и Нарвский порт, в который позволено им и Новгородцам свозить из своей Области лен, пеньку и юфть, но преимущественная из всей почти России в Петербург обращенная торговля сими же произведениями ослабляла Нарвскую. Притом в самой Нарве достаточнейшие из Новгородцев купцы отнимали у них преимущество, а Рижский порт к себе отвлек все Двинские произведения .

В 1721 году августа 30 заключенный со Швецией мир доставил выгоды вообще Российской торговле, а в Нарву свозить Российские товары предоставлено единственно Псковичам для их поправления. Но не долго пользовались они сим преимуществом, и в 1728 году Указом от 21 августа ограничено их право, а дозволено им возить только Псковской и Великолуцкой Провинции произведения в Нарву, Ревель и Ригу; перекупных же из чужих рук товаров, особливо пеньки, льна, юфти и сала отправлять туда уже не велено, дабы не сделать подрыва С. Петербургской торговле. На сей конец во всех Псковских городах и Пригородах учреждены городские для записки скупщиков Таможни, которые давали на гербовой бумаге явочные грамоты на покупную их сумму и на купленный товар скупщикам за таможенной на черном воске ежемесячной печатью. Но такие обрядные стеснения и особливо привязчивости Таможенных приставников были почти тоже, что совершенное запрещение. Правда из сего исключены были Сибирские, Персидские, Бухарские и другие восточные и лавочные товары, но Псковские купцы

редкие могли промышлять оными. В 1749 году Указом от 9 ноября, для пресечения тайного провоза в Россию из Лифляндии, Естляндии, также и от портов Риги, Ревеля, Аренсбурга и Дерпта иностранных, а из России туда Российских товаров, велено учредить во Пскове главную Таможню, а в 1751 году для сего повелено сделать заставы между Псковом, Великими Луками, Торопцом и Смоленском. Все сие существовало до отдачи в 1757 году всех Российских Таможен на откуп. Таким образом с начала XVIII столетия приметно истощались и торги и самое народонаселение Пскова и Области его, так что и самый дух древней промышленности увял во Пскове.

XIX. Преобразование псковского правления и пределов оною

Между тем в конце 1708 года, когда Государь Петр I разделил Россию на 8 Губерний и 37 Провинций, тогда Псковская Область, названная Провинцией, приписана была к Ингерманландской, в 1710 году С. Петербургской названной Губернии. Сим учреждением переименовано и все прежнее Псковское правительство. Начальствующим положено быть Воеводе с двумя товарищами, или Ассессорами, одним Секретарем и несколькими Канцелярскими Чинами для Приказной Палаты и для площадного письма. Для купечества же уставлена Ратуша с Бургомистрами, а с 1719 года особенное Магистратское Правление. Вся Псковская Провинция составлена была из 9-ти городов Уездных и 8 безуездных или, так названных, Пригородов. Уездные принадлежавшие к ней города были Гдов, Изборск, Остров, Опочка, посад Холмский, Заволочье, Пусторжев и Кобыльск; Пригороды Приписные к Острову Вышегород, Вреев, Выбор, Дубков с погостом Дубецким, местечко Володимирец, а к Опочке Красное Городище, Велье и Воронеч. Последние сии уважены только по знатым бывающим в них ярмаркам. В Уездных городах управляли Комиссары, а в Пригородах Старосты и Сотские. В сем состоянии Псковская Область находилась до времен Императрицы Екатерины II.

В 1772 году Указом 16 апреля и 18 сентября, по переименовании Псковской Провинции Белорусской второй Губернией, издана был штат оной, и Указом 9 октября того же года разделена она была на 5 Провинций, Псковскую, Великолуцкую, Витебскую, Полоцкую и Двинскую, и в каждой Провинции определен Воевода с Товарищем, или Ассессором, Секретарем и несколькими Канцелярскими Чинами. Но Губернским городом по сосредоточенному тогдашнему положению в Губернии назначен был города Опочка, в коем для сего и выстроены все каменные Присутственные места. Первым Губернатором сей Губернии определен тогда Генерал – Майор Кречетников, а Генерал – Губернатором Псковским и Могилевским Генерал – Аншеф Граф Чернышов.

В 1776 г. Именным Указом 24 августа повелено было даже переименовать Псковскую Губернию Полоцкою и из ведомостей ее исключить Провинцию Псковскую и Великолуцкую. Но в 1777 году по именному Указу от 3 августа Псковская Провинция преобразована по новому Учреждению Губерний и декабря 18 того же года открыто

Псковское Наместничество. С сего времени Псков снова назначен быть Губернским городом, а Губернии положено состоять из десяти городов и Уездов, означенных в том именном Указе т. е. из Псковского, Островского, Опочецкого, Пусторжевского (переименованного Новоржевским), Веиколуцкого, Торопецкого, Холмского, Порховского, Лугского и Гдовского. Тем же Указом повелено между старыми Уездами сделать уравнение от одного к другому предписанным по Учреждению числом жителей; к новым же двум Уездам, т. е. к Холмскому приписать из Великолуцкого и Торопецкого, а к Лугскому из Гдовского, Порховского и Новгородского положенное Учреждением число душ, Холмский посад переименовать городом на основании новых городов Новгородской Губернии, назвав оный городом Холмом. На реке Луге учредить новый город близ урочища, где река Вревка в Лугу впадает, наименовав оный городом Лугою; а правление Пусторжевского Уезда, бывшее в Заволочьи, перевести в Оршанский стан на реку Сорет, яко в средину Новоржевского Уезда, и на большую из Пскова в Великие Луки дорогу, где и учредить город под именованьем Новоржева, но в 1781 году по именному Указу от 11 декабря Лугский и Гдовский Уезды присоединены к С. Петербургской Губернии; а в 1762 году по Указу от 20 июня Псковский Уезд разделен на два, и другим Уездным городом в оном учреждена слобода Печоры.

По вступлении на Престол Государя Императора Павла I в 1797 году именным Указом от 1 мая повелено Псковскую Губернию разделить на шесть Уездов: Псковский, Островской, Опочецкий, Великолуцкий, Торопецкий и Порховской. Посему почти весь Печерский Уезд присоединен ко Псковскому, а часть малая к Островскому; Новоржевский частью к Островскомц и Порховскомц, а частью к Великолуцкому; Холмский частью к Великолуцкому а частью к Торопецкому. Но в 1802 году оба последние города и Уезды опять учреждены по прежнему, а Печеры остались безуездным городом. В 1823 году Указом 9 августа Псковская Губерния причислена была к Остзейским Провинциям и того же числа Генерал-Адъютант Маркиз Паулуччи, Лифляндский, Эстляндский и Курляндский Генерал-Губернатор, определен и Псковским Генерал-Губернатором, но Указом 1 января, 1830 г. Псковская Губерния отделена опять от Остзейских Провинций под управление своего Гражданского Губернатора.

XX. Ополчения псковичей и происшествия в две последние войны с французами

При первой войне с Французами 1807 года Псковская Губерния по примеру других собирала свою Земскую Милицию и Псковское Дворянство в следующем году награждено за пожертвования похвальной от Его Императорского Величества Грамотой. Но при второй 1812 года войне все сословия Псковской Губернии сделали еще более пожертвований, коих цена исчислена всего до 16 миллионов рублей, сверх 4,320 человек ополчения, составленного из 8 Дружин по названию городов, и собранного по 6-й дивизии из Дворянских поместий и прочих со ста по две души. Начальником оною Дворянство избрало 24 июля Псковского Помещика Генерал – Майора и Кавалера Николая Степановича Карамышева. Но сие ополчение не выходило из границ своей Губернии, а оставалось в одной для запаса. Между тем со стороны Витебска, Полоцка и Риги неприятели угрожали уже нашествием и Псковской Губернии, а разъезды их добежали уже от Себежа до самой Псковской границы. В сей черте с Российской стороны находился командующим Регулярными и Земскими войсками Генерал Лейтенант Граф Петр Христианович Витгенштейн против четырех Фельдмаршалов Французских Удинота, Магдональда, Гувииона Сент- Сира и Виктора. Первый из них с сорокопяти тысячным корпусом отборнейшего войска, называвшегося Адским Легионом, напал на Витгенштейна 18 июля 1812 года под селением Клястицами, по дороге от Полоцка к Себежу, но был разбит едва третьею долею Русских войск в сравнении с Французскими. В следующие два дня 19 и 20 июля продолжаемо было тоже поражение, и неприятелей убито до 10,000, а в плен взято до 3,000 с 25 офицерами и двумя орудиями. 29 июля Удинот опять вышел против Витгенштейна при Местечке Коханове и опять разбит. 5 и 6 августа уже два неприятельских Фельдмаршала Удинот и Сент-Сир при Полоцке стали против него, но оба опять были разбиты и сами с Генералом их Деруа ранены; одних Обер-Офицеров Баварских убито и ранено 117, а нижних чинов более 5,000; в плен взято до 3,000 и 15 батарейных орудий. 10 августа при Местечке Белом, Баварцы с Генералом своим Графом Вредом побиты на голову, и потом продолжаемы были над неприятелем поиски по Уездам Полоцкому и Городецкому. 8 октября взят приступом Полоцк после двухдневного, упорнейшего сражения и Фельдмаршал Сент – Сир вытеснен за Двину. От Полоцка до Лепеля гнали уже безостановочно неприятеля, который

оставлял и пушки и людей и обозы и потерял одними пленными около 100 Штаб – и Обер – Офицеров, до 6,000 рядовых, 9 пушек, 90 зарядных ящичков и многочисленный обоз Баварского корпуса. 19 октября при селении Чашниках Витгенштейн разбил корпус Фельдмаршала Виктор, 26 октября отряд его под начальством Генерал – Майора Гарпе взял с бою Витебск и в нем два орудия и много запасов. 2 ноября при деревне Смольне Витебской Губернии вторично сам Витгенштейн побил Фельдмаршала Виктора и рассеял толпы неприятельские по берегам реки Двины, Ушачи, Улы и Бережевицы; а отдельный корпус его сблизился с главной армией Князя Смоленского, Михайлы Ларионовича Голенищева – Кутцова. 15 ноября разбил он в третий раз Виктора при Старом Борисове; а 17 того же месяца самого Наполеона при переправе его у селения Студенца через реку Березину. К 10 декабря передовой отряд Витгенштейнов был уже в пограничном Прусском город Тильзит.

Граждане Псковские, чувствуя в полной мере обязанность свою сему вождю за охранение и защищение пределов Псковской Губернии от впадения неприятельского, приговорили общим советом написать Икону Святого Благоверного Князя Гавриила Псковского Чудотворца с надписью: Защитнику Пскова, Графу Петру Христиановичу Витгенштейну от купцов сего города Сентября 1 1812 года. По приготовлении сей Иконы, писанной на кипарисе и в серебряном позлащенном чеканном окладе, сентября 1 случившегося в Воскресенье, все собрались в общественную залу, из коей Икону понесли в Кафедральный Псковский Собор, где в приделе Благоверного Князя Гавриила освятив ее по чиноположению, поставили на раке Чудотворцевой. Затем начата Литургия и при окончании оной пред Молебном сказано Соборным Протоиереем Петром Вехсновским трогательное слово, извлекшее слезы у слушателей. По совершении Молебствия с коленопреклонением, Протоиерей вручил Икону с просфорами двум избранным из Общества Депутатам, купцам Ивану Ивановичу Ефремову и Ивану Ивановичу Шарину, которые того же дня пополудни и выехали к Графу Витгенштейну, находившемуся тогда в мызе Соколищах, а прибыли 5 сентября и немедленно явились. При сем случае купец Шарин говорил Графу сочиненную им самим в простых, но выразительных словах речь³⁰, которой Граф чувствительно был тронут, и два дня угощал Депутатов с отменной лаской, при всем Штабе сажая их за стол возле себя. На принятие от Пскова поднесенной Иконы с вышеупомянутой надписью, послал он просить Высочайшего дозволения, которое от 14 сентября того же 1812 года ему прислано. А с отпущенными 7 сентября обратно во Псков Депутатами отправил он Псковскому

Купечеству благодарственный ответ. Октября 7 Псковские граждане с принесенной из Печерского Монастыря Чудотворной Иконой Богородицы сделали около города Крестный ход и о том донесли Графу Витгенштейну, который в ответе своем от 16 октября уведомил граждан, что он за Молитвами их того же 7 числа под Полоцком разбив совершенно неприятеля, взял на другой день штурмом и Полоцк. В сентябре следующего 1813 года Дворянство, Купечество, мещанство и прочие сословия Псковские удостоились получить от Его Императорского Величества похвальные Грамоты за ревность и пожертвования для отражения всеобщего врага.

По окончании сей второй войны с Французами, когда Граф Витгенштейн в 1814 году сентября 12 прибыл во Псков, то был встречен и угощен того же числа городским обществом, а на другой день Дворянством и 16 числа препровожден до Печер. При угощении город был освещаем и производилась пушечная пальба; а при отпуске общество с благодарственным письмом поднесло ему 2,500 рублей на раздачу воинам; Дворянство же намерено было поставить ему на площади памятник. но сам Граф собрав от Корпуса своего до 30,000 рублей добровольных подаяний, назначил оные на украшение Печерской Чудотворной Иконы Божией Матери, а остальные на устройство в Печерском Монастыре Церкви, и в ней памятника Генералам и Штаб и Обер-Офицерам, падшим при защите Псковской Губернии под его начальством с надписанием имен всех их. Церковь сия по утвержденному Его Императорским Величеством плану ныне уже выстроена, но памятник еще не изготовлен.

Прибавление к 1-й части Истории Княжества Псковского

I. Высочайшая Грамота, пожалованная Псковскому Дворянству в 1808 году

Божией поспешествующей Милостью, МЫ, АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического. Государь Псковекий и Великий Князь Смоленский, Литовский, Вольнский и Подольский, Князь Естляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгорода Низовской Земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северные страны Повелитель, и Государь Иверский, Карталинской, Грузинской и Кабардинской Земли, Черкасских и Горских Князей и иных наследный Государь и Обладатель, Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг Голштинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Олденбургский, и Государь Еверский, и прочая и прочая, и прочая.

Всем известно, с коликою ревностию и усердием благородное Российское Дворянство по возванию Нашему подвизалось в образовании Земского Войска. Знаменитые опыты единодушного его содействия в Летописях общественных деяний всегда пребудут незабвенны, и к чести Российского имени вместе с памятью происшествий прейдут к позднешему потомству.

В сем общем подвиге благородное Дворянство Псковской Губернии не щадя ни трудов, ни жертв своего достоинства ознаменовало себя отличным соревнованием ко благу общему.

Именем благодарного Отечества воздав в свое время сим достохвальным побуждением принадлежащую справедливость, признали мы за благо в вящее оной утверждение сей особенной нашей Грамотой изобразить благородному сословию Дворянства Псковской Губернии свидетельство Нашей признательности и неперемняемого благоволения .

В удостоверение чего Мы сию Нашу Грамоту рукой Нашей подписали и Государственной Печатью утвердить повелели. Дана в Санктпетербурге месяца декабря в тридесять первый день, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот осьме, Царствование же Нашего осьмое.

Подлинное подписано тако:

АЛЕКСАНДР.

Министр Иностранных Дел Граф
Николай Румянцев.

II. Речь, Псковским Депутатам, Купцом Иваном Шариным говоренная Графу Витгенштейну 5 сентября 1812 года в Мызе Соколищах, в его Квартире, при собрании Генералитета и прочих Армейских Чиновников

Сиятельнейший Граф!
Милостивый Государь!

Удостоите принятия от Псковского Градского Общества малейший дар: но дар сей оно приносит вам из глубины сердечной с воплем к Царю Царей на Небо, и к сему Угоднику Божиему, Благоверному Князю, Гавриилу Псковскому Чудотворцу, который молитвами своими охраняет Богом спасаемый град Псков и пределы оногo, а вам и всему Его Императорского Величества храброму во бранях воинству помогает врага льстивого поражать и из Земли России с бесчестьем изгонять.

Сиятельнейший Граф! Вы своей неутомимой храбростью от алчных врагов путь ко граду Пскову, который вы же уверили, что он безопасен уже состоит; и вы же обезопасили жителей в оном и с семействами в своих домах благополучно пребывать. За сие все граждане от мала и до велика с чувствительностью взывают. Граф Витгенштейн благодель нам! Он защитник нам! Помози ему Господи! И продли его жизнь в здравии и благополучии для охранения нас!

На сию речь Граф отвечал с чувствительностью так: "Невидимо Божия сила помогает нам; уверьте ихъ, Бог поможет, будут сохранены, будут благополучны и спокойны."

III. Письмо Графа Витгенштейна Псковским Гражданам

Почтенное Общество Псковского Купечества! Препровожденный с двумя Депутатами купцами сего города Гм Ефремовым и Гм Шариным, хлеб и Икону Святого Благоверного и Великаго Князя Гавриила Псковскаго Чудотворца, принимаю я от сего почтенного Общества, как благословение любезнейших, верных и ревностных соотечественников с достодолжным уважением к сему неоцененному для меня дару; и с чувством живейшей благодарности, которую приношу я от лица всех храбрых воинов, вверенный мн Корпус составляющих, кои были виновники одержанных нами побед над неприятелем.

Икона сия останется драгоценным памятником как мне, так и потомству моему, под покровительством которой и молитвами сего Угодника я надеюсь, что Всевышний ниспошлет свое Благословение одолеть кровожаждущего и алчного врага нашего, очистить от его насилий весь край сей и сделаться достойнее вашей лестной для меня признательности к слабым моим заслугам, оказанным дражайшему нашему Отечеству и городу Пскову; о чем я всеподданнейше представил вместе с сим его Императорскому Величеству, с испрошением Всемиловитвейшего позволения принять оный Образ, пребывая навсегда обязанным и с чувством истинной благодарности к Обществу Псковского Купечества,

Покорный Слуга,

Граф Петр Витгенштейн.

В лагере при Мызе Соколищах сентября

6 дня 1812 года.

IV. Графа Витгенштейна приказ по корпусу. Корпусная Квартира сентября 6 дня 1812 года, Мыза Соколища

Купечество города Пскова, движимое признательностью за спасение города их и всей Губернии от вторжения хищного и коварного врага, храбростью, неустрашимостью и искусством Войск 1-го Отдельного Корпуса, коим его Сиятельство вменяет себе в честь предводительствовать, чрез Депутатов своих представило его Сиятельству вчерашнего числа от города хлеб и Икону Св. Благоверного и Великого Князя Гавриила Псковского с изъявлением живейшей благодарности их за таковое спасение и с желанием, чтобы Угодник сей предстательством своим у Престола Всевышнего испросил благословение оружие нашему на дальнейшее поражение супостатов и спасение дражайшего Отечества нашего, которое надменные и алчные враги поработить мнили. Приемля таковой дар усердия их в истинной цене его, Господин Корпусной Командир с приятнейшим удовольствием извещает о сем храбрых сослуживцев своих, относя к ним все ему приписываемое и оставаясь в совершеннейшей уверенности, что каждый из воинов Корпуса его, защищая милую родину свою, подобно Св. Князю Гавриилу Псковскому, написавшему на мече своем, чести моей никому не дам, докажет и впредь, что честь, свобода, отечество и слава Августейшего Монарха нашего дороже жизни и всего нашего достояния.

У подлинного подписано: Верно.

Старший Адъютант Майор Каховский.

V.Его Императорского Величества Всемиловитвейший Респикт Графу Витгенштейну

Граф Петр Христианович! поднесенный вам от Общества Псковского Купечества Образ Гавриила Чудотворца с надписью Защитнику Пскова, я не токмо Принять вам позволяю, но и купцов изъявивших Вам свою благодарность за сей поступок их похваляю. Святой и Благоверный Князь Гавриил имеет на мече своем подпись: чести моей никому не отдам. Вы со вверенным вам воинством защищая Псков и отечество, оказали себя ревностным сему правилу его последователем, а потому не сомневаюсь, чтобы Сей Угодник Божий, видя образ свой в руках ваших, не веселился духом и не осенял вас свыше. Пребываю вам благосклонный.

На подлинном Собственной Его
Императорского Величества рукой
подписано тако :
АЛЕКСАНДР. Получено 16 октября 1812 года.

VI. Уведомление от Графа Витгенштейна Псковскому Губернатору Князю Шаховскому

С живейшим удовольствием видел я из письма вашего от 8-го сего октября, что почтенные жители города Пскова, как истинные и ревностные сыны Отечества, горя усердием ко благу оною, 7-го числа со всем Духовенством ходили с Иконами Крестным ходом и молили всещедрого Создателя о даровании мне милостивой еще помощи на одоление общего и алчного врага нашего. Почему долгом поставляю как вам, так и всем гражданам Пскова принести чувствительнейшую за то благодарность от лица всех войск мне вверенным, а притом уведомляю вас с тем, чтобы вы и им всем сообщили, что молитвы их Всевышним услышаны, и я как чрез оные, так и под покровительством благословения их Иконы Святого Благоверного Великого Князя Гавриила, Псковского Чудотворца, разбив совершенно неприятеля под Полоцком, то самое 7 число ночью овладел штурмом сим городом; потом перейдя за Двину гоню его авангардами моими к городу Лепелю; а сам с корпусом нахожусь в местечке Ушачь 43 версты от Полоцка, взяв до сего времени в плен до 50 Штаб и Обер – Офицеров, в том числе три Полковника, и около 3,000 нижних чинов, 22 знамя всего Баварского корпуса, 9 пушек, до 70 артиллерийских ящиков, наполненных пушечными снарядами и большую часть обоза Баварцев отрезал от корпуса Маршала Гувиона Сент-Сира, и с помощью Божией надеюсь нанести им большой вред. Теперь сии два неприятельские Корпуса разбиты так, что они уже не в состоянии со мною драться без весьма большего их подкрепления.

Местечко Ушачи. Октября 1812 года.

VII. Письмо псковских граждан Графу Витгенштейну при провожании его из Пскова Ему поданное

Сиятельнейший Граф!

Вожденейший наш посетитель³¹!

Нет слов, нет выражений коими бы наслаждавшиеся лицезрением твоим граждане довольно изъяснить могли радостные свои ощущения. Герой бессмертный! посещение защищенного мужеством твоим града, и примерное твое благочестие пребудут незабвенны в вечные времена; а кротость, снисхождение и благосклонность к гражданам, никогда не изгладятся из сердец наших, сердец преисполненных чувствованиями вечной к тебе благодарности.

Сиятельнейший Граф !

Какую может принести вам благодарность за ту великую честь, которую вы оказали нам хотя кратковременным, но вечно незабвенным во граде сем пребыванием! Что воздадим тебе, муж венчанный лаврами и славой, за ту кротость, которую мы неизменно зрели на непобедоносном челе твоём, за ту благодать, с которой ты принимал нас, за ту беспримерную ласковость, с которой вы обращались с нами? – Одно только благоговейное почтение, одну токмо беспредельную признательность, одну токмо пламенную любовь, преизбыточно наполняющую сердца наши, осмеливаемся вместо всякой благодарности изъяснить пред тобой. Но чтобы засвидетельствовать оную каким – либо, хотя малым внешним знаком; то Псковское купеческое и мещанское Общество от усердия и благодарных чувств составив сумму в 2,500 рублей посвящает оную в пользу тех храбрых воинов, которые сражаясь под предводительством вашего Сиятельства за спасение наше и Отечества, за полученными ранами не могут уже служить оному.

Сиятельнейший Граф!

Просим и молим тебя, дабы сие наше пожертвование приняли те воины от руки бессмертного и обожаемого ими своего Полководца. И в заключение нашей сердечной к вашему Сиятельству преданности имеем счастье быть во всю жизнь нашу с совершенным высокопочтением.

Сиятельнейший Граф!

Вожденнейший посетитель!

Вашего Сиятельства

От лица всего Псковского Купечества и мещанства всепокорнейшие слуги.

На подлинном подписали: Градский Глава Семен Трубинской,
Бургомистр Илья Развозов и Бургомистр Иван Шарин.

VIII. Высочайшая Грамота пожалованная Псковскому купечеству

мещанству и прочим сословиям.

Б о ж и е ю Милостью, МЫ АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ, Император и Самодержец Всероссийский и прочая и прочая и прочая, Объявляем всенародно.

В минувшее лето при вступлении в пределы Нашей Империи ополченного великими силами неприятеля и потом защитой Божией, единодушием народа и храбростью войск наших вспять опрокинутого и с потеряннем почти всего ополчения своего едва из оных спасшегося, почтенное Псковское Купечество, также мещанство и прочие сословия соревнуя благородному усердию Дворян, не пощадили ни крови, ни имуществ своих для сок рушения свирепствовавшего в сердце России врага. Знатные и добровольные их для снабдения и продовольствия войск наших пожертвования споспешествовали к увенчанию Отечества бессмертной славой. Обращая с признательностью внимание наше на столь единодушное усердие всего Псковского Купечества и прочих сословий, мы жалуем им сию Нашу Царскую Грамоту в засвидетельствование заслуг пред Отечеством и постоянством.

На подлинном подписано:

АЛЕКСАНДР.

Главная квартира, город Комотау в Богемии, сентября 14-го 1813 г.

IX. Высочайшая Грамота пожалованная Псковскому Дворянству

Божиею Милостию,
МЫ АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ,
Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и
прочая,

Объявляем всенародно:

В прошедшем году, когда, Богу попускающе, злонамеренный
неприятель собрав разнородные и великие силы, вторгся в наши пределы,
и Богу же милосердствующу о нас, едва с малыми остатками бедственно и
срамно мог уйти из оных, в сие незабвенное для России время благородное
Псковское Дворянство из первых ярости и гневу лютого врага
предстоявшее, встретило его с свойственной Россиянам твердостью и
мужеством; в продолжении же брани, от вступления до изгнания
неприятеля, не переставало оно знатными и добровольными
пожертвованиями споспешествовать к истреблению врага, доставляя
преследовавшим его войскам нашим всякое пособие и продовольствие.
Толь достохвальное усердие и ревность всего Псковскаго Дворянства
обращают к нему внимание и признательность Нашу, во изъявление
которых Мы жалуем ему сию Нашу Царскую Грамату для
засвидетельствования знаменитых заслуг его пред Отечеством и
потомством .

Подлинное подписано тако:

АЛЕКСАНДР.

Главная Квартира, город Комотау в Богемии, Сентября 24-го 1813
года.

Конец первой части.

Примечания

¹ - О названии Кривичей разные толки. Татищев производил оное либо от Сарматского слова Криви, значащего верховье, или от Латышского в восточной Пруссии, по сказанию Дуйсбурга, в городе Ромов пребывшего Первосвященника Криве, коего учения они якобы держались. Другие думают, что их столица была между Вильном, Гродном и Минском и называлась Криве; а у Герберштейна там упомянут Крева городок с опустевшим замком. Третьи производят их от древнейших Кривичей, упоминаемых еще у Геродота кн. IV. 49. живших сперва во Фракии. Граф Иван Потоцкий находит их и в Летописи Иорнанда под именем Хринов; а у Константина Багрянородного они называются Кривитени, и земля их полагается между реками Припятью и Немоном.

² - Село Выбутское, или у народа именуемое Лыбутское существует и ныне, а ниже оно в полуторе верст на реке Великой двумя рукавами около лежащего по середине острова обтекающей, один рукав мельче текущий в броне по каменному дну, называется до ныне Ольгиными, слудами (слуда значит подводный камень); другой же рукав поглубже Ольгиными воротами. Ниже сего урочища на правом берегу устья реки Кеби, впадающей в реку Череху, есть другое урочище известное под именем Буденик или Будники. Издревле предание гласит, что там была также отчизна Ольгина и родина Вел. Князя Владимира Святославича, внука Ольгина, в Летописях именуемая Будятино село. До недавних времен там была еще деревня, принадлежавшая фамилии Графа Разумовского, после переведенная на другое место за Великую реку. Но для запашки полей до ныне оставлен на том месте, именуемом также Буденик, приказный и скотный двор. С 1809 г. сие имение было куплено Г. Р. Державиным.

³ - Плискова, Переяславль или Переславец (бывший после Столицею Великого Князя Святослава) и другие города на правом берегу Дуная в Болгарии, по сказанию Кодына и неизвестного Греческого описателя Константинопольских Древностей, изданных Бандурием, построены Императором Константином Великим. Лев Диахон, Историк 10 века, описывает завоевание сих городов Императором Цимисхием во время войны со Святославом. Греческие Историки 11 в 12 века упоминают также о Задунайском Плискове, Перляславле других Болгарских городах и тогда еще существовавших.

⁴ - Особенная Изборская Летопись подробно напечатана в

Отечественных Записках 1825 г. и в 6 части Трудов, Московского Исторического Общества

⁵ - На польском языке доньше dziedzines значит.....перед палатами или замком, площадка дворовая.

⁶ - В Архивных делах Польских (Мос. Иностран. Арх. № 18, л. 125) сказано, что Государь Царь Феодор Иванович после отца своего смерти, Князя Ивана Петровича Шуйского за его службу пожаловал великим жалованием в кормление Псковом объема половинами и с Пригороды и с шамгою и с кабаки.

⁷ - Карамз. Истор. Государ. Росс. Том X. стр. 243 и прим. 148.

⁸ - В Новгороде был еще разряд Огнищан, не упоминаемый во Пскове. Некоторые наши писатели почитают их за одно с первостатейными Гражданами. Но Огнищем и ныне по Вологодской, Архангелогородской и Вятской Губерниями называется лес вызженный для посева хлеба, или льна, и земледельцы таким легким образом засевающие и не имеющие постоянной пашни прозываются Огнищанами, а во Пскове, по скудности земли, не могло быть таких пахарей.

⁹ - Подлинная сия Грамота напечат. в Истории Росс. Государства том V Примеч. 104.

¹⁰ - Arehiv für Geographie, Historie Staats – und Kriegskunst 1820 jahr.

¹¹ - Из оставшихся Государственных Печатей и Грамот Великого Князя Ивана Васильевича и сына его Василия видно, что они титуловались тоолько Великими Князьями Новгородскими и Псковскими и проч. А Царь Иоанн Васильевич сперва Господарем, а потом Государем Псковским. Но Псковичи в своих печатях до времен Петра I все еще удерживали титло Господарства Псковского.

¹² - См. Историю Российской Иерархии том. II, стр. 391.

¹³ - Оттиски сих печатей на сургуче есть в ризнице Псковского Кафедрального Собора.

¹⁴ - См. Вышеупомянутое Собран. Государ. Грамм. Часть I, стр. 11 и 17.

¹⁵ - Раздел Земских повинностей по дворам, или сошным работникам при общественных сходах обыкновенно назначался в волостях на колодах нарубками счета повинностей. От сего то и назывался раздел сей рубленным. Сей обычай порубок доньше еще сохраняется в Сибирских и некоторых Украинских Волостях и селах, и разрубить повинности или платеж, значит у них разделить на участки. В Псковской Летописи

встречаются еще слова поруб и порублении люди совсем в другом значении. Первое значит погреб, служивший темницею для заключенных, а последнее людей заключенных.

¹⁶ - Гривна кун в сравнении с гривною серебра в различных временах изменялась ценою, смотря по востребованию мехов, или редкости серебра. Толкователи Русской Правды, изданной 1792 и 1799 г., утверждали, что в Ярославово время за гривну серебра ценилось 2, а в Мономахово время 7 ½ гривен кун. Но на чем основали они сие сказание, не известно. Из Исторических же свидетельств видно, во-первых, в договоре Смоленского Князя с Рижанами 1228 г. гривна серебра сравнена с 4 гривнами кун. В 1230 г. при бывшем голоде Новгородцы платили за четверть ржи гривну серебра или семь гривен кунами, как сказано в Летописях. В 1409 г. во Пскове за полтину серебра давали по 15 гривен кунами. Но все сии унижения цены гривны кун должно разуметь о клейменных только лоскутках кожаных. Ибо не вероятно, чтобы цена самих кунных и прочих пушных мехов доходила до такой дешевизны.

¹⁷ - Поскольку кун и их дробных монет считалось в гривне кун, о том не согласны мнения. Толкователи Русской Правды говорят, что в гривне серебра считалось 20 кун, в одной куне 20 векошей, а монетами ногат в куне 4, резаной в наготе 8. Но Н.М. Карамзин по сличению разных статей Русской Правды и других известий выводит, что в гривне было что в гривне было 25 кун, векошей в куне около 10, ногат в куне 20, а резаной в куне 2. А в Русской Правде, по списку Татищевой Новгородской Летописи, означены резани, где в других названы куны. Из сего следовало бы заключить, что куна каждая стоила одной резани, если только сие не ошибка писца. Название монеты Нагота есть и в Прусских Летописях, а в Естляндии доньне паһат значит шкуру. Впрочем М.Т. Каченовский доказывает, что вместо шкурных денег надобно разуметь монеты металлические. См. Вестник Европы 1827 и 1828 г.

¹⁸ - Из найденных в 1821 г. Мая 16 в Новгороде близ Зверина Монастыря в городском валу более пуда таких серебряных брусков призматико-пирамидальной фигуры, по концам округленных, оказалось, что некоторые из них длиною в 4 дюйма и от 6 до 8 линий Английской меры, весом от 44 ¾ до 46 золотников; другие длиною в 2 дюйма 4 линии, весом от 21 ½ до 23 золотников. Проба серебра во всех 93. Если первые были рубли, а последние полтины, то в гривне серебра считалось два рубля, а полтин 4. Толкователи же Русской Правды полагали 4 рубля в гривне. Если же разуметь малую весовую гривну в 48 золотников, равную

Немецкой марке, упоминаемой у Г. Карамзина И.Г.Р. Том I, стран.125, Примеч. 298; то меньшие бруски надобно почитать рублями, а большие гривнами. На некоторых из сих брусков видны клейма с лицами Святых, коих голова окружена венцом, а на иных изображение каких-то птиц и животных; другие же вовсе без клейм.

¹⁹ - Лифляндские Летописи говорят, якобы Псковский Князь сам сдал им город. Арндт Псковского Князя, сдавшего сей город и потому удалившегося, называет Ярополком. Но князя сего имени не было никогда во Пскове; и потому надобно разуметь или Юрия, в сие время княжившего здесь, или Ярослава, изгнанного и вожатая Лифляндцев, который пребывая у них, продолжал именоваться Псковским Князем введении их изменою Твердислава в город, мог хвалиться сдачею им оногo.

²⁰ - Грамота сего Псковского Посольства и ответ Казимиров записаны в Польской Метрике и в конце приурочены индиктом 13, что приходится в 1480 году. Там же записаны и три Казимировы Грамоты Псковичам жалобные на обиды Литовским купцам.

²¹ - А Гильзен в своей Лифляндской Истории пишет, что Рижский Архиепископ Гилдебрант уставил сие празднование не 15 но 14. числа сентября на день Воздвижения честнаго Креста, предписав по всей Лифляндии около каждой Церкви Совершать хождение с обношением Св. Таин и с пением гимна *Te Deum laudamus* с припевом на конец: *grates nunc omnes reddamus Domino Deo, qui sua benignitate nos liberauit de Rithenica potestate* И СО Стихом *Huic oportet et cet*; Сей церемониал напечатан и в Рижском Бревиарие (Молитвенник) изданном в Айстердаме 1513 г. и с того де времени Руские обыкновенно называли Рыцарей Лифляндских железными.

²² - Не известно, из каких известий написал Гильзен в своей Лифляндской Истории, что якобы в 1509 году Псковичи посылали к Лифляндскому Орденмейстеру Илетснбергу послов с просьбою, чтобы по причине домашних их несогласий между Начальниками и Гражданством, принял он их в соединение с Лифляндею и якобы Орденмейстер боясь нарушить недавно заключенный с Россией мир, отказал им; и для того то якобы Псковичи обратились к Великому Князю Московскому Василию Ивановичу с просьбой об уничтожении у них Аристократического Правления и об укрощении своевольства Граждан.

²³ - Так свидетельствует Русский Временник : но Псковский Летописец говорит, что сию новую свою Церковь во имя Преподобной Ксении (24 января, день прибытия его во Псков) Государь поставил на

Пустой улице в саднике Ермолки Хлебникова. Улица же сия Пустой слыла де, потому что между огородов И дворовна ней не было.

²⁴ - То есть по числу земли, сколько кто обрабатывает. В каждой сохе считалось три обжи, а каждая обжа причиталась на одного работника с лошадью. Следовательно соха значила три работника с тремя лошадьми . По сему счету делалась и денежная раскладка податей. А поелику распашка диких земель с года на год распространялась, то чрез 10 лет или более присланы были писцы посошные для описывания земель и покосов и от того произошли Писцовые Книги. В военные походы посошный набор был вместо запасного Земского войска для дополнения служащих и до востребования составлял обозный корпус. Посохи были частью конные, частью пешие. Избранным в оную позволялось вместо себя нанимать охочих людей.

²⁵ - Все сие явление обстоятельно описано на Иконе, находящейся донине в той же Покровской Церкви под изображением самого того явления. В Историческом Описании Московского уУспенского Собора сказано, что там над южными дверьми в деревянном кивоте стоит за стеклом изображение и мера Чудотворной Иконы Псково-Покровской Обители, зовомые во Угле, на которой изображено вышеупомянутое явление. На одной из трех золотых таблиц при том списке находится следующая надпись: „1740 года, сей образ тщанием ее Императорского Величества Великой Государыни, Императрицы, Анны Иоанновны, Самодержицы Всероссийской, обложен золотым окладом и украшен алмазами по ее Императорского Величества Христолюбивой вере к сему образу для бывшей войны против Турок и Татар с 1736 по 1740 год, которым праведных ради молитв даровал Бог Всероссийской Империи над супротивными победу ”.

²⁶ - Тогда дорога сия лежала через реку Череху.

²⁷ - Грамота сия напечатана в Повести о начале и основании Печерского Монастыря 1807 года в Московской Синод. Типографии.

²⁸ - Наказную данную им для договоров грамоту в 19статьях можно видеть в Росс. Истории Щербатова и в Ильинского Истиорич. Описании. города Пскова. Польские Историки пишут, что один Русский Дьяк Богдан, перебежавший к ним, ошкрыл всю тайну сего Наказа и потому то де Русские поверенные ничего больше вытребовать не успели, кроме предписанного уже на случай крайности .

²⁹ - Русские послы домогались Царю своему Императорского титула,

но Поссевин сие отклонил, изъясняя, что якобы в Христианстве больше одного Императора быть не может. А Польские послы не согласились в своих актах писать его даже и Царем, а только Великим Князем: но Русским уступлено было в своих актах именовать его и Царем .

³⁰ - Речь сию и письма Графа к Псковичам, так как и Рескрипт к нему от Государя Императора и две похвальные Грамоты Императорские, данные Псковскому Дворянству и Купечеству, присовокуплены на конце сей первой части Истории.

³¹ - Граф Витгенштейн прибыл во Псков 12 сентября 1814 г. и 14 числа был на балу у Граждан, 15 у Губернатора Князя Шаховского, а 16 выехал к Печорам, где приготовлен был ему фриштик.

Содержание

История княжества Псковского. Том I митрополит Евгений (Болховитинов)	1
I. О начальном поселении Славян в Изборском Княжестве	2
II. О правлении изборских славян	4
III. О начале города Пскова устройении и населении оногo	6
IV. О Земском разделении и устройении Псковского княжества	13
V. О Образе правления Псковского княжества	16
VI. Об уставах, законах, обыкновениях и нравах псковских	22
VII. О гербе и печатях псковских	25
VIII. О воинской силе псковской	27
IX. О торговле псковской	29
X. О монете псковской	32
XI. О разных поколениях псковских князей, и о важнейших происшествиях при них	35
XII. О покорении Псковского Княжества Великому Князю Московскому	72
XIII. Нашествие шведского короля Иоанна с севера, а польского Стефана Батория с юга, на псковские области и на Псков	87
XIV. Мятежи во пскове во время самозванцев	112
XV. Нашествие шведского короля Густава Адолфа на Псков	122
XVI. Царствование Михаила Федоровича	125
XVII. Царствование Алексея Михайловича и мятеж во Пскове	128
XVIII. Царствование преемников Алексея	131

Михайловича	131
XIX.Преобразование псковского правления и пределов оногo	134
XX. Ополчения псковичей и происшествия в две последние войны с французами	136
Прибавление к 1-й части Истории Княжества Псковского	139
I. Высочайшая Грамота, пожалованная Псковскому Дворянству в 1808 году	140
II. Речь, Псковским Депутатам, Купцом Иваном Шариным говоренная Графу Витгенштейну 5 сентября 1812 года в Мызе Соколищах, в его Квартире, при собрании Генералитета и прочих Армейских Чиновников	142
III. Письмо Графа Витгенштейна Псковским Гражданам	143
IV. Графа Витгенштейна приказ по корпусу. Корпусная Квартира сентября 6 дня 1812 года, Мыза Соколища	144
V.Его Императорского Величества Всемиловитвейший Респикт Графу Витгенштейну	145
VI.Уведомление от Графа Витгенштейна Псковскому Губернатору Князю Шаховскому	146
VII.Письмо псковских граждан Графу Витгенштейну при провожании его из Пскова Ему поданное	147
VIII.Высочайшая Грамота пожалованная Псковскому купечеству	149
IX.Высочайшая Грамота пожалованная Псковскому Дворянству	150
Примечания	151